ВОСПОМИНАНІЯ

о

ДАВНО МИНУВШЕМЪ И НЕДАВНО БЫЛОМЪ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Александры Мельниковой.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

памяти дорогой матери моей.

1893—96 года. Полтава.

МОСКВА.
Др. Типо-Литографія Яковлевой А. П. Поплавской, Покровка, домъ № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою. Москва, 5 апрѣля 1898 года.

Вмѣсто предисловія.

Кто-то, когда-то, по поводу чего-то, высказалъ такого рода мнѣніе, что всякому, мало-мальски развитому человѣку, а въ крайнемъ случаѣ даже просто грамотному, слѣдовало бы писать свои записки, мемуары, не заботясь о красотѣ слога, не отступая передъ бѣдностью событій и скудостью обстановки, на томъ основаніи, будто-бы, что въ жизни каждаго человѣка есть непремѣнно свои интересные моменты; что изъ событій, совершающихся при извѣстной обстановкѣ, цѣликомъ воспроизводится жизнь того времени и нравы, и обычаи; лица же, дѣйствующія въ нихъ, иногда помимо воли самого пишущаго, представляютъ цѣлый рядъ типовъ, хотя и не всегда крупныхъ, но часто любопытныхъ и во всякомъ случаѣ характеризующихъ эпоху.

Вотъ почему я, не смущаясь, приступаю къ изложенію своихъ воспоминаній и думаю, что, тщательно записывая свое, близкое, слишкомъ знакомое для меня и, по видимому, не важное,—я незамѣтно знакомлю читающаго съ жизнью и духомъ того времени, выводя на свѣтъ или давно позабытое или никогда не знаемое.

Не люблю я предисловій, а вѣдь и я сама не могла обойтись безъ вступительныхъ словъ, приступая къ воспоминаніямъ своимъ. Видно никакъ нельзя вспомнить публично, не извиняясь предварительно передъ публикой и не испросивъ у нея снисхожденія! Чтожъ, не я первая и, вѣроятно, не я и послѣдняя. Итакъ, съ Богомъ!

Часть первая.

ГЛАВА I.

Точно сквозь густой туманъ мерещатся мнѣ отдаленныя времена моего ранняго дѣтства, вижу я, какъ во снѣ, большое, пребольшое зданіе... Это деревенскія хоромы моего дѣда по матери, помѣщика Полтавской губерніи, Андрея Ѳедоровича Лукьяновичъ, изъ крупныхъ.

Онъ былъ женатъ на Витовтовой, изъ рода литовскаго князя Витовта. Братъ моей бабки, Витовтовъ, былъ однимъ изъ дѣльныхъ статсъ-секретарей того времени; но хотя и былъ отличенъ при дворѣ, а средствъ не имѣлъ, ни родовыхъ, ни пріобрѣтенныхъ на службѣ. Единственная дочь его воспитывалась на казенный счетъ въ одномъ изъ столичныхъ институтовъ и по выпускѣ удостоилась чести быть назначена ко двору Ея Величества флейлиной. Статсъ-секретарь взглянулъ, однако, иначе на это отличіе и наотрѣзъ отказался отпустить дочь ко двору.

Въ молодости дѣдушка служилъ въ военной службѣ, гдѣ и какъ—не помню; знаю, что онъ командовалъ частью, но полкомъ-ли, дивизіей или корпусомъ—осталось для меня покрытымъ мракомъ неизвѣстности, такъ какъ, будучи ребенкомъ, и даже позднѣе, въ ранней молодости, слушая разсказы старшихъ о любимомъ дѣдушкѣ, я не придавала никакого значенія такимъ подробностямъ. Впослѣдствіи, дѣдушка былъ генералъ-губернаторомъ въ Оренбургѣ. Однажды былъ у него, по какому то случаю, нарадный балъ; конечно, много было на томъ балу званыхъ и избранныхъ; но видно, что и незваннымъ было нетрудно проникнуть туда, при желаніи и

умѣнье, потому что никого не поразило появленіе въ генералъ-губернаторскихъ залахъ незнакомой обществу дамы, уже немолодой и, вдобавокъ, некрасивой, въ черномъ платьѣ съ георгіевскимъ крестомъ на груди. Смѣло пробираясь между рядами приглашенныхъ, незнакомка прямо подошла къ дѣдушкѣ и протянула ему руку: „Позвольте мнѣ еще разъ пожать вашу руку, генералъ" сказала она; на что любезный хозяинъ, хотя и недоумѣвая, отвѣтилъ вѣжливо, пожимая маленькую ручку:—„извините, не имѣю чести знать..." „Я, Дурова, бывшій поручикъ Александровъ, имѣвшій честь служить подъ начальствомъ вашего превосходительства" отвѣчала дама. Нечего и говорить о восторгѣ дѣда моего и о послѣдовавшихъ взаимныхъ изліяніяхъ.

Потомки Александрова-Дуровой, нынѣшніе братья Дуровы, избрали иной путь къ славѣ, презрѣвъ лавры, которые пожинала ихъ бабка: одинъ дрессируетъ крысъ, а другой свиней, и оба пользуются громкою извѣстностью. То было время, а теперь другое.

Но вернемся къ хоромамъ дѣда. Долго готовился лѣсъ для постройки этого дома, долго строился домъ и много говорилось о его грандіозныхъ размѣрахъ; наконецъ домъ построенъ, отдѣланъ, расписанъ, готовъ. Крѣпостные хохлы ахнули передъ затѣей своего пана и на радостяхъ при освященіи дома выпили не одну чарку доброй горілки, а сосѣди, понаѣхавшіе отовсюду, для празднованія великаго событія, накушались по горло всякой всячины и запили славнымъ *спотыкачемъ* (старая, крѣпкая водка, отъ которой спотыкнешься, выпивъ ее не въ мѣру).

Чего только не было въ этотъ домѣ! комнаты всевозможныхъ размѣровъ и видовъ: залы съ хорами и безъ хоръ, гостиныя, диванныя, боскетныя, расписанныя сверху до низу причудливыми изображеніями фантастическихъ ландшафтовъ, сказочныхъ птицъ и невиданныхъ цвѣтовъ. Въ каждой комнатѣ была устроена какая-нибудь штука, то потайная дверь, то шкафъ или дверь съ замысловатымъ замкомъ или тайною пружиной, словно въ тѣ времена жизни на распашку кому-нибудь нужны были всѣ эти секретныя выдумки! Просто барскія затѣи были. Помню я живо: въ сторонѣ отъ дома стояла огромная скирда сѣна; но не спроста она тутъ очутилась, и не простая была скирда, а тоже съ фокусомъ, какъ все въ этомъ дѣдовскомъ домѣ. Была и въ ней, незамѣтная для глазъ, потайная дверь, ключъ отъ которой хранился у дѣдушки. Страсть какъ любилъ онъ озадачивать новыхъ гостей или тѣхъ, кто, по какому-нибудь

случаю, заѣзжалъ къ нему издалека. Лукаво улыбаясь, ведетъ дѣдъ свою компанію полюбоваться хорошимъ сѣномъ, а самъ достаетъ тихонько ключъ изъ кармана, и заранѣе торжествуя, весь сіяющій радостью, онъ вводитъ гостей во внутренность скирды, т. е. въ большую, прекрасно отдѣланную залу, посреди которой стоитъ длиннѣйшій столъ, уже накрытый для обѣда и ярко освѣщенный. Гости громко выражаютъ восторгъ и горячо поздравляютъ дѣдушку съ счастливой выдумкой; по данному знаку—прекрасный доморощенный оркестръ играетъ маршъ, приличествующій случаю; во время обѣда поютъ пѣсенники, а по окончаніи пира—сопровождая многочисленные тосты—раздаются выстрѣлы изъ маленькой мортиры, стоявшей у входа. Всѣмъ было весело! Въ саду, недалеко отъ дома, стояли два каменные истукана, гдѣ-то выкопанные, вѣроятно, древніе идолы и, надо признаться, довольно неуклюжіе. Но для меня, въ дѣтствѣ, эти безобразные „дѣдъ и баба" имѣли какую то особую прелесть и были цѣлью моихъ ежедневныхъ прогулокъ и предметомъ продолжительныхъ наблюденій: стою, бывало, передъ ними и гляжу въ упоръ, стараясь разобрать, что, молъ, оно за штука, кукла или не кукла?

Въ ту отдаленную, блаженную пору, когда люди жили для того, чтобы хорошенько поѣсть—обѣденный часъ былъ эпохой дня, обѣдъ чѣмъ-то въ родѣ священнодѣйствія, жертвоприношенія мамонѣ. Заказывали обѣдъ обыкновенно наканунѣ, серьезно обдумывая и обсуждая, что къ чему и съ чѣмъ что; не было тогда денежнаго вопроса, встававшаго на подобіе призрака среди жрецовъ этого культа: всего было въ кладовыхъ вдоволь, все было свое, непокупное, а если и покупалось—чтожъ, это было не важно, лишь бы обѣдъ вышелъ на славу и по вкусу гостямъ, лишь-бы не пересолено, не засушено было, а такъ, чтобы и жирно, и сочно, и смочно! Къ обѣду готовились какъ къ нѣкоему обряду, приступали къ нему чинно и благоговѣйно какъ къ таинству и добросовѣстно занимались истребленіемъ всего, такъ заботливо изготовленнаго, не опасаясь за тяжелыя послѣдствія, въ родѣ нынѣшнихъ катарровъ. Сидятъ за длиннымъ столомъ хозяинъ и его гости, завсегдатаи и домочадцы, аки сенаторы какіе-нибудь, и справившись съ первымъ кушаньемъ, солидно ожидаютъ торжественнаго появленія второго. И вотъ оно является, словно шествуя, на огромномъ блюдѣ, выдвигаемое впередъ осторожными и привычными руками сѣдовласаго слуги, который какъ-бы слѣдуетъ за нимъ, гордо

неся драгоцѣнную ношу и громогласно объявляя въ видѣ доклада: индѣйка, откормленная орѣхами! Эта желанная гостья, рекомендуемая дорогимъ гостямъ хлѣбосольнымъ хозяиномъ, встрѣчена чуть не рукоплесканьями. За ней, въ такомъ же порядкѣ, двигается, возвѣщаемая такъ же громогласно: индѣйка, откормленная каштанами! Неизвѣстно, что главнѣйшимъ образомъ радовало дѣда: самому ли угоститься лакомымъ блюдомъ или гостя подчивать? Вспоминаютъ и до сихъ поръ о томъ, что дѣдъ мой не могъ простить гостю, который мало ѣлъ у него за столомъ или, сохрани Богъ, вовсе не ѣлъ, почему бы то ни было: онъ настолько серьезно серчалъ за это, что въ другой разъ уже не приглашалъ къ себѣ *такого* гостя!

Дѣдушкѣ, насколько я помню его, было уже за 60 лѣтъ; но какъ онъ былъ еще бодръ и свѣжъ тогда! Точно вижу его, неизмѣнно веселаго, игриваго, смѣющагося и готоваго шутить: онъ былъ высокъ ростомъ, плотный и прекрасно сложенный, и не имѣлъ ничего старческаго во всей своей красивой особѣ; одѣтъ солидно, но почти щеголевато. Глядя на его прекрасное, открытое лицо, обрамленное серебристо бѣлыми волосами — невольно залюбуешься на этотъ несуществующій уже типъ стараго барина.

Дѣдушку нельзя было назвать крѣпостникомъ; онъ никого не тѣснилъ, не угнеталъ и не мучилъ; никто не страдалъ подъ его кровомъ; и онъ, помѣщикъ, среди барской своей обстановки, окруженный сонмомъ крѣпостныхъ Левокъ, Ѳомокъ, Васекъ, бывало и самъ смѣется и хочетъ, чтобы все кругомъ него смѣялось: и старикъ Левка, и казачокъ Васька.

Только во время грозы не смѣялся дѣдушка; унылый, подавленный тоскою, онъ не находилъ себѣ мѣста въ цѣломъ домѣ и былъ какъ-то по-дѣтски безпомощенъ и жалокъ. Его уже не забавляли шутки, не тѣшили потѣхи и общество тяготило; но и въ подобныя минуты, душевное настроеніе его не проявлялось наружу нервнымъ раздраженіемъ, капризами или старческимъ брюзжаніемъ: онъ только уединялся въ свою комнату, гдѣ его слышали ходящимъ взадъ и впередъ тяжелыми шагами; по временамъ онъ испускалъ тяжелые вздохи и громко молился. Но проходила гроза и дѣдушка стряхивалъ съ себя уныніе и слабость, и съ первыми лучами солнца выходилъ изъ своей комнаты, розовый, улыбающійся, здоровый, съ шуткою на устахъ.

Весь домъ дѣда былъ полонъ проживавшими тутъ без-

пріютными, безсемейными, обездоленными, праздными и ищущими дѣла или насущнаго хлѣба. Всѣхъ ихъ помѣщалъ у себя дѣдушка, кормилъ, поилъ и одѣвалъ ихъ, дразнилъ и жаловалъ; онъ умѣлъ давать и творить добро, и его кусокъ хлѣба не былъ горекъ, его благодѣянія не тягостны. Всѣ эти проживавшіе у него: старушки, сиротки, голодные и беззащитные сошлись подъ его кровомъ, потому что нужда, горе или неумѣнье трудиться загнали ихъ къ его теплому очагу; ихъ приняли безъ разспросовъ, накормили, напоили, одѣли, обули и помѣстили въ теплый уголъ, на безсрочное жительство — и они сразу почувствовали себя здѣсь подъ крылышкомъ или, какъ говорится, у Христа за пазухой. Хорошо жилось имъ у дѣдушки, да и ему было любо среди всей этой братіи, сошедшейся здѣсь съ разныхъ концовъ свѣта и увеселявшей его своими разнообразными бесѣдами. А сколько безродныхъ старушекъ похоронилъ дѣдушка на свой счетъ, сколькихъ сиротъ призрѣлъ и воспиталъ и пристроилъ, сколько дворянчиковъ опредѣлилъ къ мѣсту, всегда продолжая и впослѣдствіи принимать ихъ у себя въ домѣ наравнѣ съ другими гостями и домочадцами, никогда не давая имъ чувствовать своихъ милостей и не переставая поддерживать ихъ. За все это можно было повеселиться его веселіемъ и порадоваться его потѣхѣ, извиняя и шутки его.

Вотъ образчикъ дѣдушкиныхъ потѣхъ: въ числѣ проживавшихъ у него пансіонерокъ изъ роду бѣдныхъ дворянъ, была, между прочимъ, одна заштатная повивальная бабушка. Однажды вечеромъ, она, ранѣе обыкновеннаго, ушла къ себѣ въ комнату, гдѣ она, поглядывая въ окно, тревожно прислушивалась къ малѣйшему шороху, въ ожиданіи посланца отъ одной сосѣдки-помѣщицы, заранѣе пригласившей ее для своихъ родовъ. По соображенію бабушки, роды предстояли трудные. Дѣдушка, по обыкновенію, былъ посвященъ и въ эти тревоги, и задумалъ съиграть шутку, для общаго увеселенія. Вечеръ былъ зимній, нескончаемый, гостей новыхъ не прибыло, а свои понаскучить успѣли; а на дворѣ завывала вьюга, зги не видать было. Вдругъ докладываютъ, что пріѣхали за бабушкой-повитухой отъ родильницы. Старушка бережно сложила свой чулокъ, за вязаньемъ котораго ее застали, помолилась передъ иконами и даже положила нѣсколько земныхъ поклоновъ; не спѣша одѣлась, укуталась и вышла на подъѣздъ садиться въ сани. Не замѣтила она за вьюгой, слѣпившей ей глаза, что и сани, и люди, и лошади были дѣдушкины; крестясь и охая

усѣлась, уткнула носъ въ ветхій салопишко и поѣхала, шепча молитву о благополучномъ исходѣ благого дѣла. Не замѣтила она, какъ ее трижды обвезли кругомъ дома и лихо подкатили къ парадному, ярко освѣщенному подъѣзду, на которомъ ее встрѣтилъ и самъ помогъ ей выбраться изъ саней сіяющій удовольствіемъ дѣдушка, окруженный многочисленной прислугой, съ фонарями и со свѣчами въ рукахъ, между тѣмъ какъ одинъ изъ музыкантовъ наигрывалъ на скрипкѣ извѣстный въ то время маршъ: „Ты возвратился, благодатный, нашъ кроткій Ангелъ, другъ сердецъ“, сочиненный въ честь Государя Александра I. Потѣха кончилась тѣмъ, что и бабушка засмѣялась, пригрозивъ дѣдушкѣ пальцемъ и обозвавъ его старымъ грѣховодникомъ.

Впрочемъ, не одни бѣдные и безпріютные ютились около богатаго и хлѣбосольнаго барина: дѣдъ былъ уменъ и чрезвычайно любилъ общество разумныхъ людей. Самъ того не замѣчая, онъ былъ истиннымъ меценатомъ своего времени, чутьемъ отыскивая талантливыхъ людей и давая имъ возможность выбиться на свѣтъ изъ мрака невѣжества и неизвѣстности. Онъ цѣнилъ поэзію и литературу, искусства и художества, сочувственно тепло относился къ талантамъ, дорожа ими въ своихъ гостяхъ, выше чиновъ и титуловъ. Много перебывало у него въ домѣ писателей, музыкантовъ, поэтовъ, художниковъ; всѣ они подолгу гостили у дѣдушки, пользуясь его милымъ обществомъ и широкимъ гостепріимствомъ. Въ числѣ многихъ выдающихся личностей, отдыхавшихъ отъ суеты мірской въ домѣ моего дѣда, былъ извѣстный малороссійскій писатель Котляревскій, сроднившійся не только съ самимъ гостепріимнымъ хозяиномъ, но и со всѣмъ его штатомъ. Здѣсь написалъ онъ свою „Наталку Полтавку“, какъ художникъ создавая всѣ дѣйствующія лица по образцамъ, окружавшимъ его. Вся оперетта взята прямо съ натуры; всѣ лица, дѣйствующія въ ней — художественные портреты дѣдушкиной дворни и его домочадцевъ. Но ничто такъ не тѣшило дѣдушку, какъ, по вечерамъ, чтеніе самимъ Котляревскимъ извѣстной поэмы Энеиды, на малороссійскомъ языкѣ, написанной имъ здѣсь.

Гостилъ тутъ и поэтъ Шевченко, внесшій свою долю интереса въ тѣсный кружокъ моего дѣда, которому онъ оставилъ даже, въ память своего пребыванія у него въ домѣ, собственноручно написанный портретъ свой.

Такъ проводилъ время въ своемъ родовомъ помѣстьѣ, Шадѣевѣ, дѣдъ мой, выйдя въ отставку послѣ долговремен-

ной и полезной службы отечеству. Кромѣ пріятныхъ бесѣдъ и чтенія, устраивались зимою и музыкальные вечера, очень часто оканчивавшіеся танцами, въ которыхъ принимали участіе всѣ, не исключая и самого хозяина; составлялись хоры, иногда разыгрывались драматическія произведенія на подмосткахъ домашняго театра, труппою доморощенныхъ актеровъ; а въ заключеніе — ужинъ, по обилію блюдъ не уступающій обѣду, съ возліяніями наливокъ, запеканокъ и всевозможныхъ спотыкачей.

Среди этой барской обстановки, подъ теплымъ крылышкомъ дѣдушки и неусыпнымъ надзоромъ двухъ старыхъ дѣвъ, сестеръ его—росла моя мать, его единственная дочь Любочка. Всего у нея было вволю, всѣ ее баловали и холили (матери она лишилась рано); но, какъ дочери богатаго и знатнаго барина, ей не предоставлялось ни малѣйшей воли, не только поступать, но даже и думать, какъ поступали и думали дочери мелкихъ дворянъ. А о чувствахъ и толковать нечего было: 17-ти лѣтняя Любочка должна была чувствовать въ унисонъ со своими старыми тетками—дѣвами, не допускавшими никакихъ порывовъ, и признавать лишь волю отца, правда добраго, любящаго, но твердо убѣжденнаго, что дѣвушкамъ въ особенности, какъ женщинамъ вообще, воли давать не слѣдуетъ, равно какъ и сужденія имъ своего не дозволялось имѣть: все это было дѣло мужчины. Дѣдушка, какъ и теперь многіе отцы, былъ глубоко убѣжденъ, что никто не съумѣетъ лучше его распорядиться судьбою дочери. Руководствуясь этимъ взглядомъ, онъ безцеремонно отказывалъ всѣмъ женихамъ, просившимъ у него руки дочери, даже и ей не сообщая объ этомъ. Когда же дѣдъ напалъ на подходящаго жениха, онъ немедленно довелъ это до свѣдѣнія дочки, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, предварительно погладивъ ее по головкѣ и поцѣловавъ: „вотъ тебѣ, Любочка, настоящій женихъ; я хорошо знаю его отца и всю семью его: ничѣмъ не хуже нашей. Да и самъ женихъ—молодецъ собой!“ Этимъ было все сказано и рѣшено; разсуждать и противорѣчить было немыслимо. Любочка молча приложилась къ отцовской ручкѣ и пошла на свою половину. Никакихъ волненій, порывовъ или протестовъ не послѣдовало, хотя Любочкѣ нравился сосѣдъ ея, красавецъ Бѣлуха-Кохановскій. Но не такое было тогда время, чтобы смѣть свое сужденіе имѣть. Затѣмъ пошли заздравные тосты, пиры, угощенія; партія была вполнѣ подходящая, обѣ семьи равно довольны; дѣдушка шутилъ и веселился болѣе обыкновеннаго. Оркестръ

гремѣлъ по цѣлымъ днямъ, пѣсенники пѣли, актеры играли, всѣ пили, ѣли, веселились; домочадцы щедро одѣлены, нищимъ много денегъ роздано. Избранный дѣдушкою зять— былъ мой отецъ.

ГЛАВА II.

Какъ мнѣ не помнить моего родного гнѣзда, гдѣ я родилась, провела цѣлое дѣтство и часть юности, гдѣ я вѣнчалась и гдѣ находятся могилы всѣхъ близкихъ мнѣ!? Вотъ оно, навсегда запечатлѣнное въ памяти моей: на горѣ, съ трехъ сторонъ окруженный садомъ, стоитъ нашъ родной домъ, двухъ-этажный, съ мезониномъ, веселенькій, свѣтленькій, точно улыбающійся всѣми своими окнами. Однимъ балкономъ онъ выходитъ въ садъ, называемый маленькимъ, для отличія отъ простирающагося за нимъ другого, большаго сада; съ балкона глядишь прямо въ сиреневую аллею, гдѣ весною, по ночамъ, неумолчно поетъ соловей, а кругомъ все кусты розъ, жасмину, много резеды и другихъ цвѣтовъ...

Не бывало у насъ въ саду ни древнихъ истукановъ, какъ у дѣдушки, ни новѣйшихъ фигуръ, какъ у другихъ, все только зелень, цвѣты да ряды фруктовыхъ деревьевъ, симметрически посаженныхъ вдоль и поперекъ по правильнымъ куртинамъ. Далѣе, за подстриженною стѣною орѣшника и акацій, область тепла и благовонія: здѣсь парники съ разсадою всѣхъ сортовъ, грядки съ лѣкарственными травами и рѣдкими растеніями, теплица, оранжерея и грунтовый сарай, все здѣсь помѣщается.

Лѣтомъ все это открыто, стекла подняты, деревья вынесены на „вольный духъ“ и на солнышко; ихъ выставляютъ правильными рядами, изъ которыхъ они не выйдутъ до самой осени. Здѣсь пахнетъ теплымъ паромъ, навозомъ, мятой, лимоннымъ цвѣтомъ и всякой огородиной и травами.

Еще далѣе, и садъ уже спускается подъ гору, къ сажалкѣ, надъ которою красуется хорошенькій (относительно!) павильонъ съ желѣзнымъ дракономъ на крышѣ и съ темнымъ, сырымъ гротомъ подъ низомъ, гдѣ пахнетъ погребомъ и растутъ какіе-то чахлые грибки.

Сажалка вѣчно покрыта густымъ слоемъ зелени и совсѣмъ заросла тростникомъ; садовникъ увѣряетъ, будто она „цвѣтетъ“; но время цвѣтенія не проходитъ и я не помню ее полною воды; такъ что и имя сажалки осталось за нею только по воспоминанію о когда-то бывшей тутъ водѣ, въ которую будто бы *сажали*, т. е. пускали рыбу. Къ ней привыкли и даже безъ труда допускали, что во время оно въ сажалкѣ этой серебрилась настоящая, не вообразимая вода. Особенно же разыгрывается воображеніе, когда, бывало, лѣтомъ, да еще въ лунную ночь, замечтаешься въ павильонѣ долѣе обыкновеннаго и глядишь, не думая, на то мѣсто, гдѣ въ былое время была вода, луна такъ свѣтло озаряетъ ландшафтъ, а изъ-за стройныхъ тополей, которыми обсажена бывшая сажалка, мерцаютъ огоньки въ избахъ однодворческаго села, отдѣленнаго отъ нашего сада плетнемъ, за которымъ протекаетъ рѣка. О, какъ хорошо тогда задуматься, погрузиться въ мысли, или просто сидѣть тутъ, ни о чемъ не думая, ни о чемъ не заботясь, а только все куда-то глядѣть и къ чему-то прислушиваться, точно вотъ-вотъ услышишь новые звуки, узнаешь что-то, невѣдомое доселѣ!.. и все-таки слышишь, что и раньше, а отрадно оно, какъ высокая мелодія. Тамъ, за рѣкой, непремѣнно кто-нибудь поетъ въ эту пору, или сабака лаетъ или лягушка квакнетъ въ болотѣ. Гдѣ-то проржала лошадь, должно быть тамъ, на „конскомъ заводѣ“. Оглянешься назадъ, въ самую глубь сада—тамъ, темнымъ корридоромъ, безъ конца, безъ просвѣта, тянется вверхъ къ усадьбѣ широкая аллея вѣковыхъ липъ, переплетшихся между собою верхушками и образующими непроницаемый сводъ. Влѣво отъ сажалки, за садомъ, большой прудъ и мельница, отъ котораго вверхъ по склону горы лежитъ село, правильно распланированное, подъ руководствомъ самого отца моего, съ прекрасными, свѣтлыми и просторными избами, отдѣляющимися одна отъ другой плетнемъ и двумя-тремя ивами. Между селомъ и помѣщичьей усадьбой, надъ обрывомъ, стоитъ наша церковь, небольшая, деревянная.

Быть можетъ, я увлекаюсь живостью родныхъ воспоминаній, но мнѣ кажется, что лучше нашего сада я не встрѣчала: 35 десятинъ пространства! тамъ было все: и широкій просторъ куртинъ, съ правильными рядами фруктовыхъ деревьевъ или ягодныхъ кустовъ, и широко раскинувшіяся березы, и серебристыя тополи, и даже дубы могучіе. Такихъ темныхъ липовыхъ аллей, такихъ тѣнистыхъ, густо-

лиственныхъ бесѣдокъ: кленовыхъ, липовыхъ и даже рябиновыхъ—не найти мнѣ больше нигдѣ! А черемуха! Какъ живо помню я это большое дерево, широко раскинувшее свои вѣтви, спускавшіяся до самой земли... а когда весною оно покрывалось, будто снѣгомъ, сверху до низу бѣлыми, душистыми цвѣтами,—точно слышу теперь этотъ сильный запахъ, одурявшій до опьяненія мою дѣтскую голову! Словно вижу ихъ, эти темные навѣсы столѣтнихъ липъ, подъ которые бѣжала я, съ книгою въ рукахъ, спѣша укрыться отъ жгучихъ лучей солнца... Вдали по куртинамъ бѣлѣютъ стволы березъ; а осенью, межъ темной зеленью липъ проглядываютъ, словно коралловые, грозды рябины, случайно попавшей туда. Какое разнообразіе красокъ, какая гармонія и красота въ этомъ родномъ саду!

Другой балконъ дома выходитъ на большой, квадратный дворъ, весь уставленный флигелями, конюшнями, сараями и другими хозяйственными постройками: тутъ ледникъ, погребъ, колодезь, аптека, музыкантская и проч. Во флигеляхъ живутъ служащіе въ домѣ дворовые съ семьями, въ одномъ—контора и квартира управителя, въ другомъ кухня, третій—для гостей и т. д. Въ рощѣ, около самой усадьбы: баня, столярное и машинное заведеніе, прачешная, ткацкая. Вся усадьба обнесена каменной оградой и представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ городка.

Въ эту-то усадьбу привезъ отецъ мой, послѣ свадьбы, молодую жену свою, дѣдушкину дочь; въ этомъ домѣ прожила до самой смерти своей эта чистая душа, никому не сдѣлавъ зла, всепрощающая, безропотная и снисходительная къ человѣческимъ слабостямъ. Черезъ два года послѣ свадьбы отецъ мой лишился зрѣнія; она съ ангельскимъ терпѣніемъ несла крестъ свой до конца, ухаживая за мужемъ, замѣняя ему потерянное зрѣніе и помогая ему во всемъ. Глубоковѣрующая и богобоязненная, она никого, даже дѣтей своихъ, не заставляла подчиняться слѣпо всѣмъ уставамъ нашей религіи и дѣлать по обязанности то, что она дѣлала съ любовью; и эта деликатность матери чрезвычайно сильно дѣйствовала на меня. Такъ, напримѣръ, ей нравилось постить впродолженіе всего Великаго поста, она глубоко вѣрила, что постить, т. е. питаться кушаньями на постномъ маслѣ, необходимо „для души"; и она постила, не огорчаясь шутками отца надъ постниками и постами и не внимая его убѣжденіямъ не ѣсть постной пищи, вредной здоровью. Въ душѣ, я всегда соглашалась съ отцомъ, что

не въ той или другой пищѣ заключается спасеніе души, и что Богу совершенно безразлично, ѣдимъ мы кушанья, приготовленныя на скоромномъ маслѣ или на орѣховомъ. „А по мнѣ—въ умѣренности постъ; а вѣдь постный столъ прелесть какой, и объѣдаемся мы всѣми деликатесами постомъ больше, чѣмъ простымъ нашимъ *щеи* въ мясоѣдъ. Стерляжья уха, пироги съ визигой, соусы рыбные съ грибами, помилуйте! да какой же это постъ!“ говаривалъ отецъ совершенно справедливо; но мнѣ нравилось постить съ матерью, которая въ душѣ радовалась этой добровольной уступкѣ ея религіознымъ взглядамъ.

Пуще всего, мать моя боялась стѣснить или обидѣть кого бы то ни было. Ея дѣтски невинную натуру глубоко коробило всякое безцеремонное разоблаченіе человѣческихъ язвъ, всякое проявленіе порока смущало ее; она, крайне брезгливая, чуждалась всякихъ скандаловъ, какъ-бы стыдясь ихъ, и гадливо сторонилась отъ всякой грязи. Но, при случаѣ, моя строго нравственная мать первая протянула бы руку падшей женщинѣ и помогла бы ей, не стѣсняясь того „что скажутъ“. Несчастье, въ какой-бы формѣ оно ни проявлялось, трогало ее до глубины души. За то всякій цинизмъ смущалъ и отталкивалъ ее. Подобные характеры слагаются только въ глуши и въ тиши деревенской жизни, гдѣ и господа и простой народъ боятся еще грѣха, жалѣютъ „несчастненькихъ“ и „бѣдненькихъ“ и меньше сталкиваются съ наглымъ порокомъ и безшабашнымъ цинизмомъ. Мать моя—не дочь нашего больного, безпокойнаго вѣка; она никогда не понимала стремленій выбиться на волю, быть независимой, бороться съ жизнью, и проч. Лучше сказать, мать моя никогда не знала жизни, думая, что она знаетъ ее, имѣя свою семью, свой домъ и свои священныя обязанности. На что ей воля, когда ей такъ хорошо живется подъ крылышкомъ мужа? къ чему ей искать труда, когда и дома есть чѣмъ заняться: она ведетъ всѣ книги, и по домашнему и по полевому хозяйству: она помощница, собесѣдница и чтица мужа? А въ саду и на скотномъ дворѣ развѣ она не распоряжается, не заглядываетъ и на кухню? Борьбы же и дома довольно: слѣпой мужъ подчасъ невыносимъ бываетъ, раздражается и бранитъ весь свѣтъ, сердится на домашнихъ, кричитъ на прислугу, и весь гнѣвъ, проявляемый имъ вслѣдствіе потери зрѣнія, онъ изливаетъ на жену, которая кротко уговариваетъ, успокоиваетъ его; а иногда, обиженная рѣзкимъ словомъ, сорвавшимся, безъ умысла,

съ языка больного мужа, она украдкою отираетъ набѣжавшія слезы. Вотъ и борьба у нея своя!

На иной почвѣ выросъ отецъ мой, иная среда его воспитывала и обуялъ его иной духъ, не духъ кротости и смиренія, какимъ была преисполнена мать моя, а духъ властолюбія, единодержавія и нетерпимости. Его отецъ, Прокопій Андреевичъ Устимовичъ, тайный совѣтникъ, былъ старый русскій баринъ и вельможа; человѣкъ очень умный, серьезный, но чрезвычайно гордый и властолюбивый, не терпѣвшій противорѣчія, съ твердою волею, а подчасъ суровый, непреклонный, неумолимый. Его уважали и боялись. Однажды, вслѣдствіе крупной сцены между нимъ и старшимъ сыномъ Адріаномъ, моимъ дядей, дѣдъ мой вскипѣлъ необузданнымъ гнѣвомъ и лишилъ сына своего наслѣдства, и умеръ, не простивъ ему. По смерти дѣда все осталось меньшему сыну его, Николаю, моему отцу. Но отецъ мой не захотѣлъ воспользоваться своими правами и по смерти главы семейства возвратилъ Адріану сполна слѣдуемое ему по закону домоотцовскаго наслѣдія. Объ этомъ поступкѣ моего отца знали всѣ, не только въ околодкѣ, но и въ губерніи, самъ же онъ ни разу не упомянулъ объ немъ во всю свою жизнь.

Бабушка моя, Александра Андреевна, была большая барыня, подъ стать своему мужу, но совершенно расходившаяся съ нимъ во вкусахъ и по характеру; серьезность и строгость мужа угнетающимъ образомъ дѣйствовали на нее. Красавица, умница и прекрасно образованная, она была вполнѣ свѣтская женщина, веселая, милая, остроумная, и не могла мириться съ деревенскою жизнью, обстановкою и сосѣдями. Ее тянуло къ свѣту, къ блеску, къ удовольствіямъ, и она нашла полное удовлетвореніе своимъ вкусамъ въ столицѣ, гдѣ и провела съ дѣдушкой нѣсколько лѣтъ. Стало быть и домашняя обстановка моего отца, проведшаго большую часть жизни въ блестящемъ кружкѣ Петербургскаго общества, была совершенно не сходна съ домашнею обстановкой моей матери. Отецъ служилъ въ гвардіи, жилъ весело, шумно, много взялъ отъ жизни, баловавшей его; поэтому и потерявши все, съ утратою зрѣнія, онъ не переставъ быть по прежнему требовательнымъ.

Сравнивая между собою двѣ личности, столь противоположныя во всемъ, какъ мои родители, я впервые начала задумываться надъ мудреными для меня въ ту пору вопросами, почему моя мать, вовсе не знавшая жизни, ничему

и никогда не удивлялась, не возмущалась, не негодовала и никого не порицала? она, воспитанная въ тиши родного гнѣзда и знавшая о порокѣ лишь по наслышкѣ—находила возможность оправдывать и извинять согрѣшившихъ, порочныхъ и сбившихся съ пути? тогда какъ отецъ мой, и много испытавшій и много видѣвшій, нерѣдко сталкиваясь съ человѣческими слабостями, въ средѣ которыхъ, вѣроятно, не всегда игралъ пассивную роль—каждый разъ громко негодовалъ и громилъ безпощаднымъ приговоромъ, когда ему приходилось слышать о грѣшащихъ, порочныхъ и преступныхъ единицахъ рода человѣческаго, не умѣя ни оправдывать, ни извинять ихъ, ни даже снисходительно относиться къ нимъ; онъ даже и допустить не могъ широкую терпимость жены своей и ея христіанское всепрощеніе.

А между тѣмъ оба они, и отецъ и мать, съ виду столь несходные и даже разногласные, имѣли въ сущности много общаго между собою и никогда не ссорились серьезно; а главное, оба были дѣти своего вѣка, вѣка роскоши, баловства и приживалокъ, паразитовъ, прихлебателей, вѣка пировъ, банкетовъ и общаго пусканія пыли въ глаза. Много денегъ ушло на это милое препровожденіе времени! Характеры родителей были различные (оттого, вѣроятно, и жили они дружно?), но вкусы, взгляды на главное въ жизни и привычки барства—были тѣ же.

Жизнь веселаго дѣдушки, Андрея Ѳедоровича, продолжалась и у насъ, только нѣсколько пожиже. Домашняго театра съ доморощенными талантами у насъ уже не было, но былъ свой оркестръ, правда, не такой грандіозный, какъ въ Шадѣевѣ, а все же недурной; и „первая скрипка“ отличалась талантомъ. Бывали и у насъ гости, да помельче, бывало и у насъ веселье, да не то: затѣй прежнихъ не было, а хотя бы и были—то злодѣй денежный вопросъ возставалъ, о которомъ у дѣдушки и помину не было. Много у насъ перебывало народу, бывало весело и шумно и у насъ: да мы-то, по малолѣтству, мало попользовались всѣми радостями, предназначавшимися взрослымъ.

Насъ, дѣтей, было семеро: пять сестеръ и два брата. Не смотря на крѣпостное право и вполнѣ помѣщичью обстановку со всѣми угодьями и привольями, у насъ не допускалось деревенской распущенности и воспитывали насъ строго, серьезно и разумно. Въ домѣ царила общая дисциплина, не дозволявшая нарушенія разъ заведенныхъ порядковъ и требовавшая безусловнаго повиновенія волѣ стар-

шихъ, безъ всякихъ мудрствованій. Насъ пріучили къ правильнымъ, систематически распредѣленнымъ занятіямъ, не лишая, однако, необходимой дѣтямъ свободы, но всегда на глазахъ у старшихъ. Вставали въ 7 часовъ утра, пили чай, потомъ занимались; ровно въ 1 часъ пополудни обѣдали, опять занимались до четырехъ; ровно въ 6 часовъ чай пили и ровно въ 10 ужинали. Съ послѣднимъ ударомъ 11 отецъ подавалъ сигналъ къ отходу ко сну: мы подходили къ рукѣ отца и матери, которые благословляли насъ на сонъ грядущій.

Непосредственно изъ рукъ кормилицы переходили мы на руки боннъ, сначала нѣмки, а потомъ француженки, или прямо француженки, обходясь безъ нѣмки. Главный же надзоръ надъ нами и окружающими насъ былъ поручаемъ русской гувернанткѣ. Первая гувернантка пробыла у насъ недолго; затѣмъ явилась вторая и послѣдняя, поступившая къ намъ въ домъ, когда мнѣ едва минуло шесть лѣтъ. Звали ее Авдотья Сергѣевна. При ней родились меньшія сестры и братъ, при ней мы всѣ выходили замужъ; при ней и умерли многіе изъ нашихъ. Не смотря на это, ни ее никто не любилъ, ни она никого особенно не любила: связывала же ее со всѣми и всѣхъ съ нею одна общая привычка. Не помню я проявленія сердечности въ Авдотьѣ Сергѣевнѣ; бывала она подчасъ добра — и только; но никогда не пыталась она проникнуть въ нашъ внутренній міръ и ознакомиться съ нимъ; да и вообще врядъ ли она допускала, чтобы у дѣтей могъ быть какой-нибудь собственный міръ, а не тотъ, который создаютъ для нихъ ихъ воспитатели и наставники. Помнится мнѣ живо ея подозрительность, воображавшая существованіе въ насъ враждебности къ ея личности; чего и не бывало, въ большинствѣ случаевъ; а между тѣмъ я чувствовала себя глубоко оскорбленной незаслуженнымъ подозрѣніемъ или недовѣріемъ ко мнѣ, никогда не желавшей обманывать. Съ другой стороны, я должна отдать полную справедливость Авдотьѣ Сергѣевнѣ: хотя она въ тѣ времена и допекала насъ своимъ педантизмомъ и взыскательностью, но за то она чрезвычайно добросовѣстно относилась къ возложеннымъ на нее обязанностямъ и не слишкомъ злоупотребляла своею властью, совершенно безконтрольною. Съ прислугой вообще Авдотья Сергѣевна была рѣзка, требовательна до мелочности и крайне нетерпѣлива; съ нѣкоторыми же личностями, находившимися подъ началомъ ея, какъ, напримѣръ, няни, кормилицы и старшія горничныя, она была фамиліарна до

интимности. Многія деревенскія бабы, почему нибудь вхожія въ домъ и издавна знакомыя съ нравомъ властолюбивой гувернантки нашей, побаивались ея не менѣе всей прислуги въ домѣ; но цѣня ея снисходительную простоту въ обращеніи съ ними — носили ей въ даръ яйца, куръ, нитки и пр. (до всего этого Авдотья Сергѣевна была великая охотница), а взамѣнъ бывали одѣляемы цвѣтными лоскутьями, старымъ платьемъ, кусочками сахару и дружеской бесѣдой.

Но если Авдотью Сергѣевну нельзя было назвать другомъ человѣчества въ широкомъ смыслѣ слова, за то она пріобрѣла неотъемлемое право называться благодѣтельницей и покровительницей всякихъ собакъ, въ особенности приблудныхъ, сиротствующихъ, отверженныхъ хозяевами, искалѣченныхъ и т. д. Въ особенности къ послѣднимъ, равно какъ и къ голоднымъ и лишеннымъ права, чувствовала она неодолимое влеченіе и нѣжнѣйшую симпатію, такъ что чѣмъ болѣе собака была обижена судьбою или людьми, тѣмъ болѣе правъ имѣла она на расположеніе и покровительство Авд. Сергѣевны. Собачьи невзгоды были для нея ближе и понятнѣе другихъ; человѣка, обидѣвшаго собаку, она считала своимъ врагомъ и не переставала преслѣдовать его упорно, какъ *своего* обидчика. Мы удивлялись, откуда могла она добывать диковенные экземпляры безобразнѣйшихъ собакъ, толпившихся у окна ея комнаты послѣ обѣда: были тутъ собаки безхвостыя и собаки съ хвостомъ, раздѣляющимся на двѣ или на три космы, одноухія, безухія, съ зіяющими ранами и т. д. Авдотья Сергѣевна, для которой онѣ были источникомъ радости и горя, нерѣдко плакала надъ ними, кормила и поила ихъ, заботливо пряча отъ глазъ враговъ и старательно оберегая ихъ покой. Замѣчательно, сколько надо было имѣть терпѣнія, чтобы ладить со всѣми этими воющими, визгливыми, вѣчно голодными и избитыми, искусанными любимцами и сколько энергіи для неустанной борьбы съ ихъ гонителями! Видно человѣкъ ужъ такъ созданъ, что въ глубинѣ его сердца (даже у самаго черстваго) есть тайный уголокъ, гдѣ кроется тепло и свѣтъ, невѣдомый людямъ.

Мы занимали въ домѣ отдѣльное отъ родителей помѣщеніе, весь нижній этажъ, отданный въ полное распоряженіе, со всѣми его обитателями, одной Авдотьѣ Сергѣевнѣ. Въ сопровожденіи ея, мы являлись наверхъ только въ извѣстные часы, такъ сказать pour les heures de repas, и оставались тамъ ровно столько времени, сколько полагалось для чаепитія, обѣда и ужина; или же, въ экстренныхъ случаяхъ, въ родѣ

хозяйствомъ. Впрочемъ, другихъ наказаній не бывало у насъ. А мнѣ было вовсе не по душѣ хозяйство, и какъ мнѣ ни горько приходилось отъ косвенныхъ и прямыхъ упрековъ отца, котораго я ужасно боялась, а все же я никогда не могла принудить себя заняться хозяйствомъ. И для того, чтобы избавиться отъ ненавистнаго мнѣ дѣла, я придумала себѣ новое: я выпросила у отца разрѣшеніе заняться обученіемъ меньшого брата моего Коли и крестной сестры Анюты Паромовой, жившей у насъ съ дѣтства. Какъ только мнѣ минуло 16 лѣтъ и я освобождена была отъ занятій съ Авдотьей Сергѣевной, я принялась за работу: и какъ охотно исполняла я ее, сначала неумѣло, ощупью, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе втягиваясь въ свое дѣло и привыкая къ нему и любя его. А по вечерамъ—писала стихи.

Сестра Лиза, много болѣвшая въ дѣтствѣ, и вслѣдствіе этого слабенькая, тихая, кроткая и характеромъ слабая, съ удовольствіемъ посѣщала кухню и даже сама пробовала готовить. Изящная и нѣжная, она и рукодѣлья любила такія, которыя извѣстны у насъ подъ названіемъ ouvrages de fantaisie.

Люба особенно охотно занималась музыкой и чистыми рукодѣльями, въ родѣ вязанья крючкомъ. Характеръ у нея былъ твердый; но иногда она бывала рѣзка до грубости. Она, какъ и всѣ мы, любила читать. Она отличалась отъ насъ гордостью.

Надя предпочитала всякому другому дѣлу — ходить по избамъ крестьянъ и возиться съ дѣтишками; точно рожденная въ крестьянской средѣ, она только и жила интересами села и дворни, страдая за меньшихъ своихъ братьевъ, т. е. мужиковъ и дворовыхъ, и радуясь съ ними. Надо было видѣть, какъ сильно вліяли на нее всѣ деревенскія событія, всѣ мелочи крестьянской жизни! Она все переживала вмѣстѣ съ бабами, мужиками и ихъ ребятами, и не только душу свою клала за нихъ, но и отдавала имъ все свое, до послѣдней копѣйки и тряпки, снабжая новорожденныхъ, больныхъ, умершихъ и т. д.

Вѣра, четвертая сестра, менѣе всѣхъ другихъ оставила во мнѣ воспоминаній: я не помню ни одного живого слова ея, ни искренняго, горячаго порыва, ни даже вспышки какой-нибудь. Тщеславіе было ея слабостью, и только оно было стимуломъ всѣхъ ея поступковъ съ самаго дѣтства. Бывала она добра и мила, но огонька въ ней не было, что то было холодное, неосязаемое. Старшаго брата, Константина, прекрасно подготовленнаго Авдотьей Сергѣевной, отвезли съ 12

лѣтъ въ Москву и отдали въ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ; оттуда онъ поступилъ въ университетъ, на медицинскій факультетъ.

Меньшой братъ, Коля, общій баловень и любимецъ, чрезвычайно добрый, милый и любящій мальчикъ, долго оставался дома, воспитываемый какъ дѣвочка, пока, по настоянію Константина, его не отдали въ тотъ же московскій пансіонъ, гдѣ и старшій братъ учился до поступленія въ университетъ. Но Коля попалъ не въ университетъ, а прямо въ гусарскій полкъ, куда влекла его страсть къ лошадямъ.

ГЛАВА III.

О, какъ люблю я вызывать изъ мрака прошлаго дорогія тѣни моего дѣтства, какъ сновидѣнія носящіяся теперь надъ головою моею! Незабвенно оно, это далекое прошлое, милое, свѣтлое, улыбающееся и радостное, какъ весна, въ нашемъ Вознесенскомъ.

Великій постъ уже перевалилъ за половину: въ среду, на четвертой недѣлѣ совершился „переломъ" его, т. е. поста. Солнце быстро уничтожаетъ сугробы снѣга въ саду и осушаетъ лужи во дворѣ. Уже началась дѣятельная работа около оранжереи; съ нѣкоторыхъ деревьевъ сняты тростниковые чахлы, кутавшіе ихъ зимою; изъ парниковъ выходитъ свѣжій паръ, теплый, почти душистый. Приближается Вербная недѣля; на этой недѣлѣ любитъ говѣть моя мать, это вошло въ привычку, измѣнить которую было бы ей непріятно. Къ тому же и погода тогда сноснѣе становится, совсѣмъ весенняя; грязи почти нѣтъ, а снѣгу остается, какъ говорилось у насъ, только на лѣкарство. Во время говѣнья всенощная служится всегда у насъ въ домѣ, и приготовленіемъ къ службѣ распоряжается дворецкій Иванъ Павловъ, находившійся при отцѣ еще во время службы его въ гвардейскомъ полку; въ этомъ старинномъ слугѣ нашемъ навсегда сохранился лоскъ, пріобрѣтенный долговременнымъ пребываніемъ въ Петербургѣ и службою въ богатомъ барскомъ домѣ. Вслѣдствіе чего фраза: „какъ бывало у насъ въ Петербургѣ" — не сходитъ у Ивана съ языка. Онъ заботливо охраняетъ и соблюдаетъ обычаи и преданія старины, никогда не упуская случая щегольнуть изяществомъ

пріемовъ и изысканностью выраженій. Чистенько одѣтый и гладко выбритый, кругленькій, пріятно улыбающійся или степенно важный при исполненіи обязанностей, Иванъ старается проявлять во всемъ тонкую деликатность и столичную образованность, съ подобающею округленностью манеръ: входя въ комнату, одну ногу выдвинетъ впередъ и чуть-чуть склонивъ голову на бокъ, онъ мягко произноситъ: „я уже изволилъ докладывать вамъ, что батюшка пожаловали; прикажете приступать?“ и получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ отступаетъ одной ногой назадъ, и осторожно, чуть касаясь пола, задомъ выходитъ изъ комнаты. Только выйдя за дверь, онъ позволяетъ себѣ принять болѣе непринужденную позу. Впродолженіе всей службы Иванъ стоитъ впереди прочихъ слугъ, столпившихся въ дверяхъ и по временамъ бросаетъ по сторонамъ безпокойные взгляды, какъ бы желая удостовѣриться, все ли обстоитъ въ надлежащемъ порядкѣ. Затѣмъ онъ учащенно киваетъ головою, крестясь по господски маленькими крестиками и не теряя изъ виду священника, чтобы подмѣтить, когда ему понадобится кадило подать или что другое потребуется. Въ субботу мать пріобщается Св. Тайнъ, и только по совершеніи этого великаго таинства чувствуетъ себя въ правѣ заняться исключительно домашними дѣлами и вернуться къ обычному строю жизни. Первая, на очереди, забота объ оранжереѣ, теплицѣ, парникахъ, словомъ, обо всемъ этомъ миломъ ей уголкѣ сада; надо потолковать съ садовникомъ о цвѣтахъ и растеніяхъ для убранства пасхальнаго стола: оттуда — влечетъ ее въ кухню, побесѣдовать съ главнымъ поваромъ Ѳомою Антоновымъ о существенныхъ приготовленіяхъ къ празднику. Ѳома — уроженецъ Полтавской губ. изъ Санжаръ, служилъ у дѣдушки Андрея Ѳедоровича, потомъ достался въ приданое моей матери, съ которою, въ числѣ многихъ другихъ, иріѣхалъ изъ Малороссіи; онъ очень гордился своими „коренными“ господами, т. е. дѣдушкой и бабушкой. Видъ у него угрюмый и недовольный, улыбка рѣдко появляется на жирномъ, смугломъ лицѣ его; но мрачность эта напускная, для того больше, чтобы не уронить своего достоинства. На самомъ же дѣлѣ онъ великій балагуръ и шутникъ, а въ сумерки, „за воротами“ любитъ пустить пыль въ глаза дворнѣ или серьезно потолковать „о политикѣ“ съ Иваномъ Павловымъ, котораго онъ уважаетъ и считаетъ не ниже себя. Но передъ Пасхой, какъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ, Ѳома не увлекается никакими бе-

сѣдами и весь погружается въ свое дѣло, вспоминая при этомъ о дѣдушкиныхъ пирахъ. „Что жъ, Ѳома, какъ ты думаешь?“ обращается къ нему мать моя, входя въ кухню. Ѳома угрюмо молчитъ. „Довольно ли будетъ четырехъ окороковъ?“ не смущаясь продолжаетъ мать допрашивать своего стараго любимца, нравъ котораго ей издавна знакомъ. — Мнѣ что думать? что прикажете то и сдѣлаю, — отвѣчаетъ Ѳома мрачно, глядя куда-то въ сторону. „Да ты говори толкомъ, вѣдь гостей много будетъ!“ слегка волнуется мать. Ѳома презрительно улыбается, продолжая глядѣть куда-то вдаль: — У папеньки вашего и не такіе гости бывали, а справлялись же! — „То было дѣло при папенькѣ, а ты про наше говори: сколько чего надо...“ И такимъ способомъ удается матери мало-по-малу заставить Ѳому высказаться, а на самомъ то дѣлѣ Ѳома никогда не простилъ бы барынѣ, если бы она не зашла съ нимъ посовѣтоваться на счетъ такого важнаго дѣла, какъ приготовленія къ Пасхѣ. По заведенному изстари порядку или, какъ въ шутку выражалась мать моя, „по закону Моисея“, Ѳомѣ слѣдовало спеціально заниматься приготовленіемъ къ Пасхѣ.

Съ понедѣльника Страстной недѣли начинается постоянное движеніе между чернымъ крыльцомъ господскаго дома и кухней: булочница Анисья подолгу дежуритъ около кладовой, въ ожиданіи экономки или очереди своей; забравши наконецъ провизію, она еще нѣсколько разъ откомандируетъ въ домъ дѣвчонку, данную въ подмогу ей, чтобы взять еще что-нибудь, упущенное изъ виду. Помощникъ повара, въ числѣ прочихъ, томится у входа въ кладовую, и выхвативъ свой кулечекъ изъ рукъ захлопотавшейся экономки, стремглавъ убѣгаетъ въ кухню, къ Ѳомѣ, который, ничѣмъ не смущаясь и не суетясь, готовитъ все, что слѣдуетъ, и очень важно распоряжается въ своихъ владѣніяхъ, гдѣ не признаетъ никого выше себя, и ни для кого не отрывается отъ дѣла.

Во вторникъ, опять-таки по заведенному издавна обыкновенію, отдается приказъ въ контору, чтобы распорядились отправкою тарантаса, съ дежурнымъ кучеромъ и лошадьми въ „губернію“ за нѣкимъ Паромовымъ, безъ котораго у насъ немыслима Пасха. Паромовъ былъ когда-то учителемъ въ уѣздномъ училищѣ; извѣстны о немъ слѣдующія подробности: былъ хорошимъ учителемъ, исправенъ по службѣ и добръ для дѣтей; главными его качествами были смиреніе и почтительность къ старшимъ, которые

благоволили къ нему; дѣти же очень любили его. Выйдя въ отставку и похоронивъ любимую жену, онъ большую часть года проводилъ въ гостяхъ, то у одного, то у другого богатаго помѣщика, изъ которыхъ многіе были его учениками; и вездѣ Паромовъ былъ желаннымъ гостемъ, любимымъ собесѣдникомъ. Его присутствіе въ домѣ никого не стѣсняло; въ случаѣ интимной бесѣды онъ незамѣтно стушевывался. Умѣнье хранить тайну, постоянное стараніе быть полезнымъ и неподкупная честность дѣлали Паромова необходимымъ человѣкомъ въ каждой семьѣ. Его страсть къ охотѣ (онъ былъ замѣчательный стрѣлокъ) сблизила его со многими барами, псарями и охотниками, которые скоро сходились съ нимъ и чрезвычайно дорожили Василіемъ Матвѣевичемъ. Какъ опытный охотникъ и неутомимый разсказчикъ, знающій кучу анекдотовъ изъ охотничьей жизни и умѣющій передавать ихъ остроумно, онъ бывалъ принятъ съ распростертыми объятіями во всѣхъ домахъ, гдѣ водились охотники.

Наружность Паромова была совсѣмъ не казистая; чужому человѣку было бы затруднительно опредѣлить его лѣта, хотя бы приблизительно; съ самыхъ давнихъ поръ помню я Василія Матвѣевича старымъ и некрасивымъ; но и товарищи его молодости помнятъ его такимъ же. Цвѣтъ кожи на лицѣ его и на рукахъ—темнокоричневый; невозможно было бы съ точностью опредѣлить очертаній его лица и цвѣта глазъ: что-то насквозь прокопченое дымомъ дешеваго табаку, въ облакахъ котораго вѣчно скрывалась его старческая фигурка, точно окутанная пеленою. Въ его костюмѣ не замѣчалось никакихъ признаковъ бѣлья; никто и никогда не видалъ его купающимся въ рѣкѣ; да и вообще, мытья и мыла всякаго рода онъ не жаловалъ.

Но не смотря на свою некрасивую и неизящную наружность, Паромовъ былъ женатъ, и даже на молоденькой и хорошенькой дѣвушкѣ, совершенно бѣдной, но обладавшей прекраснымъ характеромъ и вѣрнымъ кускомъ хлѣба: она была акушерка. Нѣсколько лѣтъ прожили они вполнѣ счастливо и дружно; но съ рожденіемъ пятаго ребенка жена умерла, оставивъ на рукахъ несчастнаго мужа четырехъ мальчиковъ и одну дѣвочку, Анюту, крестницу моего отца, который взялъ ее къ намъ въ домъ послѣ смерти ея матери, а мальчики остались при отцѣ.

Въ „губерніи“ былъ у Паромова собственный домъ, очень порядочный и дававшій доходъ; при домѣ—небольшой садъ,

въ которомъ по цѣлымъ днямъ копошился бѣдный вдовецъ со своими мальчуганами. Половина дома, занимаемая хозяиномъ съ семьей, давала нѣкоторое понятіе о Ноевомъ ковчегѣ: въ угловой комнатѣ спала вся семья и всѣ собаки, иныя съ потомствомъ; кромѣ того кошки съ котятами, бѣлки, кролики и т. д. Въ гостиной были развѣшены клѣтки съ разными птицами, преимущественно соловьями, до которыхъ Паромовъ былъ большой охотникъ, такъ что даже для питанія ихъ онъ спеціально разводилъ въ кухнѣ тараканов, расползавшихся затѣмъ по всему дому. Была въ домѣ и небольшая зала, уставленная стульями и увѣшенная клѣтками; на обычномъ мѣстѣ стоялъ инструментъ, фортепьяно, краснаго дерева, замѣчательный тѣмъ, что былъ фабрикованъ собственноручно Василіемъ Матвѣевичемъ съ помощью лишь перочиннаго ножа; кажется это невѣроятнымъ, но было несомнѣнно, и мнѣ самой не разъ случалось бренчать на этомъ миломъ фортепьянѣ. Около, на стѣнѣ, висѣла гитара, на которой, какъ и на фортепьяно, любилъ подбирать знакомые мотивы въ минуты тоски самъ хозяинъ дома. Да, этотъ невзрачный человѣчекъ имѣлъ поэтическую душу и мягкое, любящее сердце. любилъ чтеніе и много читалъ; онъ многого добился своимъ умомъ, жаждою знанія и большимъ терпѣніемъ; любознательный и наблюдательный, онъ ничего не упускалъ изъ виду, а многое ловилъ на лету; музыку же любилъ страстно и понималъ ее.

Въ четвергъ возвращался изъ города, тарантасъ изнутри котораго выглядывали головы мальчиковъ въ разнообразныхъ шапкахъ и картузикахъ и въ разнохарактерныхъ костюмахъ; высовывалось дуло ружья и торчали лѣса удочекъ. За тарантасомъ бѣжала (на разстояніи 75 верстъ) охотничья собака Паромова, которая по дорогѣ изъ города забѣгала во всѣ постоялые дворы, успѣвая всегда стащить оттуда то кусокъ мяса, то ломоть хлѣба, вслѣдствіе чего бывала бита безъ милосердія, такъ что наконецъ лишилась цѣлаго уха. Впрочемъ и этотъ урокъ не сдѣлалъ ее благоразумнѣе и осторожнѣе, и она, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала красть что и гдѣ попало и получать побои .. Пріѣздъ дорогихъ гостей производилъ въ цѣломъ домѣ пріятное волненіе; отецъ съ матерью выходили встрѣчать Паромова, мы обступали дѣтей; вопросамъ, отвѣтамъ и восклицаніямъ не было конца. Въ первыя минуты свиданія, Василій Матвѣевичъ забывалъ даже о папироскѣ, которую обыкновенно держалъ въ зубахъ, точно сросшись съ нею,

и торопился выкладывать покупки, сдѣланныя имъ въ городѣ по запискѣ матери или по порученію кого-нибудь изъ домашнихъ; между прочимъ не забывалъ сообщать и важнѣйшія городскія событія и интереснѣйшія новости; а затѣмъ уже онъ съ покойною совѣстью закуривалъ папироску свою и больше не разставался съ нею, разсказывая уже неторопливо, послѣдовательно и степенно все, что приходило ему въ голову, ни къ кому собственно не обращаясь и ни отъ кого не требуя вниманія. „Точно ручей журчитъ" шутилъ всегда при этомъ отецъ, прислушиваясь не къ смыслу рѣчи, а только къ ровному, монотонному, непрерывающемуся голосу, которымъ Паромовъ передавалъ свои новости втеченіе всего перваго дня. Иногда, при описаніи какой нибудь комичной сцены или забавнаго эпизода, которые онъ пытался изобразить въ лицахъ, Паромовъ вдругъ вскакивалъ съ мѣста и, силясь удержаться отъ смѣха, говорилъ невнятно, хрипѣлъ, шипѣлъ, какъ старые стѣнные часы передъ боемъ, и совсѣмъ закашлявшись, но ничего не объяснивъ, убѣгалъ въ переднюю, чтобы откашляться и отплеваться. Припадокъ проходилъ скоро и Василій Матвѣевичъ продолжалъ повѣствовать, какъ ни въ чемъ не бывало, спокойнымъ, но нѣсколько болѣе глухимъ голосомъ, сгорбившись на своемъ стулѣ и все замѣтнѣе окутываемый цѣлымъ облакомъ дыма.

Въ четвергъ вечеромъ вся семья наша отправляется въ церковь на Страсти. На клиросѣ поютъ пѣвчіе, они же и музыканты нашего оркестра, подъ руководствомъ капельмейстера Топоркова, горькаго пьяницы и заики; по временамъ ревутъ дьячокъ съ пономаремъ, два непримиримые врага. Отецъ неохотно ходитъ въ церковь изъ-за того, что „эти козлы отравляютъ всякое желаніе молиться, а завтра, того и гляди, пожалуютъ опять въ контору съ окровавленными физіономіями жаловаться одинъ на другого".

Мать моя съ наслажденіемъ выстаиваетъ всю службу, и горячо, сладко молится; ей все мило: и отчетливое чтеніе священникомъ двѣнадцати евангелій, и болѣе чѣмъ посредственное пѣніе музыкантовъ на клиросѣ, и даже „козлогласованіе" дьячка съ пономаремъ. Въ эти минуты религіознаго экстаза, она витаетъ надъ землей, и всѣ эти люди, соприкосновенные богослуженію: и отецъ Димитрій, и хоръ крѣпостныхъ музыкантовъ, и красноносый Алексѣй съ блѣднолицымъ Алфеемъ, представляются ей, какъ, вѣроятно, и Паромову, чѣмъ то въ родѣ небесныхъ херувимовъ и сера-

фимовъ, поющихъ „славу Страстямъ Господнимъ". Она всѣмъ существомъ своимъ вкушаетъ прелесть вечерней службы и окружающей ее обстановки: вотъ знакомыя лица мужиковъ и бабъ, толпящихся около нашего, нѣсколько возвышеннаго мѣста; всѣ они держатъ въ рукахъ зажженныя свѣчи, громко вздыхаютъ въ знакъ благоговѣнія, или отчаянно зѣваютъ на всю церковь, или же, съ просонья, подпаливаютъ другъ другу волоса и зипуны (жупаны). Все кругомъ такъ же неизмѣнно, какъ было много лѣтъ назадъ: Паромовъ, въ своемъ пальто въ накидку, до такой степени закапанномъ воскомъ, что трудно опредѣлить изъ какой матеріи оно сшито, почему мы и прозвали его восковымъ; Авдотья Сергѣевна, набожно слѣдящая за службой, а изрѣдка и за нами, чтобы внимательнѣй были и не болтали съ маленькими Паромовыми; позади всѣхъ, у самой стѣны, горничныя и няньки.

Служба окончилась и мы выходимъ изъ церкви, бодро стряхнувъ съ себя одолѣвающую дремоту и оживляемые заботой, какъ бы донести до дому зажженныя свѣчи и затеплить этимъ „страстнымъ огнемъ" лампадки у образовъ. По дорогѣ къ господскому двору, къ избамъ дворовыхъ и къ селу—движатся огоньки и слышатся голоса: всѣ движимы однимъ желаніемъ донести до дому страстной огонь, который слѣдуетъ поддерживать въ лампадкахъ до самой свѣтлой заутрени. Паромовъ, уже совсѣмъ глухо, сообщаетъ что-то изъ своихъ воспоминаній, приличное обстоятельству. Въ каждомъ чувствуется особенное настроеніе, нѣсколько грустное, и всякій старается, въ этотъ вечеръ, избѣгать обыденныхъ разговоровъ. Только отецъ не измѣняемъ.

Въ пятницу опять торжественная служба, выносъ плащаницы, куда мы всѣ идемъ, минуя занятія, и опять та же подавленность духа ощущается, внутренній гнетъ, религіозная скорбь. И все это выходитъ такъ естественно, присуще всякому изъ насъ, и взрослымъ и подросткамъ; всякій по своему отдаетъ дань обычаю, привычкѣ или вѣрованію своему...

ГЛАВА IV.

Съ наступленіемъ субботы общее настроеніе начинаетъ измѣняться и каждымъ чувствуется приближеніе великаго праздника... Передъ вечеромъ или еще наканунѣ, пріѣхали новые гости, свои, близкіе, безъ которыхъ, такъ же, какъ безъ Паромовыхъ, у насъ не привыкли обходиться въ высокоторжественные дни. То были смотритель уѣзднаго училища Ѳедоръ Ивановичъ Пупыкинъ съ женою своею Ксеніею Захарьевной и маленькимъ племянникомъ Сашей, котораго, по мѣсту его жительства въ нашемъ уѣздномъ городѣ Обояни, всѣ называли не иначе какъ Сашей Обоянцемъ въ отличіе отъ другихъ Сашъ. Пупыкинъ уже старикъ, но онъ никакъ не можетъ примириться со старостью, этимъ неизбѣжнымъ зломъ и приходитъ въ умиленіе отъ каждаго смазливаго личика; въ присутствіе же особы разряда высшаго, т. е. начальства, улыбка сладострастія замѣнялась выраженіемъ смиреннаго подобострастія и ежечасной готовности исполнить приказаніе или даже желаніе лица высокопоставленнаго.

Пупыкинъ и Паромовъ имѣли то общее между собою, что ни тотъ, ни другой не обижались шутками своихъ патроновъ, или если и обижались, то не выказывая этого и не подавая виду. Пупыкинъ, когда отцу моему приходила фантазія пошутить съ нимъ, никогда не позволялъ себѣ возразить или дать отпоръ, вѣроятно, думая про себя, „шути, баринъ, коли охота есть, а я за это съ тебя же возьму въ свое время при случаѣ“. И дѣйствительно, онъ не упускалъ случая выпросить у отца и чрезъ него у дяди (Адріана), бывшаго тогда губернаторомъ въ нашей губерніи, какую-нибудь награду, прибавку жалованья и т. д.

Паромовъ же очень ловко отшучивался, мѣтко, но деликатно указывалъ отцу, или всякому другому, на то, что могло быть обиднымъ для него, всегда стараясь отпарировать шутку шуткой. Онъ высказывалъ свое мнѣніе осторожно и мягко, а въ случаѣ надобности просилъ объ услугѣ прямо, платя за нее взаимной услугой. Пупыкинъ — типъ стараго развратника и циника, съ неизмѣнной улыбкой на устахъ и кошачьей походкой; въ сущности — человѣкъ черствый и грубый.

Паромовъ—рѣдко улыбался, но былъ мягокъ и стыдливъ какъ женщина, передъ которою онъ благоговѣлъ вообще, а свою жену любилъ и лелѣялъ до послѣдней ея минуты; похоронивъ же ее—тосковалъ о ней до самой смерти. Пупыкинъ, нѣкоторымъ образомъ, самъ отправилъ свою жену на тотъ свѣтъ. Это случилось чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ описываемаго мною. Пролежавъ нѣсколько недѣль въ постели вслѣдствіе изнурительной болѣзни, жена его, Ксенія Захарьевна, еще слабая, встала и велѣла придвинуть кресла къ открытому окну, гдѣ она оставалась въ полудремотѣ или взабытьѣ; полнѣйшая тишина окружала ее; мужа не было дома. Вдругъ, очнувшись, слышитъ больная топотъ тяжелыхъ ступней по комнатѣ, за спиной ея кресла, собирается съ силами, привстаетъ—и видитъ передъ собой настоящаго живого медвѣдя съ вожакомъ, а за ними улыбалось ей слащавое лицо супруга, вздумавшаго потѣшить такимъ сюрпризомъ больную жену свою. Разумѣется, больная страшно испугалась, вскрикнула и лишилась чувствъ. Ее перенесли на постель, съ которой она уже не вставала болѣе.

Когда мнѣ приходится встрѣтить вполнѣ добрую женщину, сердобольную и любящую—я всегда вспоминаю о милой Ксеніи Захарьевнѣ, хлопотливой, словоохотливой и даже болтливой, какъ всякая уѣздная кумушка. Бывая у насъ и живя подолгу, она любила зайти съ чулкомъ въ дѣвичью, поболтать о вѣстяхъ, занесенныхъ съ села, или о мелочахъ жизни нашей дворни; дружила съ попадьей и тамъ, за чашкой чаю, отводила душу въ разсказахъ о своихъ городскихъ пріятельницахъ: о матушкѣ протопопшѣ и о прочихъ; охотно просиживала по часамъ въ комнатѣ Авдотьи Сергѣевны, которой сообщала различные рецепты противъ одолѣвавшихъ ее недуговъ, воображаемыхъ или дѣйствительныхъ; или-же снабжала совѣтами по части туалета. Съ матерью моею она имѣла не менѣе продолжительныя, но, пожалуй, болѣе задушевныя бесѣды. Вездѣ она была умѣстна и являлась кстати: съ однимъ поплачетъ надъ его бѣдою, съ другимъ — посѣтуетъ на свою судьбу, поропщетъ втихомолку на своего коварнаго супруга Ѳедю; кому подастъ добрый совѣтъ, а съ кѣмъ и посплетничаетъ. Главнымъ источникомъ ея бѣдъ и радостей, любимою темою ея интимныхъ бесѣдъ, былъ всегда и неизмѣнно тотъ же, коварный, но сердцу милый супругъ ея, словно малое дитя бывшій предметомъ ея нѣжнѣйшихъ заботъ и попеченій. Когда онъ отсутствовалъ—Ксенія Захарьевна была въ страхѣ за него; но стоило появиться Ѳе-

дору Ивановичу—жена начинала неугомонно ворчать на него за все: за продолжительное отсутствіе и предполагаемое ухаживаніе за кѣмъ-нибудь женскаго пола, за потерянный платокъ и т. д., и не покладая рукъ работала на него, шила, вязала, подчиняла, а иногда и мыла. Никого не допускала до Ѳеди, когда ему приходилось туалетъ дѣлать: она все дѣлала сама, и супругъ принималъ эти заботы объ его особѣ какъ должную дань. Ксенія Захарьевна ни разу не взглянула на мужа съ точки зрѣнія его лысой головы и старческой осанки; для нея онъ былъ прекрасный, но легкомысленный юноша; „за нимъ нуженъ глазъ да глазъ", твердила она и была глубоко убѣждена, что ея Ѳедя не прожилъ бы и дня, если бы его изъ глазъ выпустить. А онъ то, онъ! этотъ плѣшивый купидонъ, продолжалъ порхать съ цвѣтка на цвѣтокъ и измѣнять ей на каждомъ шагу. Иной разъ, заставая его въ дѣвичьей, плотно присѣвшимъ у пялецъ какой-нибудь молоденькой дѣвушки—Ксенія Захарьевна, бурнымъ порывомъ, хватала его за руку и увлекала въ свою комнату, гдѣ разражалась цѣлымъ потокомъ горькихъ упрековъ и даже брани, слезно проклиная свою несчастную долю, связавшую ее съ такимъ извергомъ. Долго причитала она надъ нимъ и плакала; но милый шалунъ игриво успокаивалъ ее и, надѣливъ нѣсколькими поцѣлуями, запечатлѣвавшими миръ между супругами, съ совершенно покойною совѣстью уходилъ въ садъ, гдѣ бабы и дѣвки чистили дорожки или пололи грядки. Ксенія Захарьевна отирала слезы и, вполнѣ увѣренная въ благонамѣренности мужа, принималась кроить или гладить для него. Ей было необходимо ежедневно поволноваться, поворчать, поплакать и затѣмъ простить. Но насколько Ѳедоръ Ивановичъ смиренно переносилъ иныя шутки отца, подчасъ обидныя, настолько Ксенія Захарьевна возмущалась ими; она рѣшительно не могла совладѣть съ живою, прямою натурою своею и никогда не умѣла благоразумно смолчать: она волновалась, горячилась, сердилась на отца и безцеремонно отгрызалась за себя и за мужа; или же, потерявъ терпѣніе, со слезами уходила изъ комнаты и клялась всѣми святыми, что „послѣ этого нога ея не будетъ здѣсь въ домѣ". Но вспышка остывала, „дѣло" забывалось и все приходило въ прежній порядокъ, тѣмъ болѣе, что отецъ никогда не имѣлъ въ виду серьезно обидѣть эту добрую женщину, которую всѣ искренне любили, а такъ пошутить любилъ, по старой барской привычкѣ.

Любящее сердце Ксеніи Захарьевны не довольствовалось привязанностью къ мужу, ей бы дѣтей хотѣлось; но за неимѣніемъ ихъ, она взяла на свое попеченіе, вмѣсто сына, родного племянника Ѳедора Ивановича Сашу, круглаго сироту. Ей было необходимо дитя, чтобы вѣчно няньчиться и возиться съ нимъ и вѣчно ворчать на него, такъ какъ Ѳедя былъ постоянно въ отлучкѣ, то на службѣ, то въ гостяхъ, и одиночество было слишкомъ мучительно для ревнивой и безпокойной жены. Сашу она воспитывала сама (до извѣстнаго возраста) и очень любила его; однако же и съ нимъ она бывала строга, по своему. Напримѣръ, для наказанія его, у Ксеніи Захарьевны было совершенно оригинальное средство: она „сажала его на нитку", т. е., привязывала ниткой къ ножкѣ стола, стула или кровати. Эта „нитка" пугала Сашу и забавляла насъ; не разъ задавали мы себѣ вопросъ, почему „сажаютъ" Сашу именно на нитку, а не на веревку? Послѣ уже додумалась я, что нитка имѣла двойное значеніе въ глазахъ Ксеніи Захарьевны: во-первыхъ, какъ цѣпь—она не тяготила ребенка; во-вторыхъ, какъ наказаніе, цѣль достигалась уже тѣмъ, что не позволяла слишкомъ двигаться плѣннику, при неосторожномъ движеніи котораго нитка могла порваться, и тогда Ксенія Захарьевна наказала бы вдвойнѣ, сочтя это за сопротивленіе власти. Чаще всего сажала Сашу на нитку за то, что онъ лѣпилъ мячики изъ разжеванной бумаги и пускалъ ихъ въ потолокъ, любуясь какъ они прилѣплялись къ нему.

Уже наступилъ вечеръ страстной субботы; по всему дому бѣгаютъ, суетятся, готовясь къ великому празднику. У дверей кладовой стоитъ опять кучка людей, все больше помощники и помощницы старшихъ чиновъ; да и тѣ вскорѣ разбѣгаются, и кладовая закрыта. Кухня особенно ярко освѣщена.

Вотъ раздался первый, торжественный, призывный ударъ колокола, всѣ встрепенулись, засуетились и разошлись по комнатамъ одѣваться. Во время этихъ сборовъ, въ большой залѣ наверху раздвинули во всю длину парадный обѣденный столъ, и дворецкій Иванъ съ ассистентами приступилъ съ подобающею важностью, къ размѣщенію различныхъ яствъ въ надлежащемъ, законномъ порядкѣ. Между печенымъ, вареным и жаренымъ всякаго рода, красовались горшки, кадки съ оранжерейными цвѣтами и растеніями, зеленыя бутылки и кресты, съ которыми было поступлено такимъ образомъ: за нѣсколько дней до праздника обшива-

ютъ войлокомъ нѣсколько обыкновенныхъ бутылокъ и деревянныхъ крестовъ; войлокъ обмазываютъ сѣменами кресса, размоченными въ водѣ пополамъ съ землею; по прошествіи недѣли войлокъ покрывается густою яркою зеленью. На блюдѣ лежитъ масляный барашекъ, т. е. искусно сдѣланный Ѳомою барашекъ изъ свѣтлаго масла, съ курчавою шерстью и золотыми рожками; тутъ холодный поросенокъ съ хрѣномъ въ зубахъ; сухой барашекъ, распростертый на блюдѣ безо всякихъ украшеній; сахарныя корзины съ крашеными яйцами; окорока, разукрашенные вырѣзною бумагой; куличи, пасхи, папошники и огромный крендель, съ торчащими въ немъ миндалинами. Но этимъ крупнымъ, бѣлымъ миндалинамъ ни разу не пришлось дождаться слѣдующаго, радостнаго утра: пока старшіе заняты сборами къ заутрени, Саша Обоянецъ выколупываетъ и съѣдаетъ миндалины. Слухъ объ этомъ какимъ то путемъ непремѣнно достигаетъ Ксеніи Захарьевны, которая, полуодѣтая, озабоченная, прибѣгаетъ за Сашей и сажаетъ его на нитку, но не за жадность или ослушаніе, а за то, что „негодникъ" оскоромился въ такой день.

Дорога отъ дому къ церкви уставлена плошками; около церкви также плошки. Воздухъ свѣжій, но уже весенній, пріятный. Въ церкви всякій занимаетъ свое мѣсто: Василій Матвѣевичъ въ вицъ-мундирѣ и все-таки въ своемъ восковомъ пальто въ накидку; Ксенія Захарьевна—величественная, въ новомъ платьѣ, становится рядомъ съ матерью; Авдотья Сергѣевна, дѣти всѣхъ возрастовъ и прислуга по своимъ мѣстамъ. Дьячекъ съ пономаремъ облеклись въ парчевыя одежды и на себя не похожи, хотя и съ херувимами не имѣютъ ничего общаго.

Головы пѣвчихъ жирно напомажены; отъ головъ близъ стоящихъ мужиковъ несетъ коровьимъ масломъ, къ этому аромату примѣшивается сильный запахъ дегтя, которымъ щедро смазаны ихъ сапоги. У входныхъ дверей, въ кучкѣ молодыхъ бабъ, стоитъ разфрантившійся Ѳедоръ Ивановичъ; онъ старается не глядѣть въ сторону жены, дѣлающей ему знаки, чтобы былъ внимательнѣе къ службѣ. Запѣли Христосъ Воскресе! всколыхнулась толпа, закивали головы и по церкви прошелъ гулъ. Паромовъ бурчитъ про себя молитвы, Ксенія Захарьевна учащенно крестится, шепча: Воистину Воскресъ! Пупыкинъ, подъ шумокъ, что-то нашептываетъ сосѣдкамъ своимъ. Кое кто изъ дѣтей сладко спитъ въ уголку, гдѣ на креслѣ сложено верхнее платье.

Наконецъ окончилась служба, всѣ подходятъ къ кресту, христосуются съ батюшкой, христосуются между собою и идутъ домой. У насъ обыкновенно разговлялись утромъ, когда выходилъ отецъ, рѣдко бывавшій у заутрени, и послѣ того, какъ священникъ благословитъ „яства и питія". Затѣмъ являются съ поздравленіемъ всѣ почетнѣйшія лица изъ дворни и комнатная прислуга. Изъ сосѣдей почти никто не пріѣзжаетъ къ намъ на Пасху, такъ что вся святая недѣля проводилась въ семьѣ, съ Паромовыми и Пупыкиными, которые издавна считались у насъ своими. Ходимъ, бывало, цѣлымъ обществомъ пить чай къ батюшкѣ, или позоветъ насъ въ гости которая нибудь изъ кормилицъ нашихъ и накормитъ вкусными лепешками со сметаной или сотами. Маленькіе Паромовы являются къ обѣду, къ чаю и къ ужину; остальное же время они проводятъ у пруда съ удочками, или въ лѣсу, въ саду, на селѣ; и когда на Ѳоминой недѣлѣ тотъ же тарантасъ отвозитъ семью Паромовыхъ обратно въ Курскъ, то уже никого изъ сидящихъ въ немъ не видно, а только торчатъ отовсюду кнутики, хлыстики, удочки, клѣтки съ новыми птицами, горшки съ новыми отводками, мѣшечки съ сѣменами, кулечки съ деревенскими гостинцами; высовываются мордочки щенятъ, головки голубей и цѣлые пучки молодыхъ подсадковъ для сада, такъ какъ Василій Матвѣевичъ настолько же страстный любитель садоводства какъ серіозный знатокъ по этой части. Все это увозится въ городъ для пополненія ковчега, лишь изъ нѣдръ тарантаса слышится еще сиплый голосъ старика Паромова, прощающагося со всѣми, вышедшими на крыльцо проводить его, и тщетно силящагося пропѣть на прощанье вящщей потѣхи публики, что нибудь въ родѣ: „прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою!", но кашель прерываетъ его старческій голосъ и тарантасъ двигается съ мѣста.

Пупыкины также усаживаются въ свой экипажъ: Ѳедѣ все не ловко, узелки и кулечки мѣшаютъ ему; жена ворчитъ, но хлопочетъ, чтобы усадить его поудобнѣе. Наконецъ всѣ размѣстились: Ксенія Захарьевна набожно перекрестилась на церковь. Ѳедоръ Ивановичъ помахалъ шляпой въ воздухѣ, неизвѣстно къ кому въ особенности обращая свой прощальный привѣтъ, къ господамъ или къ смазливымъ горничнымъ? Саша что то прокричалъ собственно намъ, и экипажъ выѣхалъ за ворота.

ГЛАВА V.

Знаете ли вы, что такое храмовой праздникъ въ селѣ? Это не только праздникъ храма или церкви, но и праздникъ всего села, цѣлой усадьбы, и какъ бы имянины всѣхъ обитателей ихъ. Къ этому великому дню готовятся задолго впередъ и потомъ еще долѣе вспоминаютъ объ немъ. Канунъ „храма" тотъ же праздникъ; въ каждой избѣ, въ каждомъ жиломъ углу идутъ приготовленія къ завтрашнему празднику; усиленно моютъ, чистятъ, жарятъ, варятъ, пекутъ цѣлые вороха съѣстнаго, и всякій хозяинъ, будь онъ бѣднякъ, ждетъ къ этому дню гостей изъ города или изъ сосѣдняго села. Празднованіе кануна начинается съ утра

Ужъ время близится къ полудню; въ воздухѣ духота, хоть бы вѣтерокъ подулъ. На дворѣ іюнь мѣсяцъ. Около погреба во дворѣ, у самаго входа въ него, стоитъ Иванъ Павловъ, заложивъ руки за спину; на порогѣ погреба дымится жаровня и важный дворецкій по временамъ, не спѣша, снимаетъ пѣнки съ варенья, а затѣмъ, понюхавъ табаку, обращается съ солидными шуточками въ самую глубь погреба, гдѣ дворовыя и комнатныя дѣвушки чистятъ ягоды, болтая, смѣясь и громко распѣвая на просторѣ прохладнаго погреба, въ сумерочномъ свѣтѣ котораго едва разглядишь ихъ лица.

— А что, Павлычъ, скоро ли домой думаешь приготовляться?—кричитъ ему съ порога кухни Ѳома, вышедшій вздохнуть на воздухъ.—„Безъ меня Анфиза Ивановна справится. А ты какъ?"—Мнѣ что? не велики заботы: понаѣдутъ въ „домъ" гости, птицы неважныя... не такихъ видалъ! Вотъ, какъ у нашего генерала пиры бывали—это точно, призадумаешься, что и какъ подать. Сколько однихъ генераловъ бывало! А тутъ что? малодушные сосѣди да чиновничья голь, какъ ни подай—все сойдетъ. Эхъ, бывало какъ Персидскій-то посланникъ черезъ Полтаву проѣзжалъ; нашу барышню просили хозяйкой быть на балу, а меня генералъ отпустилъ помогать повару готовить ужинъ: вотъ было дѣло! было надъ чѣмъ призадуматься, пиръ на весь міръ!—„Подумаешь, право, Антонычъ, что только и свѣту было, что у твоихъ господъ!" съ легкой обидой въ голосѣ отзывается Иванъ: „слава Богу и мой баринъ изъ коренныхъ, столбовыхъ дворянъ, и мы кое-что видѣли на своемъ вѣку, живучи въ Питерѣ. Доводилось ли еще тебѣ, какъ довелось мнѣ, говорить съ самимъ Великимъ Княземъ Ми-

хаиломъ Павловичемъ? Да, братъ, сунулся бы ты!“ А ну, ну, кажи, говори!—заинтересовался Ѳома. „Были это мы съ бариномъ въ лагерѣ; и вдругъ пріѣзжаетъ Великій Князь... ничего себѣ, прошелся этакъ, поглядѣлъ кругомъ да и говоритъ: желаю, молъ, отвѣдать солдатской пищи. Что у васъ сегодня готовили?—спрашиваетъ. А я тутъ около него находился; ну, конечно, кинулся я со всѣхъ ногъ къ солдатикамъ, подхватилъ чашку со щами да и волоку къ Великому Князю: извольте, говорю, откушать, Ваше Императорское Высочество, да и гляжу ему прямо въ глаза. Онъ ничего, улыбается; попробовалъ щей, похвалилъ; набралъ еще въ большую суповую ложку да и суетъ мнѣ въ ротъ: а ну-ка, ты теперь отвѣдай, говоритъ. Я, такимъ манеромъ, уставился на него, не сморгну; и не то чтобы я сробѣлъ, а только смѣхъ меня разбираетъ... Открылъ я это ротъ—да какъ прысну! а щи-то ему на мундиръ, весь забрызгали. Ну, одначе, онъ ничего, вынулъ платочекъ батистовый, обтеръ имъ мундиръ, улыбнулся и только всего сказалъ: „свинья“!

Въ дѣтствѣ, запахъ свѣжаго варенья часто привлекалъ насъ къ погребу, гдѣ мы лакомились пѣнками, тщательно сберегаемыми для насъ Иваномъ. И какъ забавно было слушать бесѣды двухъ пріятелей, Ивана и Ѳомы. „Вотъ барышни,“ вѣжливо обращается къ намъ Иванъ: „мы тутъ съ Антонычемъ толкуемъ, какая теперь мода пошла дѣтей обучать: оно, конечно, мучительно, да за то какъ выростете, все знать будете; это хорошо“.—Нема́ ничего хорошаго,— вмѣшивается Ѳома, выступая изъ кухни—бабушка-то ваша, Алена Ѳедоровна, почище васъ была барышня, а читать не умѣла.—„Ну ужъ это ты выдумываешь, Ѳома“ — негодую я:—„какъ это можно, чтобы бабушка наша читать не умѣла?“—А вотъ же не умѣла, спросите хоть у маменьки. — „И писать не умѣла“?—И писать не умѣла: на что ей было писать умѣть? Не дворянское дѣло. На то у нея слуги обучались, чтобы было кому написать, когда господамъ понадобится. За то и прожила ваша бабушка безъ малаго сто лѣтъ, а вы-то на что похожи?—Иванъ неодобрительно качаетъ головой; мы же чувствуемъ при этомъ маленькую неловкость, точно сознавая, что Ѳома правъ, что мы и въ самомъ дѣлѣ ни на что не похожи, что куда ужъ намъ до нашей бабушки.

Жара замѣтно спадаетъ; недалеко и до вечеренъ. Долговязый дворникъ Никита, съ улыбкой и голосомъ малень-

каго ребенка, крайне забавными при его длинной фигурѣ, лѣниво подметаетъ дворъ и сбираетъ соръ въ небольшія кучки; коровницы торопятся на скотный дворъ доить коровъ, которыхъ пастухъ раньше обыкновеннаго пригналъ съ поля. У всякаго есть свое дѣло дома и потому всѣ спѣшатъ справиться съ господскою работой, чтобы приняться за свою праздничную уборку и стряпню. Босыя дѣвочки, съ высоко подоткнутыми подолами, кончаютъ мытье оконъ и дверей, и торопливо мчатся черезъ дворъ съ шайками воды и съ грязными тряпками въ рукахъ. Вотъ уже къ вечернѣ прозвонили. Около церкви, въ рощѣ, или вѣрнѣе, на окраинѣ ея, стоятъ высоконагруженныя телѣги, покрытыя рогожами; около нихъ отпряженныя лошади лакомятся овсомъ, которымъ угощаютъ ихъ господскіе конюхи. Тутъ-же бродятъ чуйки и заботливо отмѣриваютъ шагами мѣста для балагановъ къ завтрашней ярмаркѣ, и затѣмъ вбиваютъ колья рядышками. Это Обоянскіе купцы, по изстари существующему обычаю, пріѣхали сюда для сбыта залежалаго товара деревенскому народу и кстати попользоваться даровою квартирой и жирнымъ угощеніемъ пріятеля изъ дворни. Устроивъ лавочку, чуйка заходитъ въ церковь поставить свѣчу передъ образомъ и затѣмъ уже отправляется на готовую квартиру, гдѣ ждетъ его сытый ужинъ и пріятельская бесѣда. Послѣ вечерни, раскланиваясь направо и налѣво, шествуетъ широкими шагами священникъ, направляясь къ господскому дому: поздравить съ предверіемъ праздника и напиться чаю.

Уже давно стемнѣло, а тишины полной все нѣтъ еще, той, до истомы доводящей тишины, какою чувствуешь себя окутаннымъ въ теплую лѣтнюю ночь; около конюшни кучера, стройнымъ, привычнымъ хоромъ поютъ свою „Степь Мосдокскую“; за воротами, около накрытыхъ телѣгъ играютъ на гармоніи, любезничаютъ съ дѣвицами и чуть слышно подпѣваютъ молодые ребята. Вездѣ въ окнахъ свѣтятся огни: тамъ сидятъ теперь „подъ образами“ городскіе гости, весело бесѣдуя и закусывая. Долетаетъ говоръ и смѣхъ.. Въ домѣ не видать огня, господа легли спать; только на ступенькахъ парадкаго крыльца присѣлъ кое кто изъ прислуги, поболтать и поглазѣть на снующій народъ. Сторожъ стучитъ въ доску.

Съ разсвѣтомъ слышится на ярмарочномъ мѣстѣ уже настоящая суета, громкій, несдержанный, безтолковый говоръ и стукъ телѣгъ, подъѣзжающихъ къ церкви, къ за-

утрени и обѣднѣ, съ расфранченными бабами однодворками. У входа въ церковь, раньше всѣхъ поспѣшили занять мѣста нищіе, слѣпцы и калѣки, и уже затянули свои „Пѣснь Лазаря", „Сонъ Богородицы" и др. Народъ, кучками, постоянно смѣняющимися, окружаетъ этихъ родныхъ бардовъ и сочувственно прислушивается къ давно знакомымъ и вѣчно милымъ звукамъ этихъ скорбныхъ пѣсенъ.

Но вотъ уже проблаговѣстили къ обѣднѣ, и въ народѣ, громкимъ шепотомъ пронеслось: господа идутъ! — Толпа раздалась, мужики снимаютъ шапки, бабы въ поясъ кланяются. Прошли господа, началась служба. Духота и давка невыносимая; цѣлые снопы восковыхъ свѣчей зажжены передъ образомъ „Вознесенія;" еле дышится... Вдругъ, во время Херувимской, изъ толпы вылетаютъ дикіе, раздирающіе вопли... кого-то выводятъ изъ церкви и затѣмъ осторожно тащатъ съ крыльца въ ограду церковную. Это двѣ бабы, еще молодыя, но лица ихъ такъ искажены, глаза такъ ужасно высорочены, что трудно опредѣлить, какихъ онѣ лѣтъ и каковы на видъ; изо-рта выходитъ пѣна. Бабы и дѣвки бросаются къ этимъ несчастнымъ, надъ которыми онѣ причитаютъ, приговариваютъ, пуская въ ходъ различныя деревенскія средства, употребляемыя въ подобныхъ случаяхъ. Это—*кликуши*, хорошо знакомыя каждому, кто хотя недолго жилъ въ русскомъ селѣ. Припадки ихъ—чисто истерическіе или же даже эпилептическіе; но почему именно вызываемы они Хирувимскою, а не иною духовною пѣснью, оставалось для всѣхъ загадкой. Отецъ мой рѣшительно не допукалъ серьезности этихъ припадковъ, и когда однажды двѣ горничныя наши вздумали было, по мѣстному выраженію, *выкликать*, и страшно перепугали и мать мою и насъ всѣхъ, отецъ приказалъ фельдшеру немедленно препроводить „заболѣвшихъ" дѣвицъ въ аптеку и дать имъ хорошій пріемъ „касторки".—Какъ рукой сняло, — доложилъ фельдшеръ на слѣдующій день; а дѣвушки сознались, будто имъ почудилось, что и онѣ могутъ выкликать, какъ прочія; и попробовали, но больше не будутъ.

Я не разъ задавала себѣ вопросъ: почему эти самыя женщины такъ спокойно выстаиваютъ до конца богослуженіе въ обыкновенные воскресные дни и такъ неистовствуютъ въ дни престольныхъ праздниковъ, когда бываетъ необычное стеченіе народа? Не оттого ли, что, по понятіямъ нашего простолюдина, быть кликушей, юродливымъ или блаженнымъ, значитъ терпѣть муки, совершать подвигъ, спасаться?

Вслѣдствіе чего сложилось по селамъ убѣжденіе, что такихъ людей должно считать избранниками, которыхъ „Богъ посѣтилъ.“ Мало-по-малу, однако, кликуши у насъ вывелись, и замѣчательно, что и въ простонародьѣ никто не удивился этому исчезновенію, точно такъ тому и слѣдовало быть.

Послѣ обѣдни пріѣзжали къ намъ гости: предводитель, исправникъ и еще кто-нибудь изъ городскихъ. Пупыкины пріѣзжали наканунѣ. Сосѣдей у насъ было мало; главные и ближайшіе мужъ и жена Карамзины (сынъ историографа, женатый на баронессѣ Дука), съ двумя взрослыми племянницами, княжнами Багратіонъ, посѣщавшіе насъ охотнѣе въ будни, запросто, чѣмъ въ такіе праздники, какъ храмовой. Это были, разумѣется, люди свѣтскіе, высокообразованные, пріятные и нисколько не стѣснительные.

Александра Ильинишна Карамзина, бывшая фрейлина двора Ея Величества, была (во времена моего дѣтства) женщина среднихъ лѣтъ, не красавица, но чрезвычайно превлекательной наружности. Нечего и говорить, что все въ ней было изящно и аристократично. Большую часть жизни своей послѣ замужества она болѣла сильнѣйшими головными болями, отъ которыхъ не могли излѣчить ее ни купанья во всѣхъ моряхъ Европы, ни воды всевозможныхъ курортовъ цѣлаго свѣта, которые она ежегодно посѣщала.

Владиміръ Николаевичъ Карамзинъ, чистокровный аристократъ и джентльменъ, былъ чрезвычайно красивъ и, когда хотѣлъ, обаятельно милъ. Онъ не имѣлъ ничего общаго съ отцомъ своимъ, но самъ по себѣ представлялъ оригинальный типъ великосвѣтскаго самодура или пресыщеннаго барина, blasé. На обычный вопросъ отца моего: что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ?—онъ неизмѣнно отвѣчалъ: для меня весь свѣтъ черный. Но это было отчасти напускное, и Владиміръ Николаевичъ просто-на-просто скучалъ отъ полнѣйшаго бездѣлья и слишкомъ пресытился всѣмъ, а новаго не умѣлъ придумать. Въ сущности онъ легко и всѣмъ увлекался. Пріѣзжая на лѣто въ свое имѣніе Ивня, въ 4-хъ верстахъ отъ насъ, Владиміръ Николаевичъ непремѣнно привозилъ съ собою новую причуду или новое увлеченіе. Такъ, напримѣръ, одно лѣто онъ увлекался фотографіей, усердно занимаясь ею, и переснялъ собственноручно не только всѣхъ своихъ деревенскихъ бабъ и дѣвокъ, болѣе или менѣе смазливыхъ, но и многихъ сосѣднихъ селъ. На слѣдующее лѣто онъ пристрастился къ музыкѣ и привезъ даже изъ Петербурга учителя, у котораго пресерьезно бралъ уроки, терпѣливо

просиживая у рояля по два, по три часа. На третій годъ онъ перенесъ свое увлеченіе на скотный дворъ, гдѣ появились новые быки и коровы, выписанные прямо изъ Швейцаріи и Тироля, въ сопровожденіи двухъ мѣстныхъ пастуховъ, Швейцарца и Тирольца. Для этихъ иностранныхъ гостей устраивались на Ивнѣ чуть-ли не оваціи; коровы и быки были выхолены какъ комнатныя собаченки; стойла ихъ походили скорѣе на кабинеты, даже полы были паркетные. Но къ концу лѣта все это оказывалось непригоднымъ: скоты оставались скотами и въ роскошной обстановкѣ; а Швейцарецъ съ Тирольцемъ, которыхъ никто кромѣ барина не понималъ, и которые оставались чужды другъ другу на чужбинѣ, начинали тосковать по родинѣ и вскорѣ отправлялись туда обратно скучающимъ бариномъ, который уѣзжалъ въ Питеръ.

Другихъ сосѣдей было не много; изъ нихъ вспомню о семьѣ фонъ-Аммерсъ: отецъ, мать и двѣ маленькія дочки. Мужъ фонъ-Аммерсъ—отставной военный, страстный охотникъ, какъ будто бы даже щеголяющій нѣкоторою грубоватостью; жена же, наоборотъ, хорошенькая молодая барыня, крайне сантиментальная, закатывающая глаза, говоря о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, и вѣчно витающая въ облакахъ. Поэтому, находясь всегда въ надзвѣздныхъ сферахъ, она не замѣчаетъ того, что бросается въ глаза ея гостямъ: полнаго отсутствія въ ея деревенскомъ домѣ всякихъ удобствъ, домовитости и всякаго порядка. Бывало пріѣдешь къ нимъ, и въ ожиданіи хозяйки, которая должна появиться изъ внутреннихъ покоевъ, разглядываешь окружающіе предметы: на кругломъ столѣ въ гостиной, на стульяхъ, креслахъ и на остальной мебели въ комнатѣ лежитъ густой слой пыли; паутина видна во всѣхъ углахъ и на потолкѣ, который, однако, прекрасно расписанъ. На дорогихъ, мягкихъ коврахъ замѣтны слѣды постояннаго пребыванія на нихъ охотничьихъ собакъ хозяина. Ни альбомовъ, ни книгъ, ни нотъ, ни начатаго женскаго рукодѣлья.... Наконецъ, изъ внутреннихъ апартаментовъ выплываетъ сама томная и сантиментальная хозяйка, въ бархатномъ пеньюарѣ, но въ грязныхъ воротничкѣ и рукавчикахъ, и, повидимому, таковыхъ же юбкахъ. До обѣда остается много времени, а домой гостей не отпускаютъ; ждать приходится нескончаемо долго, потому что въ запасѣ не бываетъ у этихъ милыхъ людей никакой провизіи, и передъ обѣдомъ босоногая дѣвка командируется на село, для сбора съ крестьянъ, по обычаю, необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ: масла,

яицъ, куръ и т. д. Поэтому обѣдъ подается очень поздно, иногда не вполнѣ готовый, или недожарено, или пересолено второпяхъ; сервированъ столъ неряшливо, неумѣло; вино кислое — прикажете Гордону? спрашиваетъ лакей (ужъ не Бордо ли?)—бѣлье не первой свѣжести, хлѣбъ черствый.

Впослѣдствіи узнала я курьезныя подробности объ ихъ хозяйствѣ. Имѣніе Аммерсовыхъ было въ четырехъ верстахъ отъ Обояни; однажды, пріѣхавъ въ городъ для покупокъ, я остановилась на квартирѣ при въѣздѣ въ городъ; день былъ особенно жаркій, обѣденная пора. Сижу я у открытаго окна и наблюдаю за движеніемъ на улицѣ. Къ окну стали подходить нищіе, почти все женщины; ихъ было, сравнительно, такъ много, что я перестала обращать вниманіе на улицу вообще и занялась нищими исключительно, съ любопытствомъ слѣдя, какъ они прибывали, и удивляясь, почему именно въ эту пору дня? Вдругъ мнѣ бросилась въ глаза одна изъ подошедшихъ къ окну женщинъ; лицо ея, которое она старалась скрыть, было мнѣ какъ будто знакомо.—Да это ты, Дарья, Бавыкинская (имѣніе Аммерсовыхъ Бавыкино) скотница?—припомнила я вдругъ:—что это тебѣ вздумалось *побираться?*—Видя, что скрываться было бы напрасно, Дарья подошла ближе къ окну и чуть не шепотомъ призналась мнѣ, что цѣлое общество дворовыхъ бабъ, найдя невозможнымъ продовольствоваться долѣе плохими и скудными господскими харчами, порѣшило, пользуясь нѣсколькими часами послѣобѣденнаго сна господъ своихъ, „сбѣгать“ въ городъ, попросить подъ окнами и скорѣе вернуться домой, чтобы господа не „хватились“ ихъ. Такъ бѣгали онѣ ежедневно за подаяніемъ; и замѣчательно, что этотъ жалкій, нищенствующій народъ, никогда не роптал́ъ на господъ своихъ и не обвинялъ ихъ въ своей нуждѣ. А когда послѣ 19-го февраля имъ объявили волю и дали возможность уйти отъ этихъ господъ къ другимъ, лучшимъ, онѣ всѣ пожелали остаться у своихъ.

Но вернемся къ нашему храмовому празднику. Когда и гости, и хозяева достаточно наговорились между собою,—а пожалуй и прискучили другъ другу—отецъ, въ видѣ развлеченія, предлагаетъ пройтись по ярмаркѣ. Предложеніе принимается охотно и всѣ идутъ за ворота. Еще издали слышится здоровый топотъ сильныхъ ногъ въ хороводѣ; визгливые голоса бабъ смѣшиваются со звуками дудокъ и свирѣлей и особеннаго музыкальнаго снаряда, называемаго *кувички*, состоящаго изъ пяти тростниковыхъ трубочекъ

разныхъ величинъ, расположенныхъ въ рукахъ музыкантши (отнюдь не музыканта), дующей въ нихъ, въ порядкѣ органныхъ трубокъ. Звуки, извлекаемые изъ нихъ, довольно дики; мотивъ—монотонный, а физіономіи дѣвицъ и бабъ-музыкантшъ при этомъ совсѣмъ безсмысленныя; но это было принято—и потому хорошо. Господа и гости останавливаются передъ хороводомъ полюбоваться, какъ въ срединѣ его какой нибудь деревенскій щеголь и балагуръ лихо откалываетъ свои колѣнца мощными ногами въ смазныхъ сапогахъ. По распоряженію отца, покупались пряники, для поддержанія торговли и для поощренія деревенскихъ мальчишекъ, которымъ они тутъ же разбрасывались; исправникъ, пользуясь случаемъ, шептался съ кѣмъ нибудь изъ сельскихъ начальниковъ, гуляющихъ по ярмаркѣ; молодой засѣдатель съ лысымъ Пупыкинымъ покупали сережки и ленточки, которыми тутъ же одѣляли деревенскихъ красавицъ.

Наконецъ гости разъѣхались, напившись чаю; мать видимо утомлена, отецъ замѣтно доволенъ, оставшись въ семьѣ. Всѣ спѣшатъ отдохнуть въ прохладѣ милаго нашего сада. На ярмаркѣ еще долго продолжается веселье.

ГЛАВА VI.

Скучно бывало осенью у насъ въ Вознесенскомъ; садъ, съ оголенными деревьями и аллеями, густо устланными желтыми и красными листьями, потерялъ всю прелесть; фрукты сняты, цвѣты не душисты, солнце не печетъ и общій видъ природы не радостный. Подобное впечатлѣніе производила на меня осень съ самаго дѣтства: мнѣ становилось такъ грустно, какъ будто я потеряла что-то очень дорогое.

А между тѣмъ, и осенью, и весною, въ домѣ у насъ все тоже и внѣ дома жизнь идетъ своимъ чередомъ, безъ перерыва: утромъ занятія съ Авдотьей Сергѣевной въ классной, затѣмъ прогулка съ нею же въ рекреаціонные часы. Чего же не достаетъ? Свѣта и тепла, зелени, цвѣтовъ, щебетанья птицъ, жизни!

Послѣ обѣда, какъ всегда, отецъ любитъ вздремнуть у себя въ кабинетѣ, часа два; мать моя, приблизительно съ тою же цѣлью, уходитъ въ свою комнату. У насъ внизу рекреація, передъ началомъ новыхъ занятій. Всѣмъ скучно.

Въ такія минуты радостно хватаешься за всякую глупость. Анюта была у насъ большой любительницей шалостей и выдумщицей разныхъ штукъ; она никогда не теряла случая позабавиться и позабавить другихъ. Вотъ для образчика: мы только что сошли внизъ послѣ обѣда готовиться къ занятіямъ, а пока подурачиться; Анюта уже успѣла и забаву найти; она торопливо сзываетъ насъ: скорѣе, идите смотрѣть какъ Авдотьѣ Сергѣевнѣ зубы заговариваютъ!—Мы всѣ опрометью бросились къ полупритворенной двери гувернанткиной комнаты и увидѣли слѣдующее: передъ образомъ, какъ на молитвѣ, стояла Авдотья Сергѣевна, скрестивъ руки на груди; рядомъ съ ней, но на почтительномъ разстояніи, и также лицемъ къ образу, стоялъ Илья Батуринъ, одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ крестьянъ нашихъ, бывшій долгое время прикащикомъ у насъ въ экономіи, но наконецъ смѣненный за слишкомъ явное плутовство. Когда-то Илья прикащикъ игралъ важную роль, по господски, или, по крайней мѣрѣ, по управительски распоряжаясь въ нашемъ имѣніи, но, лишившись должности, онъ, наружно, совсѣмъ притихъ и смирился, сдѣлался еще вѣжливѣе и искательнѣе, хотя онъ и раньше не бывалъ грубъ. Въ душѣ онъ остался тѣмъ же плутомъ и, какъ пойманная лисица, выжидалъ удобнаго случая вырваться на волю.

Итакъ, Илья стоялъ надъ Авдотьею Сергѣевною и надъ головой ея произносилъ шепотомъ какія-то заклинанія или молитвы, все-таки сохраняя почтительный тонъ и пріемы, такъ какъ Авдотья Сергѣевна была не ровня ему, а полубарыня, будто, которая, при случаѣ и пригодиться можетъ. И вдругъ, возведя обѣ руки къ небу, т. е. къ потолку, онъ громко произнесъ: Святой Антипій! спаси — вотъ ихъ!—и вѣжливымъ жестомъ онъ указалъ на Авдотью Сергѣевну, точь въ точь какъ въ гостиныхъ представляютъ другъ другу незнакомыхъ между собою даму и кавалера. За полупритворенной дверью раздался сдержанный смѣхъ нашъ, и мы разбѣжались во всѣ стороны, чтобы не быть пойманными на мѣстѣ преступленія.

Скучно, вяло тянется послѣобѣденное время: послѣ короткаго перерыва опять занятія въ классной, довольно темной комнатѣ, со свѣтложелтыми, полированными столами, старинными часами въ углу и двумя окнами, выходящими въ садъ, — подъ предсѣдательствомъ Авдотьи Сергѣевны, возсѣдающей въ старомодномъ дѣдовскомъ креслѣ съ высокой спинкой, обитомъ красным, полинялымъ сафьяномъ;

быстро шевелятся въ ея маленькихъ ручкахъ спицы чулка, который она всегда вяжетъ, когда мы пишемъ подъ диктовку или читаемъ вслухъ. Въ сосѣдней комнатѣ которая нибудь изъ сестеръ играетъ гаммы и экзерсизы. Скучно! потому что изо всѣхъ оконъ выглядываетъ осень. Хоть бы что нибудь случилось, чтобы отвлечь насъ отъ скучной работы и нарушить несносное однообразіе классной обстановки, среди которой, по временамъ, слышатся только тиканье часовъ да шепотъ Авдотьи Сергѣевны, считающей петли И вдругъ тишина нарушается: кто-то входитъ и докладываетъ, что разнощикъ пріѣхалъ Противъ этого аргумента никто устоять не можетъ; самая строгая дисциплина нарушается. Мы смѣло вскакиваемъ съ мѣстъ, чувствуя, что теперь только начнется настоящая рекреація. Такъ Авдотья Сергѣевна, не менѣе другихъ въ домѣ, любитъ потолковать съ разнощикомъ, перерыть весь товаръ его и въ концѣ концовъ накупить на нѣсколько рублей ненужнаго вздора. И дѣйствительно, намъ дается разрѣшеніе прекратить занятія. Авдотья Сергѣевна бережно складываетъ работу и идетъ въ нижнюю залу (рядомъ съ классной), гдѣ уже дверь въ переднюю отворена настежь для принятія дорогого гостя. Вотъ онъ, наконецъ, этотъ давножеланный осенній гость, этотъ милый Чекаловъ, съ которымъ связано столько сладкихъ воспоминаній: цѣлыя плиты миндаля и малины въ сахарѣ грезились мнѣ при одномъ имени его, и карамели, и пряники, и игрушки. Прежде всего онъ перекрестился на образа, отвѣсилъ намъ низкій поклонъ; затѣмъ степенно спросилъ: «что потребуется вашей милости»?

Но прежде чѣмъ продолжать, скажу нѣсколько словъ о разнощикѣ.

Не слѣдуетъ смѣшивать разнощика съ коробейникомъ, хотя ремесло у нихъ одинаковое: первый — не разноситъ своего товара, хотя и зовется разнощикомъ; онъ развозитъ его на двухъ, трехъ и четырехъ подводахъ; ведетъ знакомство съ помѣщиками, ихъ управителями, прикащиками и старостами, у которыхъ и останавливается на ночлегъ; съ крестьянами же не знается, товаръ, молъ, не по нихъ.

Наоборотъ, коробейникъ разноситъ свой товаръ по селамъ и деревнямъ въ большомъ лубочномъ коробѣ, который таскаетъ на собственной спинѣ; ведетъ знакомство только съ крестьянами, потому что товаръ у него исключительно мужицкій. И тотъ и другой — уроженцы сѣверныхъ губерній и появляются только въ извѣстныя эпохи, два раза въ годъ

весною — отправляясь изъ дому на промыселъ, и осенью — возвращаясь домой. „Осенью народъ при деньгахъ", разсуждаютъ они, и отдавая весною товаръ въ кредитъ, для приманки покупателя, они являются осенью за полученіемъ.

Наконецъ, отецъ и мать вышли изъ своихъ комнатъ послѣ сна или „послѣобѣденнаго отдыха", и узнавъ о пріѣздѣ Чекалова, радостно идутъ въ нижнюю залу, гдѣ Авдотья Сергѣевна уже торгуется, окруженная всѣми нами. Чего только нѣтъ на четырехъ подводахъ Чекалова, нагруженныхъ ящиками, и матеріи, и картины, и ленты, и сукно, и обувь! и различныя сельди въ боченкахъ, и нѣжинскія соленья, и конфекты, и книги, и игрушки! Чекаловъ стоитъ на колѣняхъ передъ своимъ товаромъ, а прикащикъ его безмолвно таскаетъ съ подводъ требуемое, развязываетъ и увязываетъ, приноситъ и относитъ втеченіе нѣсколькихъ часовъ разнородный товаръ Чекалова; въ дверяхъ толпятся горничныя, лакеи, дворовыя бабы, ожидающія своей очереди приторговать что-нибудь.

„Здорово, Чекаловъ!" привѣтствуетъ отецъ своего стараго знакомаго. — Здравія желаемъ, батюшка Николай Прокофьевичъ. — „Откуда Богъ несетъ?" — Да вотъ отъ Аммерсовыхъ, изъ Балыкина... Грѣхи одни! — „А что, видно опять денегъ не получилъ?" Чекаловъ руками разводитъ. — Самъ то Иванъ Александровичъ теперь въ постели лежитъ, потому, изволили слыхать, на охотѣ у него два ребра переломлено. — „Слыхалъ, слыхалъ. Да чудакъ онъ этакій, вмѣсто того, чтобы послать за лучшимъ докторомъ, онъ потребовалъ къ себѣ какого то старика врача, бывшаго когда то военнымъ, но давно бросившимъ практику; и какъ бы ты думалъ, братецъ, почему именно его пожелалъ? потому что этотъ старый коновалъ такой же страстный охотникъ, какъ и самъ Аммерсъ! Пріѣзжаетъ докторъ и проситъ, чтобы его провели къ больному; лежитъ Аммерсъ, не шевелится, только кряхтитъ да стонетъ по временамъ. Подошелъ врачъ, щупаетъ больного, находитъ наконецъ переломъ двухъ реберъ и, нагнувшись къ его уху, шепчетъ съ страстнымъ любопытствомъ записнаго охотника: а позвольте узнать, зайчика или лисичку травили? — и что-жъ бы ты думалъ: Аммерсовъ пересталъ страдать, т. е. стоны прекратились и, мгновенно оживляясь, сталъ разсказывать доктору кого и какъ они тамъ гнали и какъ дѣйствовали при этомъ Зарубай, Заголяй, и чортъ ихъ тамъ знаетъ, всѣ эти псы ихъ." Чекаловъ смѣется въ бороду и затѣмъ начинаетъ повѣствовать о дру-

гихъ окрестныхъ помѣщикахъ, ихъ женахъ и дѣтяхъ, и дѣлахъ ихъ.

Такъ проходитъ время незамѣтно до чаю; всѣ оживлены, всѣ болтаютъ, смѣются и шумно идутъ наверхъ въ столовую. Чекалову приготовлена закуска, на отдѣльномъ столикѣ, въ передней подъ часами; послѣ чего онъ подсаживается къ намъ у самовара. Послѣ чаю всѣ расходятся по мѣстамъ: отецъ съ матерью наверхъ, а мы съ Авдотьей Сергѣевной внизъ; Чекаловъ, раскланявшись на всѣ стороны, отправляется съ подводами на село. Иногда онъ остается и на весь слѣдующій день.

Случается, что вечеромъ кому нибудь изъ насъ понадобится въ контору, къ управителю. Въ конторѣ „нарядъ" начинается въ восемь часовъ, и не безъинтересно посмотрѣть на всю эту обстановку, въ которой управитель, согнувшись надъ конторскими книгами и сурово сдвинувъ брови, является, если не юпитеромъ громовержцемъ, то, по меньшей мѣрѣ, министромъ внутреннихъ дѣлъ. Все кругомъ молчитъ и ждетъ его слова.

„Эй, ты, Иванъ! сколько за тобой недоимки числится?" Подходитъ маленькій мужичекъ и въ поясъ кланяется: Вамъ лучше знать, батюшка, только ужъ потерпите маленько, все, какъ есть, отдамъ... справлюсь... года какіе были! — „Ладно, знаемъ мы васъ..." Мужиченко отходитъ къ сторонѣ. „А тебѣ что надо?" Выдвигается впередъ рослый молодой парень: — Къ вашей милости, жениться желаю. — „А это намъ кстати!" и управитель шепчетъ что-то прикащику, который уходитъ въ сосѣднюю комнату, такъ называемую сборную избу, гдѣ ожидаютъ просители, и возвращается снова въ контору, въ сопровожденіи нѣсколькихъ крестьянскихъ парней и молодыхъ дѣвокъ изъ дворни, которыхъ ставитъ группою у двери. „А, дѣвицы ткачихи!" привѣтствуетъ ихъ управитель, обращаясь преимущественно къ одной, отличающейся маленькимъ ростомъ и хорошенькимъ личикомъ, почти дѣтскимъ. Взоры ея не опустились передъ взорами владыки и смѣющіеся глазки вызывающе устремлены на управителя, который приступаетъ къ дѣлу: „Вотъ для чего я пригласилъ васъ сюда: какъ вамъ извѣстно, баринъ, по дошедшимъ до него слухамъ, давно недоволенъ вашимъ поведеніемъ; вмѣсто того, чтобы заниматься своимъ дѣломъ у ткацкаго станка, вы по цѣлымъ днямъ балуетесь съ садовниками и съ другими ребятами въ саду; и сами ничего не дѣлаете и другихъ отъ дѣла отвлекаете. Я получилъ приказъ выдать васъ

всѣхъ за-мужъ за крестьянскихъ ребятъ. Васъ тутъ четверо, вотъ и жениха четыре".

Въ кучкѣ дѣвушекъ послышался сдержанный смѣхъ: ни тѣни негодованія или досады, ни малѣйшаго протеста. За то парни громко возроптали: какія, молъ, онѣ работницы для нашего брата мужика, не нужно намъ ихъ, и т. д. Но ловкій прикащикъ уговариваетъ недовольныхъ и съ видимымъ удовольствіемъ разставляетъ дѣвушекъ съ парнями. Тогда маленькая ткачиха, взглянувъ на назначавшагося ей въ супруги рослаго и здороваго парня, смѣло обратилась къ управителю: лучше-бы вы мнѣ того маленькаго паренька дали, онъ бы мнѣ и по росту подошелъ, а этотъ ужъ великъ очень. Всѣ расхохотались, и маленькій, такой-же какъ она, хорошенькій мальчикъ лѣтъ 19-ти сталъ въ парѣ съ нею.—„Вотъ теперь ладно будетъ: онъ на дудкѣ играетъ, а я на кувичкахъ, весело заживемъ. Управитель написалъ нѣсколько словъ на клочкѣ бумаги и подалъ прикащику: „отнеси къ священнику и проси, чтобы завтра же повѣнчалъ всѣхъ". Затѣмъ, всѣ четыре пары удалились и издали слышался звонкій смѣхъ и веселыя пѣсни. Странно было сватовство, но еще страннѣе то, что всѣ четыре пары прожили въ ладу до преклонныхъ лѣтъ. Вотъ и разбирай какъ знаешь.

Между тѣмъ въ контору входитъ новое лицо: буфетчикъ Николай Павловъ, родной братъ дворецкаго Ивана. Это чрезвычайно благообразная фигура, съ серьезнымъ, даже строгимъ лицомъ, по которому, временами, какъ бы скользитъ ироническая улыбка. Въ ранней молодости онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и отданъ въ обученіе парикмахеру; онъ скоро выучился своему мастерству, вернулся домой прекраснымъ парикмахеромъ и искуснымъ цирюльникомъ. Никто лучше его не дергалъ зубовъ и не пускалъ кровь и не обладалъ при этомъ такимъ серьезнымъ хладнокровіемъ. При исполненіи своихъ цирюльничьихъ обязанностей, въ деревнѣ и въ городѣ, Николай нерѣдко сталкивался съ докторами и фельдшерами, отъ которыхъ набрался кое-какихъ знаній, и затѣмъ началъ лѣчить, сперва членовъ собственной семьи, потомъ сосѣдей изъ дворни, потомъ крестьянъ и хуторянъ нашихъ, а наконецъ къ нему начали приходить изъ другихъ селъ и деревень люди, горячо вѣровавшіе въ его медицинскія познанія.

Онъ вовсе не былъ шарлатаномъ и лѣчилъ крайне осторожно; главную-же роль въ его медикаментахъ играли тра-

вы, которыя онъ собиралъ самъ и нѣсколько таинственно, никому не повѣряя своихъ научныхъ открытій. Каждому, обращавшемуся къ нему, онъ съумѣлъ внушить довѣріе и глубокое уваженіе къ своей серьезной личности и многостороннимъ знаніямъ, а также и къ добросовѣстному отношенію къ дѣлу. Словомъ, онъ былъ въ цѣломъ околодкѣ авторитетной личностью, а если подчасъ, среди своихъ людей, онъ разсказывалъ эпизоды изъ своей жизни въ Петербургѣ — онъ былъ увѣренъ, что его слушаютъ съ почтительнымъ вниманіемъ и слѣпо вѣрятъ ему. Николай былъ уменъ и любознателенъ и многого добился самъ; одно не давалось ему и это мучило его: увидѣть цвѣтъ папоротника и сорвать его для своей аптеки. Легенда гласитъ, что цвѣтокъ этотъ можно видѣть только разъ въ годъ, а именно въ полночь на Ивана Купала (24-го іюня), и что если кому удается овладѣть этимъ рѣдкимъ цвѣткомъ—то ему дастся власть, посредствомъ цвѣта папоротника, прозрѣвать въ нѣдра земли, видѣть всѣ, скрывающіеся тамъ клады и безпрепятственно завладѣвать ими. Ничѣмъ не смущаясь и не унывая, Николай ходилъ неизмѣнно каждый годъ, въ ночь подъ Ивана Купала, въ ближайшую рощу подстерегать расцвѣтаніе папоротника; разумѣется, никогда ничего не видѣлъ, но очень спокойно возвращался домой, съ полной увѣренностью увидѣть драгоцѣнный цвѣтокъ въ слѣдующемъ году. Такимъ образомъ продолжалъ онъ добиваться своей цѣли, совершая таинственныя ночныя прогулки до самой старости, и, по всей вѣроятности, будетъ совершать ихъ до смерти. Онъ такъ привыкъ вѣрить въ свое всезнаніе, что на всякій, предлагаемый ему сомнительный вопросъ, отвѣчалъ, не колеблясь: отчего-же? можно.—Такъ что, когда однажды братъ Константинъ, будучи уже студентомъ, спросилъ его съ самой серьезной миной: Ты можешь-ли Левіаѳона на удѣ вытащить на брегъ?—Николай отвѣчалъ, не задумываясь: отчего же? можно. Только взрывъ смѣха кругомъ далъ ему понять, что онъ промахнулся; но онъ и тогда не разсердился, не сконфузился, а только спокойно смѣющимися глазами взглянулъ на брата, рѣшивъ про себя, что онъ добьется: что такое Левіаѳонъ?

„Что скажешь, Николай Павловичъ?" вѣжливо спросилъ управитель.—Да надобность есть, съѣздить въ городъ по своимъ дѣламъ. Не будетъ-ли отправки изъ конторы?—„Какъ не быть; завтра конторщикъ ѣдетъ, такъ и ты можешь съ нимъ."—Слушаю-съ,—отвѣчаетъ Николай серьезно, и, ни на

кого не глядя, выходитъ изъ конторы, а оттуда прямо въ домъ, накрывать столъ къ ужину.

Ужъ поздно, скоро 10 часовъ; мы спѣшимъ наверхъ въ залу, боясь опоздать,—у насъ это не допускается. Отецъ ходитъ по комнатѣ, подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго ему вслухъ матерью романа; мать занята рукодѣльемъ. Съ послѣднимъ ударомъ десяти на столовыхъ часахъ, открывается дверь залы и Николай докладываетъ глухимъ голосомъ: кушать подано! Всѣ, безшумно, отправляются въ столовую. Такъ оканчивается длинный, сѣрый осенній день въ деревнѣ.

ГЛАВА VII.

Первый снѣгъ, напудрившій деревья сада и пересыпавшій бѣлымъ пушкомъ крыши флигелей и другихъ надворныхъ строеній, бывалъ первымъ сигналомъ къ переѣзду въ городъ, изъ просторнаго удобнаго деревенскаго дома въ еще болѣе просторный, удобный и парадный собственный домъ въ Курскѣ, въ 75 верстахъ отъ нашей деревни. Но первый снѣгъ подаетъ только первый поводъ къ разговорамъ о сборахъ; да и сборы бы еще ничто: каретный сарай полонъ всякихъ экипажей, лѣтнихъ и зимнихъ, начиная съ такъ называемыхъ Ноевыхъ ковчеговъ и до самыхъ новѣйшихъ; такъ что если и саннаго пути не будетъ въ скорости, то можно всячески и на колесахъ ѣхать; конный заводъ у насъ свой есть, лошадей достаточно; кучеровъ—сколько угодно; за чѣмъ-же дѣло стало? За тѣмъ, чтобы все обдуманно сдѣлать и приготовить, сообразить и устроить такъ, чтобы и въ эту зиму, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, достойно поддержать извѣстный train de maison, къ которому такъ привыкли всѣ наши курскіе знакомые; не ударить лицомъ въ грязь и, по возможности, оправдать всеобщія ожиданія. Вотъ около чего вертятся всѣ думы отца, самолюбиваго и тщеславнаго до крайности. Будучи однимъ изъ богатыхъ и вліятельныхъ помѣщиковъ въ губерніи, онъ издавна привыкъ къ извѣстной обстановкѣ, безъ которой ему была-бы немыслима жизнь; кромѣ того, близость его съ губернаторомъ (роднымъ братомъ) дѣлала и его оффиціальнымъ лицомъ и ставила ему въ обязанность непремѣнно поддерживать извѣстный тонъ.

Съ первымъ снѣгомъ начинается необычайная суетливая дѣятельность въ домѣ и въ управительскомъ флигелѣ, между которыми устанавливается усиленное сообщеніе, посредствомъ разныхъ посыльныхъ; отдается приказаніе послать за тѣмъ или другимъ изъ нужныхъ лицъ; дѣлается распоряженіе о скорѣйшей продажѣ хлѣба. Пріѣзжаютъ покупатели, сначала въ управительское помѣщеніе, гдѣ идутъ предварительные переговоры; а затѣмъ вмѣстѣ съ управителемъ шествуютъ въ домъ, для окончательнаго рѣшенія дѣла. О чтеніи историческихъ романовъ нечего и думать. Наконецъ ударили по рукамъ; задатокъ полученъ, дѣло кончено, тогда только наступаетъ моментъ серьезныхъ сборовъ къ переѣзду въ городъ. Прежде всего, въ длинномъ посланіи къ Паромову излагаются по пунктамъ всевозможныя порученія: приказать дворнику отапливать городской домъ, осмотрѣть все и сдѣлать необходимый ремонтъ, закупить того-то и пр. По прошествіи нѣсколькихъ дней отдаются приказанія осмотрѣть, въ порядкѣ ли дорожные экипажи, отправить впередъ кухню, съ Ѳомою во главѣ, музыкантовъ съ каппельмейстеромъ и кое кого изъ женской прислуги; лучшія лошади, упряжныя и рысистыя, также отправляются впередъ съ надежными кучерами.

Наконецъ назначенъ день выѣзда; за недѣлю до того начинается въ домѣ суетливая работа: укладываютъ оставляемое и увозимое; укладываютъ всѣ, кто что можетъ, благо людей довольно въ домѣ и въ дворнѣ; а все таки на подмогу являются еще нѣкоторыя привеллигированныя личности въ родѣ Анфисы, бывшей горничной моей матери, вышедшей за-мужъ за дворецкаго Ивана и теперь находящейся на покоѣ, впредь до какого нибудь экстреннаго случая въ родѣ переѣзда въ городъ, когда она призывается, какъ довѣренная женщина, для переборки и перекладки разнаго хлама изъ одного сундука въ другой; или Матрены, бывшей няньки, давно отставленной, по причинѣ собственной, многочисленной семьи, отъ должности господской нянюшки; ея обязанность заключается теперь въ томъ, что она ежедневно является въ домъ, чтобы варить кофе и разливать чай утромъ и вечеромъ.

И вотъ взошла наконецъ желанная заря: въ шесть часовъ утра горничная приходитъ будить Авдотью Сергѣевну и насъ; но мы уже давно не спимъ и ждемъ съ нетерпѣніемъ, чтобы къ намъ вошли со свѣчей. Авдотья Сергѣевна, уже заранѣе уложившая свои пожитки и приготовившая

вещи, забираемыя съ собою, облекается во все теплое, начиная съ теплыхъ чулокъ, сверхъ которыхъ, кромѣ башмаковъ, она надѣнетъ высокіе бархатные сапоги, и кончая смѣшнымъ, совсѣмъ дѣтскимъ бѣлымъ чепчикомъ, поверхъ котораго надѣнется потомъ объемистый атласный капоръ съ крыльями. Мы одѣваемся также потеплѣе, молимся Богу и, забывъ дисциплину, бѣжимъ наверхъ, въ столовую, гдѣ отецъ давно уже расхаживаетъ, разговаривая съ управителемъ и со смотрителемъ коннаго завода, по временамъ отпивая изъ большой чашки глотокъ крѣпкаго, какъ кофе, чаю. Скоро приходитъ и мать въ дорожномъ костюмѣ, садится пить кофе и затѣмъ выходитъ въ переднюю отдать послѣднія приказанія ожидающимъ ее садовнику и коровницѣ. Наконецъ входитъ буфетчикъ Николай, въ длинной шубѣ съ рукавами, покрытой синимъ сукномъ, съ краснымъ гаруснымъ шарфомъ, повязаннымъ около шеи, скрещивающимся на груди и плотно опоясывающимъ его, и обычнымъ глухимъ голосомъ докладываетъ: лошади готовы!

Общая суета... всѣ спѣшатъ въ залу. „Ну, теперь все доброе да садится!“ серьезно возглашаетъ отецъ, садясь; за нимъ садятся всѣ. Нѣсколько секундъ длится глубокое молчаніе; затѣмъ встаютъ, крестятся на образъ и идутъ внизъ, въ переднюю, окончательно укутываться и размѣщаться по экипажамъ. Это цѣлый поѣздъ: въ первыхъ большихъ саняхъ съ откинутымъ верхомъ садятся отецъ и мать; на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, усаживается Николай-буфетчикъ, предварительно размѣстивъ, куда слѣдуетъ, дорожный погребецъ и коробки съ провизіей; затѣмъ въ двумѣстномъ возкѣ садится съ коробками своими Авдотья Сергѣевна, герметически укутанная; предлагаютъ кому-нибудь изъ насъ помѣститься около нея; но мы смѣло и рѣшительно отказываемся, потому что въ возкѣ ея тѣсно, душно и скучно; за то какъ весело въ большомъ рогожаномъ возкѣ, куда сажаютъ насъ съ няней! Такого помѣстительнаго и удобнаго экипажа, домашняго издѣлія, мнѣ не пришлось уже видѣть съ тѣхъ поръ: всѣ мы такъ размѣщались свободно и никому не было неловко; самые маленькіе могли даже прохаживаться отъ одного окна къ другому и очень покойно спать. На козлахъ у насъ, съ кучеромъ, сидѣлъ дворецкій Иванъ, въ сѣрой нанковой шубѣ, съ поднятымъ воротникомъ, также перепоясанный краснымъ гаруснымъ шарфомъ. За нашимъ возкомъ слѣдуютъ еще сани, большія, открытыя: въ нихъ сѣдятъ старшія горничныя, дѣв-

чонка и отцовскій поваръ Николай. На крыльцѣ и около экипажей тѣснится дворня, провожающая родныхъ и друзей.

— Съ Богомъ!—крикнулъ буфетчикъ Николай, касаясь рукой теплой шапки съ наушниками, въ знакъ прощальнаго привѣта, и поѣздъ тронулся. Въ холодномъ утреннемъ воздухѣ слышится запахъ дыма; звѣзды еще не потухли въ небѣ и слабо мерцаютъ надъ нами; съ оголенныхъ деревьевъ рощи сыплется снѣгъ. Надъ крышами вьется дымъ, пахнетъ свѣжимъ хлѣбомъ. Въ послѣднія минуты мнѣ было жаль покинуть родное село...

И вотъ мы въ городѣ; точно перенесены внезапно, съ цѣлымъ домомъ, семьей и домочадцами въ иной міръ, гдѣ мы первое время чувствуемъ себя какъ въ гостяхъ. Въ городѣ мы еще болѣе чѣмъ въ деревнѣ отдѣлены отъ родителей, комнаты которыхъ находятся въ бель-этажѣ, какъ и всѣ парадныя, гостиная, зала, кабинетъ, пріемная. Мы всѣ, съ Авдотьей Сергѣевной, бонной француженкой, няней, иногда съ кормилицей и двумя горничными, занимаемъ весь нижній этажъ. Занятія наши идутъ своимъ чередомъ, но нѣтъ того однообразія, которое такъ томительно зимою въ деревнѣ.

Кромѣ занятій съ Авдотьей Сергѣевной, у насъ въ городѣ еще прибавляются занятія съ учителями, рисованія и танцевъ. Учитель рисованья былъ почтенный Иванъ Андреевичъ, добрый, смирный человѣкъ, въ жилетномъ карманѣ котораго торчали серебряныя часы луковицей, такихъ огромныхъ размѣровъ, что каждый разъ какъ онъ наклонялся надъ нашими рисунками, въ ушахъ у насъ отдавалось такое оглушительное тикъ-такъ, что мы невольно переглядывались между собою и тихонько посмѣивались.

Два раза въ недѣлю, вечеромъ, приходилъ учитель танцевъ Ѳома Антоновичъ, маленькая, подпрыгивающая, точно гуттаперчевая фигурка, со скрипочкой въ рукахъ; онъ выдѣлывалъ мудренныя па, наигрывая какой нибудь веселый мотивъ и пискливо командуя: chassez en avant! etc. Но насъ онъ не пугалъ и урокъ проходилъ весело.

У насъ въ городѣ было свое дѣтское общество, свои друзья; во-первыхъ, семья дяди, наши кузены и кузины, съ которыми мы жили чрезвычайно дружно отъ самаго дня рожденія. Старшаго кузена звали Николаемъ. Когда бы я ни обращалась мысленно къ моему прошлому, и въ раннемъ дѣтствѣ и въ первой молодости и въ позднѣйшіе годы жизни моей, я всегда видѣла передъ собою, ясно и живо,

этотъ прекрасный образъ милаго кузена, щедро одареннаго природой и красотой, и добротой, и аристократическою деликатностью и тактомъ. Хотя старѣйшій между нами (я помню его офицеромъ), безумно любимый женщинами, желанный и почетный гость въ лучшемъ обществѣ, онъ охотно проводилъ большую часть своего свободнаго времени въ семьѣ, съ родными, съ нами, дѣтьми; болталъ, шутилъ, училъ танцовать и подчасъ журилъ за французскій языкъ, который зналъ въ совершенствѣ. Nicolas избѣгалъ офицерскихъ пирушекъ, съ какою-то гадливостью относясь къ нимъ, и если, по необходимости, не былъ въ гостяхъ, на балѣ или въ театрѣ — то уже въ 9 часовъ былъ непремѣнно дома съ матерью, или у насъ, въ кабинетѣ отца или въ классной. Онъ представляется мнѣ прекраснымъ типомъ мыслителя, поэта и представителя какого-нибудь идейнаго кружка; я его помню всегда серьезнымъ, задумчивымъ, иногда остроумно шутливымъ и улыбающимся; никогда не слыхала, чтобы онъ хохоталъ.

Второй кузенъ — Базиль, былъ высокій, красивый блондинъ, почти настолько, насколько Nicolas былъ красивый брюнетъ. Я его помню и хорошенькимъ мальчикомъ и позднѣе красивымъ молодымъ человѣкомъ въ кавалергадской формѣ, жестикулирующимъ и горячо спорящимъ. Онъ держался отъ всѣхъ насъ довольно далеко и мы его побаивались.

Меньшіе братья, Гриша и Проша, не разъ проводившіе въ Вознесенскомъ лѣтнія вакаціи, были любимыми товарищами нашими; я дружила съ Гришей, а сестра Лиза — съ Прошей; и это была такая святая, хорошая, безкорыстная дружба, что объ ней и теперь отрадно вспомнить. Нынѣшнія наши барышни непремѣнно перевели бы эту дружбу на любовь, а намъ и въ голову не приходили тогда какія-нибудь „глупости“. И Гриша и Проша были порядочные мальчики, enfants de bonne maison, а потомъ и молодые люди; никакихъ пошлостей мы отъ нихъ не слыхали, и я съ Лизой были идеалистки.

О кузинѣ Любѣ можно только сказать, что она была хорошенькая и добрая дѣвочка, и любимая подруга моего дѣтства. Вообще-же съ цѣлою семьею дяди мы составляли какъ-бы одну большую, нераздѣльную семью и наравнѣ пользовались въ городѣ привиллегіями и удовольствіями, выпадающими обыкновенно въ провинціи на долю губернаторскихъ дѣтей. Напр., очень часто „посылали“ всѣхъ насъ въ театръ, въ большую царскую ложу (она-же и губернаторская), гдѣ мы до одури наслаждались разными волшеб-

ными представленіями, съ полетами и провалами, добрыми и злыми геніями; знакомые родителей или подчиненные дяди закармливали насъ сластями.

У нас по субботамъ бывали, такъ называемые, дѣтскіе вечера; приглашенные дѣвочки и мальчики, разфранченные, пріѣдутъ, бывало, къ 8-ми часамъ, въ сопровожденіи маменекъ, тетенекъ, взрослыхъ сестрицъ и братцевъ, сдѣлаютъ обычные реверансы или шаркнутъ ножкой, пройдутся группами по ярко освѣщенной залѣ и послѣ нѣсколькихъ туровъ вальса и одной кадрили, какъ-то незамѣтно стушевываются, и затѣмъ, наглухо укутанные, отсылаются обратно домой, съ приличнымъ запасомъ конфектъ и крымскихъ яблокъ, вмѣсто же нихъ на паркетѣ выступаютъ взрослые сестрицы и братцы, молодыя маменьки и тетеньки; скромный дѣтскій вечеръ принимаетъ размѣры бала и оканчивается ужиномъ, котораго, однако-же, намъ никогда не приходилось дождаться. Такіе-же „дѣтскіе“ вечера бывали у дяди по пятницамъ.

Кромѣ вечеровъ по субботамъ, бывали у насъ еженедѣльно званые обѣды, на которыхъ, разумѣется, главную роль игралъ дядя-губернаторъ; приглашались всѣ важнѣйшія лица и главные чиновники; въ генералахъ, какъ военныхъ такъ и штатскихъ, не было недостатка, и поваръ Ѳома относился уже безъ насмѣшки къ пирамъ теперешнихъ господъ и находилъ, что для подобныхъ гостей стоитъ и ему призадуматься надъ составленіемъ *меню* для обѣда. Изъ деревни выписывались цѣлые транспорты провизіи, и разная зелень, спаржа, артишоки и свѣжіе букеты свѣжихъ оранжерейныхъ цвѣтовъ для уборки обѣденнаго стола.

Чего только не изобрѣталъ Ѳома для украшенія! Изъ моркови, хрѣна, бураковъ, брюквы и др. онъ мастерски вырѣзывалъ разные цвѣты, изъ которыхъ онъ составлялъ букеты для украшенія нѣкоторыхъ блюдъ, которыя иногда были такъ удачны, что нѣкоторымъ изъ обѣдавшихъ свѣтилъ непремѣнно хотѣлось увезти съ собой „на память букетикъ“. Ѳома осторожно выглядывалъ изъ дверей буфета, упиваясь похвалами, расточаемыми его искусству, и уже безъ горечи вспоминая объ ужинѣ персидскаго посланника.

Оглядываясь теперь мысленно на меня, тогдашнюю, я вижу себя, даже 16 лѣтней, но еще совершеннымъ ребенкомъ, не испорченнымъ и наивнымъ, хотя среди великосвѣтской сутолоки, безхитростной и безкорыстной въ такомъ возрастѣ, когда сверстницы мои прошли всю школу прит-

ворства, лицемѣрія и кокетства. Въ кого я уродилась? отчасти въ отца, а отчасти и въ мать, только съ тою разницею, что мать моя никогда не была экзальтированна, ни мечтательна, въ облакахъ не витала, невозможнаго не добивалась, а просто довольствовалась земнымъ и возможнымъ. Мною она искренне любовалась и ей и въ голову не приходило перевоспитывать меня. Авдотья Сергѣевна сначала строго слѣдила за моимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, а потомъ, также строго, за моей моралью. Моего внутренняго міра, мною созданнаго и рѣзко отличавшагося отъ міросозерцанія моихъ сестеръ, никто не замѣтилъ. Одно бросалось всѣмъ глаза и считалось чудачествомъ, это моя излишняя впечатлительность, моя чрезмѣрная экзальтація, отвлекавшія меня отъ обыденной жизни и представлявшія мнѣ и людей, и предметы, и самую жизнь въ какомъ-то фантастическомъ, неестественномъ видѣ. Я слишкомъ горячо принимала къ сердцу все, что для другихъ не имѣло значенія, я была слишкомъ слѣпо довѣрчива, составивъ себѣ о жизни и людяхъ самое фальшивое понятіе, благодаря которому я не разъ впадала въ ошибки, на каждомъ шагу разочаровывалась, обвиняла всѣхъ и все, кромѣ себя, и сама за всѣхъ и все страдала. Мнѣ хотѣлось чего-то необыкновеннаго, я рвалась неизвѣстно куда и не умѣла довольствоваться тѣмъ, что имѣла; а въ сущности я была несчастная дѣвочка, не умѣвшая пользоваться благопріятными условіями моей тогдашней жизни, тратя свои духовныя силы на ненужную борьбу съ какими то вѣтряными мельницами.

ГЛАВА VIII.

Устроившись на новомъ мѣстѣ, отецъ и мать дѣлали визиты и затѣмъ принимали визиты многочисленныхъ знакомыхъ. Воскресенье; обѣдня только что отошла и изъ собора всѣ экипажи ѣдутъ мимо нашихъ оконъ къ губернатору, а оттуда къ намъ. Однимъ изъ первыхъ, а по возможности, и самымъ первымъ, является Monsieur Xavié, родившійся и состарившійся въ Россіи французъ, нигдѣ не служащій, ничѣмъ не занимающійся, всѣмъ извѣстный, все и всѣхъ знающій; высокій, плотный, краснолицый мужчина.

Это городская, великосвѣтская газета, общій повѣренный и коммисіонеръ; всѣ его разспрашиваютъ, но не всѣ и не слѣпо довѣряютъ достовѣрности сообщаемыхъ имъ извѣстій. Postellon d'amour, porteur de bonnes et mauvaises nouvelles, blagueur et bon enfant вотъ характеристика Xavié, который, ничѣмъ не смущаемый, неутомимо бѣгаетъ изъ дома въ домъ.

Лицо его озарено пріятной улыбкой; онъ входитъ, прижавъ къ груди цилиндръ, нѣсколько вздрагивающей, легкой походкой, бросая взгляды направо и налѣво, чтобы никого не проглядѣть по пути въ гостиную, чтобы всякому поклониться, всякаго обласкать улыбочкой. Если, мимоходомъ, ему попадется барское дитя — барышня, онъ ей одинаково любезно поцѣлуетъ ручку и освѣдомится о здоровьѣ. Наконецъ онъ вступаетъ въ гостиную, и прежде всего прикладывается къ рукѣ матери моей, которая слегка касается губами его лысины. „Изволили быть въ архіерейской? предику Владыки слышали?" Удивительная, — скажите лучше, что новаго въ городѣ? — перебиваетъ его отецъ мой. „Конечно, изволите знать, что Ея Превосходительство генеральша Нелидова скончалась? истинно святая была женщина, я всегда говорилъ, святою и умерла Было ей чудное видѣнье передъ смертью, за два часа: будто бы небеса надъ нею разверзлись и узрѣла она лики ангельскіе, призывавшіе ее, и она протянула къ нимъ руки, воскликнувъ слабымъ, но восторженнымъ голосомъ: скоро, скоро приду къ вамъ! и даже назначила день смерти... и такъ и умерла! Дивно!" — Ну, это воображеніе, — снова перебиваетъ отецъ: — а онъ, самъ-то Нелидовъ, что подѣлываетъ? Чудитъ, пожалуй; былъ я у него, да не засталъ. — Xavié осторожно оглядывается, и не видя въ комнатѣ никого, кромѣ хозяевъ и неизмѣннаго Парomбова, продолжаетъ повѣствовать: „Чудитъ, невѣроятно чудитъ! Похороны были необыкновенно парадныя, съ великой помпой и самъ онъ былъ церемонійместеромъ; уже заранѣе составилъ подробное росписаніе, кому идти за гробомъ и кому около гроба, въ какомъ порядкѣ и въ какихъ костюмахъ. Даже лично составилъ рисунки для траурныхъ платьевъ женской прислуги: всѣ онѣ шли за гробомъ своей барыни съ распущенными волосами, одинаково опустивъ головы, въ длинныхъ бѣлыхъ платьяхъ особаго покроя; самъ-же „онъ", подъ руку съ дочерью, шелъ, опустивъ голову, за гробомъ. Передъ самымъ выносомъ тѣла принесли письмо на имя покойницы; не говоря ни слова, не распечатывая его, „онъ" подошелъ къ гробу, осторожно приподнялъ покровъ и

положилъ письмо около умершей жены". — Ахъ, шутъ гороховый! ну, а теперь, послѣ похоронъ, что онъ творитъ?— „Вамъ извѣстно, что въ маленькой его гостиной съ каминомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ умерла его старшая дочь, онъ поставилъ памятникъ нынѣшнимъ лѣтомъ?"—Какой это памятникъ, въ гостиной. „Такой, какіе ставятъ надъ мертвыми на кладбищахъ, въ особенности на католическихъ, съ портретомъ дочери, въ видѣ медальона, вставленнымъ въ него. А теперь на мѣстѣ, гдѣ умерла жена, будетъ алтарь его домовой церкви, гдѣ и кресло покойницы поставятъ въ числѣ прочей святыни. Вотъ спросите Василія Матвѣевича"— „Это точно"—отозвался изъ своего угла старикъ Паромовъ. (или какъ у насъ онъ назывался: курскій старичокъ), уже окутанный облакомъ дыма табачнаго:—„церковь уже отдѣлывается, всѣ образа иконостаса портреты Нелидова, его жены и дочерей; такъ приказывалъ онъ живописцу, нѣкоторые уже готовы и я самъ видѣлъ ихъ. А главное то, что и алтарь не на востокъ, а тамъ, гдѣ на креслѣ скончалась его жена! Что-то на эти затѣи его Владыко скажетъ? Около карниза, подъ потолкомъ, на полочкахъ, стоятъ фарфоровыя фигурки, собачки, кошечки, лисички и проч., которыя находились обыкновенно въ комнатѣ покойницы, и подъ ними надпись: Предсмертныя забавы. Отъ скуки видно перебирала ихъ передъ смертью. Вѣроятно оттого".—Просто публику морочитъ, больше ничего!—возмутился отецъ. „А извѣстно-ли вамъ, Николай Прокофьевичъ, изъ какихъ суммъ „онъ" свою церковь построилъ?" — Вотъ вопросъ! разумѣется изъ своихъ собственныхъ. „А вотъ и не изволили угадать! Развѣ можетъ Нелидовъ поступить просто, подобно намъ грѣшнымъ? и придумалъ-же „онъ" штуку! Въ другомъ своемъ домѣ, на Дворянской, онъ устроилъ по всѣмъ правиламъ базаръ, т.-е. распродажу всѣхъ жениныхъ вещей, начиная отъ золота, серебра и брилліантовъ, до старыхъ тряпокъ покойницы, ея дѣтей и даже кормилицъ ихъ. Просто уму непостижимо". — Что вы говорите! — чуть не съ испугомъ восклицаетъ отецъ мой.—„Это точно,"— подтверждаетъ и Паромовъ: „я самъ былъ на этомъ базарѣ и даже купилъ кое-что изъ тряпья для дѣтишекъ своихъ. Чего лучше? тамъ продавались дѣтскія игрушки, сарафаны кормилецъ, склянки съ ея недопитыми лѣкарствами, банки съ недоѣденнымъ ею во время болѣзни вареньемъ, соленьемъ..."

Въ эту минуту входитъ гость, въ отставномъ военномъ сюртукѣ. Это Яковъ Яковлевичъ Локателли, родомъ италь-

янецъ, но почему-то попавшій въ русскую армію, гдѣ и получилъ чинъ полковника; премилый старичокъ, чистенькій, бѣленькій, точно восковой; славится въ цѣломъ городѣ необыкновенною своею преданностью всѣмъ губернаторамъ или, вѣрнѣе, губернаторскому дому, за что и получилъ прозвище „губернаторскаго кота“. Любитъ играть на гитарѣ и обязательно участвуетъ въ каждомъ концертѣ съ благотворительною цѣлью, каждый разъ повторяется инцидентъ лопнувшей струны на его гитарѣ и каждый разъ онъ съ одинаковымъ недоумѣніемъ оглядываетъ свой инструментъ, сходя съ эстрады.

....„Бьюсь объ закладъ, что вы о Нелидовскомъ базарѣ говорите! c'est la nouvelle du jour. Такой скандалъ бѣдной Десангленъ!...“

— Какой скандалъ? что случилось съ Десангленъ? говорите-же....

„Помилуйте, на этомъ пресловутомъ базарѣ, между прочей дрянью, принадлежавшей Нелидовой, продавалась и ея переписка съ друзьями; а такъ какъ Десангленъ была лучшимъ другомъ ея молодости и сама повѣряла ей свои дѣвичьи тайны, то, понимаете, писалось откровенно и обо многихъ. Нѣкоторые изъ старожилъ драгунскаго полка, квартировавшаго тогда въ городѣ, фигурировавшіе въ тогдашнемъ обществѣ и теперь живущіе здѣсь осѣдло съ женами и дѣтьми, пронюхали о существованіи этой переписки и поспѣшили на „базаръ“, чтобы купить ее ради курьеза. Къ счастью, Десангленъ предупредила ихъ, скупивъ всѣ письма и записки покойной подруги“. Разговоръ прерывается появленіемъ въ гостиной новыхъ личностей.

Это почтенная, всѣми уважаемая Анна Петровна Богданова, помѣщица и богатая женщина, „столбовая дворянка“ и хорошей фамиліи, но почему-то не получившая образованія. Она теперь исключительно поглощена своими семейными интересами, которые издавна засосали ее; никакіе другіе интересы не существуютъ для нея, и даже говоритъ она съ другими только о своей семьѣ, внѣ которой она не допускаетъ жизни, т.-е. личной своей. Съ нею входятъ двѣ дочери ея, давно взрослыя и равно крупныхъ размѣровъ, Машечка и Сашечка; но онѣ мало говорятъ, только улыбаются.

Старушка добродушно цѣлуется съ матерью моей, и начинаетъ:—„А мы вчера на балу были, у Гвоздевыхъ; повеселились, слава Богу. Особенно Сашечка много танцовала. Она у меня цвѣточекъ!“ Сашечка улыбается. „Я вѣдь въ

карты не играю, все ими любуюсь".—А сынъ вашъ какъ поживаетъ?--привѣтливо обращается къ ней отецъ. „Николашенька?" (А Николашенька—цѣлый сержантъ, касая сажень въ плечахъ). „Благодарю, батюшка, благодарю; теперь, благодарить Бога; а то было совсѣмъ меня перепугалъ, да и болѣзнь то мудреная, французская какая-то у него была. Я голову потеряла". Присутствующіе переглядываются; отецъ спѣшитъ перемѣнить разговоръ.

— Ахъ вы, добрѣйшая моя Анна Петровна! — смѣется онъ.—Но скажите, пожалуйста, вѣдь у Николая-то вашего голосъ хорошъ? „Какъ-же, какъ-же! самъ Баритонъ сказалъ, что у него голосъ *декольте*".—„Т.-е. голосъ баритонъ у сына вашего" не вытерпѣлъ Хavié. „Да, да, баритонъ." и Анна Петровна задумывается, не понявъ. Дочери любовно смотрятъ на мать; имъ и въ голову не приходитъ конфузиться за ея оригинальное дѣтски наивное невѣжество; она отвѣчаетъ на ихъ взгляды счастливою улыбкой. И странно, что даже постороннимъ она не кажется смѣшною; всѣ давно привыкли къ ней, уважаютъ и любятъ ее, потому что она вполнѣ искренняя и добрая женщина, и не смотря на свою исключительную любовь къ дѣтямъ, она все-таки относится и ко всѣмъ другимъ людямъ чрезвычайно мягко и сердечно. Анна Петровна и дочери ея никогда не злословятъ и не сплетничаютъ. Входятъ дѣвицы Десангленъ съ матерью, вполнѣ приличныя, свѣтски выдержанныя, губернскія барышни. Поговорили и онѣ о базарѣ, ехидно посплетничали о подругахъ. Еще нѣсколько другихъ пріѣхало и разговоръ сталъ общимъ.

— „Слыхали-ли вы свѣжую новость о графинѣ Де-Бальменъ, Аглаѣ?" „Для насъ всякая новость нова; вѣдь мы только что изъ деревни".— Въ монастырь поступаетъ, въ католичество переходитъ, и знаете, ради любви... — Новость такъ свѣжа, что и Хavié пораженъ.—На нашемъ горизонтѣ появился недавно одинъ католическій аббатъ, да не простой, какой-нибудь вертлявый petit abbé, а серьезный, даже строгій на подобіе аскета, молодой, красивый, образованный польскій графъ Лубянскій. Въ его жизни былъ какой-то несчастный романъ, тайна какая-то. Барыни и барышни, да все наши русскія, православныя, бѣгутъ на его проповѣди, гдѣ онъ говоритъ какія-то жалкія слова, возводя къ небу прекрасныя голубыя очи и граціозно складывая руки... Ну и прочее все, въ такомъ же родѣ. А барыни и барышни доходитъ до истерическихъ припадковъ, нѣко-

торыя лишаются чувствъ. Да вотъ и M-elle Lydie принадлежитъ также къ ревностнымъ поклонницамъ католическаго оббата... взгляните на нее...“ и говорившій обращается съ этими словами къ матери одной дѣвушки, очень молодой и очень красивой, сидѣйшей все время опустивъ голову и не проронивъ ни слова, словно въ забытьѣ какомъ то. Мать встрепенулась, засуетилась: — „Ахъ, ахъ, Лидочка моя такая нервная! вотъ и сегодня, она не могла дослушать проповѣди до конца, съ ней сдѣлалось дурно“.—Барышни нынѣшнія такія экзальтированныя стали!—негодуетъ отецъ мой.—аббатъ этотъ просто шарлатанъ, ломается, зная слабость нашихъ дамъ; а онѣ въ серьезъ принимаютъ его затверженныя проповѣди и головы теряютъ...—Лидочку точно ударили; она совсѣмъ озлилась на отца, который, въ свою очередь, горячился и возмущался, не понимая, чтобы „дѣвчонка“ могла затѣвать такіе споры со старшими, и неизвѣстно чѣмъ бы эти разговоры кончились, если бы не вошелъ недавно овдовѣвшій предсѣдатель казенной палаты, Иванъ Яковлевичъ Телешовъ, съ двумя молоденькими дочерьми своими. Этотъ рыженькій, смиренно глядящій господинъ напомнилъ бы собою типъ Іудушки, если бы онъ былъ созданъ тогда. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ говоритъ о покойницѣ женѣ и всѣ счастливыя событія теперешней жизни относитъ къ загробнымъ молитвамъ ея. Дядя очень мѣтко съострилъ на его счетъ: il est jean, il est jacques, il est rout, il est sot. mais il n'est pas jean jacques Rousseau.

— А вас можно поздравить съ монаршею милостью?— говоритъ отецъ. „Благодарю, благодарю! это все Пашенька вымаливаетъ для меня“. — Полно-те, Иванъ Яковлевичъ, не заслужили бы такъ, и никакія молитвы покойницы не помогли бы.—Входятъ Марковы, мать нынѣшняго знаменитаго Евгенія Маркова, съ дочерью Маріей Львовной, обѣ добродушныя, сердечныя, всегда привѣтливыя.

Въ гостиной стоитъ гулъ отъ разговоровъ, споровъ, смѣха; кажется, что бесѣдѣ этой и конца не будетъ. Но первый, поднявшійся съ мѣста, подалъ сигналъ и остальнымъ, такъ что вскорѣ гостиная совсѣмъ пустѣетъ. Послѣднимъ удаляется Xavié: онъ хочетъ всѣхъ видѣть и выслушать, чтобы съ новымъ запасомъ извѣстій отправиться куда-нибудь прямо на обѣдъ.

ГЛАВА IX.

Первые годы моей молодости прошли въ той же обстановкѣ и въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и годы моего дѣтства. Я вышла замужъ за военнаго изъ квартировавшаго въ Обояни кавалерійскаго полка. Нечего и говорить, что моя свадьба не была противъ воли родителей моихъ; да и вообще для меня немыслимо было противорѣчить имъ даже словами, не только дѣйствіемъ. У меня, живой и вспыльчивой, это было дѣло привычки и воспитанія, скорѣе чѣмъ характера; у сестры же Лизы, кроткой и тихой, было въ свойствѣ характера повиноваться и подчиняться всякой власти, и даже посторонней волѣ, не говоря о родительской.

Мы обѣ одинаково считали непонятнымъ, какъ это можно уйти тайно изъ родительскаго дома? „Мнѣ кажется, что если бы даже мы рѣшились „бѣжать" съ кѣмъ-нибудь, то далѣе нашей рощи не ушли бы, и слыша голосъ отца, тутъ же вернулись бы домой"—смѣясь говаривала Лиза. И это было совершенно вѣрно, взявъ во вниманіе дисциплину нашего дома.

Жизнь въ полку пришлась мнѣ по вкусу; я сразу и всецѣло вошла въ эту среду вѣчнаго движенія, беззаботнаго товарищества, пеструю, суетливую, кочевую и разнообразную. Общество въ полку было прекрасное: молодежь образованная, нѣкоторые съ талантами; много дамъ, дѣвицъ и дѣвочекъ, и нѣсколько настоящихъ полковыхъ дамъ, такъ сказать, закаленныхъ въ военной жизни и полковой обстановкѣ. Послѣднія охотно приняли меня подъ крылышко, а съ первыми я на первыхъ же порахъ сошлась по товарищески.

Послѣ свадьбы я еще продолжала жить въ Вознесенскомъ, такъ какъ эскадронъ моего мужа квартировалъ у насъ на селѣ; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ полкъ получилъ приказъ выступить на новую стоянку, въ Малороссію, а по-моему, страну живописныхъ ландшафтовъ, итальянскаго неба, поэтическихъ легендъ, фантастическій край, который рисовался въ моемъ, вѣчно пылкомъ воображеніи. Однако-же мнѣ, уроженкѣ Курской губерніи, съ ея роскошными фруктовыми садами и непроницаемо темными аллеями, показались мизерными пресловутые вишневые садочки, которые попадались мнѣ на каждомъ шагу; ожидаемыхъ же ландшафтовъ не оказалось. За то, безспорно было хорошо малороссійское гостепріимство и хлѣбосольство; да и простота

нравовъ понравилась мнѣ, хотя здѣсь какъ будто стыдились ея, и даже нѣкоторые страшно маскировались.

Нашъ полкъ размѣстился въ одномъ изъ уѣздовъ Полтавской губ., а эскадронъ поставили въ большомъ селѣ, которое можно бы вѣрнѣе назвать мѣстечкомъ. Общество было здѣсь хорошее, потому что, почти исключительно, это село-мѣстечко состояло изъ помѣщичьихъ усадебъ, утопавшихъ въ садахъ, на близкомъ разстояніи одна отъ другой. Далѣе, кругомъ шли поля и ряды крестьянскихъ хатъ.

Всѣ обрадовались прибытію полка, да еще и кавалерійскаго, и послѣ первой встрѣчи стали усердно угощать, придумывая для насъ всевозможныя увеселенія, и при этомъ веселились сами. Прежде чѣмъ описывать другихъ, я должна сказать нѣсколько словъ объ одномъ близкомъ мнѣ человѣкѣ, а именно, о меньшомъ братѣ моего мужа, жившемъ съ нами. Рѣдко встрѣчала я болѣе симпатичную личность какъ beau-frère мой Николай, прозванный здѣсь принцемъ Джальмой. Красивый и любезный, онъ былъ до крайности добръ и почти черезъ-чуръ, женственно мягокъ; любилъ всѣхъ вообще, а въ особенности женщинъ, которыя, какъ бабочки на огонь, летѣли на свѣтъ его прекрасныхъ глазъ. Его мягкія рѣчи и манеры, его масляные взоры (какъ я ихъ называла) влекли къ нему неудержимо. Точно также влекло и его къ каждому смазливому личику; любимою мечтою его было жениться по любви, но такъ, чтобы и мнѣ, которую онъ любилъ какъ родную сестру, полюбилась его жена, и жили бы мы вмѣстѣ всѣ, неразрывно связанные узами родства и дружбы. Я вполнѣ сочувствовала этимъ мечтамъ.

Тотчасъ по прибытіи на новую стоянку, мы перезнакомились со всѣми обитателями села; Николая на рукахъ носили и барыни и барышни, самъ онъ напропалую ухаживалъ за ними. Наконецъ, выборъ его остановился на одной: влюбился и заявилъ ея матери и ей о своемъ намѣреніи предложить руку и сердце, и проч., получилъ согласіе отъ обѣихъ; но отецъ самодуръ долго ломался, не желая выдать дочь за военнаго. Юлія была молодое, милое, красивое созданье; она любила Николая. Всѣ приняли участіе въ этомъ романѣ, каждый по своему желалъ содѣйствовать. Наконецъ, и отецъ далъ свое согласіе... Но оно пришло поздно: Юлія, заболѣвшая раньше, недолго радовалась согласію отца: она умерла. Не могу не упомянуть при этомъ случаѣ о первой, безмолвной встрѣчѣ Николая съ Юліей. Это было задолго до знакомства ихъ, т.-е. за нѣсколько мѣсяцевъ.

Былъ душный лѣтній день, уже на исходѣ; кругомъ по небу и надъ нами висѣли черныя тучи, когда мы съ Николаемъ вошли въ церковь этого села-мѣстечка; послѣ перваго, оглушительнаго удара грома, вновь блеснула молнія и мы увидѣли передъ собою (хотя и не разсмотрѣли) молоденькую дѣвушку, стоящую на колѣняхъ передъ образомъ Богоматери. Это была Юлія С........о, какъ узнали мы впослѣдствіи. Много мѣсяцевъ спустя, на этомъ же мѣстѣ, гдѣ молилась тогда дѣвушка во время грозы, стоялъ ея гробъ, склонясь передъ которымъ молился ея женихъ Николай.

Вскорѣ послѣ смерти Юліи познакомилась и подружилась я съ ея роднымъ братомъ, также Николаемъ, бывшимъ студентомъ Московскаго университета. Это былъ выдающійся человѣкъ; юморъ его равнялся необыкновенной сердечности; не красивый—онъ положительно всѣмъ нравился, хотя онъ всегда смѣялся и смѣшилъ увлекательными разсказами и мѣткими, юмористическими замѣчаніями, никто серьезнѣе его не относился ко всему человѣческому, къ наукѣ, къ искуству и къ труду; никто не сочувствовалъ глубже и горячѣе его чужой бѣдѣ и не помогалъ имъ охотнѣе; а въ смѣющемся взорѣ его, гдѣ-то глубоко, лежала никому невѣдомая дума. Ни раньше, ни послѣ я не встрѣчала другого, подобнаго ему, друга человѣчества, въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова.

Здѣсь же познакомилась я съ другимъ старшимъ братомъ моего мужа Александромъ, саперомъ, Севастопольскимъ героемъ, Мельниковымъ, пріѣхавшимъ сюда погостить къ намъ, извѣстнымъ подъ именемъ оберъ-крота, прозвище данное ему великими князьями Михаиломъ и Николаемъ Николаевичами, за его 9-ти мѣсячное пребываніе подъ землею, во время саперныхъ работъ въ Севастопольскую кампанію Не могу не остановиться на моемъ знакомствѣ съ этимъ beau-frère'омъ.

Ну, конечно, знаменитость, герой, историческая личность... всѣ ждали его съ нетерпѣніемъ, не только братья, любившіе его, но и всѣ наши знакомые, въ селѣ и въ полку. Для меня, впрочемъ, слова: герой, знаменитость, не имѣли никакого значенія; мнѣ просто любопытно было увидѣть вблизи и поговорить съ тѣмъ, кто могъ впродолженіи стольких мѣсяцевъ работать подъ землей и кто заставилъ такъ много говорить и писать о себѣ. Да притомъ и новаго beau-frère'а хотѣлось видѣть. Я была избалована родней моего мужа, которая неусыпно нянчилась со мной, безусловно

подчиняясь моимъ капризамъ; я уже задумала и этого новаго, сѣдинами убѣленнаго beau-frère'а поставить сразу въ ряды любившихъ меня баловниковъ братьевъ. Но Александръ былъ суровъ и неподатливъ; онъ словно опасался прикосновенія всякой посторонней руки, особенно если замѣчалъ, что рука пытается къ нему въ душу забраться. Это подзадоривало меня; и я, въ ту пору ребенокъ по сравненію со старшимъ братомъ моего мужа (который былъ гораздо старше меня), заигрывала съ нимъ (въ порядочномъ смыслѣ), какъ мышонокъ съ крупнымъ котомъ. Это вовсе не было пошлое женское кокетство, такъ какъ кокеткой вообще я не была, а beau-frère—Александръ не представлялъ для меня ничего интереснаго какъ мужчина; а просто шалость, молодое любопытство. Николай, любимый товарищъ мой, самъ принималъ участіе въ этой игрѣ мышки съ кошкой и забавлялся ею не менѣе самой меня. Но ничего не выходило изъ общихъ нашихъ стараній приручить Александра: разговорчивый, сообщительный и милый въ обществѣ мужчинъ, онъ былъ дикъ и неловокъ съ дамами, которыхъ боялся, потому что былъ воспитанъ далеко отъ всякаго женскаго вліянія, какъ самъ онъ признавался мнѣ потомъ. Но за то какъ были оживлены и интересны наши бесѣды съ нимъ вдвоемъ, когда мы обращали все наше вниманіе на серьезную сторону жизни и входили въ мельчайшія подробности его интересной дѣятельности.

Онъ съ увлеченіемъ расказывалъ мнѣ о Севастополѣ, всегда избѣгая упоминать о себѣ, и если, невольно увлекшись воспоминаньями, онъ проговаривался о своемъ *я*, Александръ конфузился и путался, пока я не наводила его на путь прерваннаго разсказа. Такъ, между прочимъ, высказалъ онъ, противъ воли и очень слегка, подпольныя интриги противъ него графа Тотлебена, убоявшагося слишкомъ быстраго полета тихаго, безотвѣтнаго труженика Мельникова, прежде всего избѣгавшаго *стать* на дорогѣ у кого бы то ни было, и изъ принципа и по характеру, кроткому, миролюбивому и честному. „Слишкомъ высоко летитъ, надо подрѣзать крылья", были слова Тотлебена объ Мельниковѣ, сказанныя въ палаткѣ графа и слышанныя самимъ героемъ, палатка котораго находилась рядомъ. Богъ съ нимъ, не хотѣлось связываться! — отвѣтилъ онъ мнѣ просто, когда я возмутилась. „И что-же послѣ этого?"—полюбопытствовала я далѣе.—Представили меня къ чину, но обошли, а другого произвели; я же въ томъ чинѣ и остался, въ которомъ и

по сіе время сижу. Пусть узнаютъ правду изъ моихъ записокъ, когда я умру!—„Нѣтъ, вы должны издать ихъ теперь!“ горячилась я: „что за польза для васъ, если о вашихъ подвигахъ и истинныхъ заслугахъ узнаютъ только послѣ смерти вашей!“—Право, мнѣ рѣшительно все равно, когда бы ни узнали правду!—отвѣчалъ онъ небрежно и продолжалъ свои интересные разсказы. Говорилъ онъ мнѣ не разъ съ усмѣшкой, какъ онъ ходилъ къ великимъ князьямъ, любившимъ его, чтобы сообщить имъ какой-нибудь новый планъ, созрѣвшій въ его головѣ; и какъ однажды, не заставъ великихъ князей въ ихъ палаткѣ, онъ наскоро набросалъ карандашомъ планъ на клочкѣ бумаги, вырванной изъ записной книжки своей, и положилъ на виду, на столѣ. По выходѣ Мельникова изъ великокняжеской палатки, вошелъ въ нее Тотлебенъ, полюбопытствовалъ взглянуть на лоскутокъ бумаги, и просмотрѣвъ, положилъ ее къ себѣ въ карманъ, а потомъ представилъ отъ себя, обдуманный и обработанный имъ планъ, начертанный Мельниковымъ. — Все это я изложилъ тамъ, у себя въ запискахъ, обстоятельно, подробно, съ доказательствами, — прибавилъ мой милый beau-frère, и я принялась его тормошить, чтобы онъ показалъ мнѣ свои записки. Отнѣкиваясь и смущаясь досталъ онъ ихъ изъ чемодана и каждый день сталъ читать мнѣ, когда мы оставались вдвоемъ. Если-бы тогда я попросила его подарить мнѣ свои записки—Александръ, не задумываясь, отдалъ-бы мнѣ ихъ и я-бы издала ихъ. А теперь—умеръ герой и нѣтъ точной исторіи о его великихъ заслугахъ отечеству. Затеряны или заброшены дорогіе факты — Богъ вѣдаетъ! Однажды, когда Александръ, къ великой радости братьевъ, освоился со мной, онъ предложилъ мнѣ прокатиться съ нимъ на его лошадяхъ.—Вѣдь это мои цыплята, сестрица,—сказалъ онъ съ улыбкой, усаживаясь со мною въ экипажѣ. „Какіе цыплята?“—А вѣдь *они* тамъ въ Севастополѣ въ герои меня произвели, Вобаномъ прозвали. И пишутъ французы въ какой-то своей газетѣ: „le célèbre Vauban russe Melnikoff faisait son entrée triomphale à Sébastopole accompagné de ses deux poulains“—понимаете? ну, а наши и перевели: въ сопровожденіи своихъ цыплятъ. Такъ вотъ они-то самые, уже старенькіе, имѣютъ честь везти васъ теперь, милая сестрица.

Каждый день собирались у насъ гости или мы были приглашаемы, конечно, en compagnie de notre héros, для котораго собственно давались вечера, обѣды и ужины. Барышни

были взволнованы: вѣдь герой-то былъ не женатъ! Мои акціи, и безъ того стоявшія чрезвычайно высоко въ обществѣ села, поднялись невѣроятно съ прибытіемъ Александра. На одномъ изъ подобныхъ вечеровъ онъ вознамѣрился быть любезнымъ съ мѣстными дамами, которыхъ долго дичился; но проведя съ ними болѣе часу въ непривычной ему фривольной свѣтской болтовнѣ, онъ вернулся опять къ мужской компаніи, гдѣ собрались въ ожиданіи его всѣ тузы и не тузы, мужья, отцы и братья присутствующихъ дамъ. — А сильно кокетничаетъ эта барынька съ братомъ Николаемъ!—подмигнулъ Александръ своему сосѣду. „Это жена моя“ сконфуженно отвѣтилъ сосѣдъ. – Нѣтъ, не эта, а та, что рядомъ!—выпутывался герой, какъ умѣлъ. „Это сестра моя“— и т. д., пока бѣдняга Александръ, неловкій, неумѣлый, наивный на этомъ чуждомъ ему полѣ, не спутался совсѣмъ и чуть не со слезами прибѣжалъ ко мнѣ, умоляя ѣхать домой!—Ради Бога, ни минуты болѣе! я тутъ перепуталъ все. . и только дома разсказалъ онъ намъ спокойно и по порядку весь инцидентъ.

Но однако никакія старанія обоихъ братьевъ не могли добиться того, чтобы установить между мною и Александромъ тѣ простыя, дружескія, товарищескія отношенія, которыя сами собою установились съ первыхъ дней знакомства моего съ братьями моего мужа и ихъ женами: я чувствовала въ Александрѣ старшаго, серьезнаго, неравнаго мнѣ; онъ хотя и любилъ бесѣдовать со мною серьезно, когда мы бывали наединѣ, забывая, что я женщина—при появленіи третьяго лица, хотя-бы и родного, онъ точно съеживался, смущался, уходилъ въ свою скорлупу и дичился даже меня, точно вдругъ замѣчая мою молодость и миловидность и сторонясь отъ опасности. Однакожъ мужъ и братъ все-таки уговорили насъ выпить брудершафтъ, считая это средство несомнѣннымъ для сближенія; но и брудершафтъ не заставилъ насъ „замѣнить пустое *вы* сердечнымъ *ты*“. Такъ прошло время отпуска Александра, который уже назначилъ день своего отъѣзда. Въ этотъ же день, мы всѣ, вмѣстѣ съ нимъ, были приглашены за нѣсколько верстъ на имянины къ одному знакомому помѣщику; оттуда, послѣ бала, долженъ былъ уѣхать Александръ. Кто не знакомъ съ деревенскими имянинами, особенно въ Малороссіи, въ доброе старое время? Пріѣздъ гостей начинается съ кануна великаго дня; для каждаго приготовлена комната, куда, по прибытіи, и отводятъ его вмѣстѣ съ ручнымъ его багажемъ.

Но есть и такіе, которые, по близости разстоянія, пріѣзжаютъ въ полномъ парадѣ, безъ надобности переодѣванія. Барыни и барышни, дальнія и ближнія, одинаково нуждаются, если не въ переодѣваніи съ головы до ногъ, то въ изрядной поправкѣ передъ пирогомъ, т. е. приблизительно около полудня. Приходитъ батюшка, совершается молебствіе съ многолѣтіемъ; имянникъ или имянинница умиленно прикладываются ко кресту и растроганно принимаютъ поздравленія и пожеланія собравшихся родныхъ и знакомыхъ. Это моментъ, когда всѣ, принарядившись, освѣжившись или, по крайней мѣрѣ, прибавивъ еще что-нибудь къ туалету, выходятъ изъ своихъ комнатъ и группируются около виновниковъ торжества, и поликовавъ съ ними сколько потребно, расходятся по дому и группируются между собою, влекомые симпатіями или вкусами. За обѣдомъ опять собираются всѣ вкупѣ, а послѣ—опять расходятся: иные—въ картишки сразиться, кто трубочку покурить, кто полюбезничать или поболтать, а кто и соснуть. Вечеромъ—балъ. На вылощенномъ до невѣроятія полу появляются разнообразнѣйшіе туалеты и невиданныя прически; выдѣлываются замысловатѣйшіе *па* или просто скачки и прыжки во всю. Весело — невообразимо. Затѣмъ ужинъ, плотный, изобильный, ужасающій, съ надлежащей выпивкой и съ безконечными тостами; и снова плясъ и скачъ, съ вывертами, съ заковычками, кто во что гораздъ. Такъ было и теперь. Въ 6 часовъ утра перестали плясать и даже двигаться; всѣ смолкли, повѣсили головы, пріуныли, изнемогали, а нѣкоторые дремали. Солнце освѣтило далеко не интересныя физіономіи; на нѣкоторыхъ дамскихъ личикахъ потъ, струясь, оставилъ слѣды, легшіе темными полосами по яркому румянцу щекъ... Все смялось, сжалось, поблекло. Я устала не менѣе другихъ и въ ожиданіи экипажа и сигнала къ отъѣзду, сидѣла въ огромномъ залѣ, откинувъ голову назадъ, прислонясь къ стѣнѣ и закрывъ глаза въ полудремотѣ. Вдругъ меня вызвали изъ забытья два неожиданные и звонкіе поцѣлуя въ обѣ щеки, заставившіе меня вскочить на ноги. Предо мною стоялъ сконфуженный Александръ; онъ уѣзжалъ и не хотѣлъ разставаться со мною, не выразивши мнѣ, какимъ бы то ни было образомъ, хотя передъ отъѣздомъ, своихъ родственныхъ чувствъ, (онъ такъ и объяснилъ это братьямъ), чтобы не оставить во мнѣ впечатлѣнія его кажущагося равнодушія. Съ этою цѣлью онъ, уже готовый къ отъѣзду, подошелъ ко мнѣ, забывъ свою робость и не

стѣсняясь обществомъ облобызалъ на всю залу и прибавилъ смѣло: прощай, Саша! (на основаніи брудершафта). Затѣмъ броси лсявонъ изъ комнаты. Съ тѣхъ поръ мы уже не встрѣчались болѣе. Онъ давно умеръ, и напрасно всѣ мы ищемъ его записокъ: видно на папильотки пошли!

— Помню я въ этомъ селѣ-мѣстечкѣ семейство К—хъ: мать, полуслѣпая старушка и двѣ молоденькія и хорошенькія дочери, прозванныя нами Роза и Бланка. Тогда еще увлекались знаменитымъ романомъ Евгенія Сю, и всѣ читали и перечитывали его, примѣняя физіономіи и характеры дѣйствующихъ въ немъ лицъ къ физіономіямъ и характерамъ окружающихъ, живыхъ личностей. Не забуду я никогда меньшую изъ двухъ сестеръ, по прозванію Розу, всегда дѣятельную, озабоченную чужими нуждами, переполненную этими заботами о другихъ и всегда забывающую о себѣ; всегда улыбающуюся, довольную судьбою, естественную и невзыскательную, относясь благоразумно ко всему и крайне философически ко многому. Все, чтобы она ни дѣлала, казалось ей такъ просто... а она много, много дѣлала, ежеминутно готовая жертвовать своимъ покоемъ, своимъ временемъ, своимъ достояніемъ, а въ случаѣ надобности и счастіемъ. Со мною она рѣдко говорила, и тогда, когда всѣ курили мнѣ ѳиміамъ—она словно не замѣчала меня. Но когда, передъ выступленіемъ полка мнѣ дѣлали прощальный балъ, на которомъ Роза не могла присутствовать (она лежала въ постели серьезно больная), узнавъ отъ близкихъ, что я буду на этомъ балѣ въ послѣдній разъ, она украдкой встала съ постели (въ жару и зимою), плотно укуталась и стала караулить меня у подъѣзда дома, гдѣ мы пировали, „чтобы еще разъ взглянуть на васъ и навсегда сохранить въ памяти.“ Объ этомъ узнала я нѣсколько лѣтъ спустя, когда я пріѣхала опять въ то село, но уже больная, и Роза не отходила отъ моего изголовья. Ея простое, искреннее и совсѣмъ неожиданное повѣствованіе о такомъ глубокомъ чувствѣ ко мнѣ, удивило и тронуло меня. Если бы вы могли всегда любить меня, какъ бы я была счастлива! — сказала я, пожимая руку, оправлявшую мои подушки и приготовлявшую лѣкарства. — „Скорѣе разучусь я говорить, чѣмъ разлюблю васъ,“—отвѣчала она очень просто, но твердо и убѣдительно. И она сдержала слово: чрезъ 15 лѣтъ слишкомъ, она доказала мнѣ свою дружбу и не отреклась отъ своего молодого порыва, высказаннаго мнѣ тогда. Черезъ столько лѣтъ, которыя мы провели врозь и даже не пере-

писываясь — по-первому моему призыву, она, эта серьезная, умная, вѣрная себѣ и другимъ дѣвушка, протянула мнѣ руку помощи, и въ самую тяжелую минуту жизни! Это ли не цѣльная натура? О, пусть прочтетъ она эти строки, пусть знаетъ, что я ее цѣнила, что я ее помню, люблю и благодарю!

ГЛАВА X.

Много еще было хорошихъ семей и свѣтлыхъ личностей въ этомъ селѣ, о которомъ мнѣ отрадно вспомнить. Съ кѣмъ, изъ многихъ, приведетъ Богъ снова увидѣться?

Вдругъ велѣно было полку готовиться къ недалекому походу въ сосѣдній уѣздъ, гдѣ государемъ былъ назначенъ смотръ дивизіи. Дивизія наша (3-я) должна была расположиться въ окрестностяхъ Тепловки, имѣнія князя Долгорукова, гдѣ помѣстился главный штабъ. Всѣ въ полку встрепенулись, оживились, засуетились; стали мечтать и волноваться; кто на производство разсчитывалъ, а кто и развлеченію обрадовался.

Погода стояла жаркая, послѣднія жары отживавшаго лѣта; это былъ мой первый походъ съ полкомъ, такъ какъ послѣ свадьбы я нагнала полкъ уже на мѣстѣ стоянки его — и этотъ походъ я совершила какъ слѣдуетъ, на лошади, среди офицеровъ полка. Музыка сыграла неизбѣжный генеральный маршъ; затѣмъ пошли различные попурри, вальсы, польки и т. д. Какъ я уже замѣтила выше тогдашнее общество полка было исключительное: образованные молодые люди, дамы и дѣвицы; дамы постарше, свѣковавшія въ полку, войдя въ его составъ тотчасъ послѣ свадьбы, сдѣлались тутъ матерями многочисленныхъ семействъ и уже состарѣлись въ той-же средѣ; онѣ отличались отъ молодыхъ особеннымъ, такъ сказать, полковымъ пошибомъ, носившимъ какой-то милый семейный характеръ. Превосходныя матери и хозяйки, онѣ по матерински относились и къ намъ, молодымъ: все бы онѣ уговаривали, совѣтовали, утѣшали и угощали, а пуще всего разсказывали бы про совершенные съ мужьями походы; все-бы онѣ суетились да хлопотали, точно имъ было непривычно сидѣть покойно. Всѣхъ милѣе были мнѣ эти типы.

За полкомъ, подчасъ примыкая къ нему, ѣхали экипажи съ семействами военныхъ, полковыми дамами, дѣвицами и дѣтьми, съ женскою прислугою и деньщиками; въ каж-

домъ были корзины, плетушки, короба съ провизiей, свѣже изготовленной и вкусной, закуски, вина, печенья, словомъ все, что можетъ успокоить голодные желудки, утомленные жарой и однообразнымъ положенiемъ на лошади, представляя удобный случай собраться около чьей-нибудь коляски, откуда высунется милое, знакомое лицо, радушно приглашающее закусить въ компанiи, чѣмъ Богъ послалъ. И сколько разъ пришлось закусить съ аппетитомъ!

— Пѣсенники впередъ!—вдругъ скомандовалъ полковой адъютантъ; и въ воздухѣ разлилася унылая солдатская пѣсня, имъ самимъ сложенная, на мотивъ, солдатомъ же подобранный и говорящiй русскому сердцу какъ знакомое слово родины, какъ колыбельная пѣсня матери. Задумались всѣ кругомъ и притихли, слушая родные звуки немудреной мелодiи. Прiуныли и солдатики въ рядахъ. Только глухой топотъ лошадей всего полка нарушалъ тишину и какъ бы вторилъ пѣснѣ.

Помню я эту пѣсню моихъ милыхъ солдатушекъ; начиналась она такъ: „плакала, рыдала, слезы утирала русою своей косою...“ Это была любимая моя пѣсня, и добрые солдатики всегда пѣли ее для меня. Но вотъ, разсѣявъ общее раздумье, лихо грянула веселая, удалая пѣсня; запѣвалы пошли въ присядку, товарищи-строевые широко улыбались, не дерзая выразить иначе полнаго удовольствiя и сочувствiя, при видѣ исполненiя этой любезной всякому русскому человѣку пляскѣ. Оживились и офицеры, и юнкера, иной не прочь былъ бы и самъ пройтись... А я-то, я, какъ искренно тѣшилась, какъ горячо радовалась! Меня радовало все, все, и знакомая, лихая пляска, и общее одушевленiе, и братское согласiе всего полковаго общества, я чувствовала себя между своими; я знала, что всѣ здѣсь меня любятъ, что солдатики видятъ во мнѣ свою добрую заступницу-барыню, а не строгую мать-командиршу (типъ, котораго я всегда гнушалась, и поэтому никогда не была ею), что они угождаютъ мнѣ искренно, отъ души, а не въ видахъ подачки на водку. Нѣтъ ничего трогательнѣе, какъ привязанность солдата: выносливый и терпѣливый, онъ вполнѣ рабъ дисциплины, онъ твердо помнитъ, что надъ головой его виситъ неизбѣжно и не отвратимо бѣда неминучая: за ослушанiе, за то, что неловко повернулся или не во время во фронтъ сдѣлалъ, за недосмотръ казеннаго добра, за оторванную пуговицу, да мало-ли, за что еще? Начальство-ли не въ духѣ, лошадь-ли заболѣла за-все, про-все въ отвѣтѣ солдатъ; онъ постоянно ждетъ выговора, наговора, приговора.

для него ласка и доброе слово—рѣдкая и пріятная неожиданность, которую онъ вѣчно помнитъ и свято хранитъ въ своемъ простомъ солдатскомъ сердцѣ, полномъ дѣтской любви и безусловной преданности, доходящей до героизма. Русскій солдатъ ничего не боится, ко всему готовъ, онъ все стерпитъ, все перенесетъ, не жалуясь, не ропща, и даже не негодуя. Для меня было всегда что-то невыразимо трогательное въ этой покорности. Промыслу и волѣ начальства, что чуешь сердцемъ и вполнѣ оцѣнишь и поймаешь, когда увидишь солдата вблизи, среди мелочей и крупныхъ случайностей его жизни.

Много примѣровъ подобной дѣтской привязанности и преданности, доходящей до героизма, равно какъ и горячей признательности за ласку и за добро, встрѣчаемъ мы въ разсказахъ о бывшихъ невольникахъ неграхъ. Въ нашъ вѣкъ повальной свободы нѣтъ уже теперь такихъ прелестныхъ типовъ, какъ, напримѣръ, типъ нашего, блаженной памяти, старика-дядьки, одинаково радѣвшаго, какъ о господскомъ добрѣ, такъ и господской чести, и лелѣявшаго наше дѣтство съ нѣжной заботливостью и чуткостью матери, наравнѣ съ нашею дорогою ворчуньей и баловницей няней. Гдѣ она, русская няня крѣпостнаго времени, степенная, серьезная, съ ея чудесными сказками и тихою рѣчью, часто журившая, но всегда любящая и готовая стать грудью за свое, т. е. господское дитя? О, гдѣ они, эти милые типы былого времени и отчего они выродились во время свободы?

А солнце жгло, насквозь пропекая и бывшихъ на коняхъ и задыхавшихся въ крытыхъ экипажахъ. Солдатамъ было не въ охоту пѣть, а мы уже не такъ оживленно вели бесѣду между собою; а все-таки разговаривали, все-таки смѣялись, не замѣчая палящаго солнца, едва замѣчая окружавшую насъ мѣстность...

Гдѣ ты, счастливая пора юности, когда все кругомъ представлялось краше, милѣе и ярче, озаренное изнутри животворящимъ свѣтомъ молодости. Природа, окружавшая меня въ ту пору, не поражала ни яркостью красокъ, ни прелестью гармоніи, ни роскошью флоры, ни разнообразіемъ ландшафтовъ: это была незатѣйливая, даже бѣдная природа нѣкоторыхъ мѣстностей Малороссіи, озаренная лѣтнимъ солнцемъ. Отъ времени до времени, по пути попадалась плохенькая корчма, съ пучкомъ ковыли на воротахъ, съ ветхозавѣтнымъ колодцемъ — журавлемъ, скрипѣвшимъ при поднятіи ведра; бѣлоголовые дѣтишки у порога и баба-

работница въ плахтѣ, съ коромысломъ на плечѣ, любопытно глядѣвшая на проходившій полкъ, широко раскрывъ каріе глаза; или деревня съ покривившимися на бокъ, но чистенькими хатами, утопавшими въ зелени вишневыхъ садовъ; или мѣстечко съ деревянными лавочками, изъ которыхъ выглядывали жиденькія фигурки мѣстныхъ евреевъ, предлагавшихъ господамъ офицерамъ свои услуги или залежалый товаръ свой. Проходили длинные обозы, за которыми шли угрюмые хохлы своей степенной, лѣнивой походкой, не выпуская изо рта коротенькой трубочки, люльки своей, и сквозь зубы понукая воловъ неизмѣннымъ: цобъ-цобе. Все, какъ видите, пейзажики невеселые, неприглядные; а въ ту пору моей юности какъ радостно оглядывала я эту окружающую бѣдноту и скудость съ высоты моего дамскаго сѣдла, не думая вникать въ глубокіе тайники обыденной жизни, и задавать себѣ мудреные вопросы. Теперь, когда уже молодость далеко отошла отъ меня – я далеко отъ отчизны моей! я живу въ Неаполѣ, окруженная всею роскошью природы, всѣмъ великолѣпіемъ юга, всѣми богатствами искусства. Среди разнообразія живописныхъ ландшафтовъ, одеждъ и лицъ, среди художественнаго сочетанія гармоніи и звуковъ, среди пѣсенъ и картинъ и статуй, среди пальмъ и олеандръ и апельсиновъ; но мой внутренній міръ, эта дорогая картина былого времени—поблекъ, померкъ и частью стушевался, подавленный обрамляющей его природой, красящей его; блистательно хороша природа, но не даетъ она мнѣ ничего, кромѣ горькихъ воспоминаній и гнетущаго сознанія собственнаго ничтожества. Тогда, въ юности, была бѣдна рамка, но неоцѣненно внутреннее содержаніе, теперь—дорога рамка, но бѣдна и ничтожна картина внутренняго содержанія. Семьдесятъ верстъ похода прошли незамѣтно, какъ въ сказкѣ; мы оглянуться не успѣли; какъ уже прибыли на мѣсто: это была бѣдная казачья деревушка, съ хатами, такъ сказать, вросшими въ землю; ни садовъ, ни зелени, веселящей глаза; голь и нищета такъ и бросилась въ глаза.

Сойдя съ лошади и подобравъ шлейфъ амазонки, я присѣла на заваленкѣ хаты, продолжая неконченный дорогой разговоръ и смѣясь искренно, сердечно, моимъ неудержимымъ, звонкимъ смѣхомъ, о которомъ, въ дни моего дѣтства, говорила одна старая крестьянка нашего села: какой у тебя смѣшокъ славный, Николавна!—И этотъ же самый *смѣшокъ* тѣшилъ мою мать въ тяжелыя минуты ея жизни и

моихъ сестеръ въ минуты веселаго увлеченія, и не одну близкую особу на одрѣ болѣзни. Онъ привлекъ ко мнѣ не одно сердце „Этотъ смѣхъ я узнаю изъ тысячи!"—говорилъ одинъ старый другъ мой. Мой смѣхъ и мнѣ самой кружилъ голову, онъ опьянялъ меня какъ вино, унося далеко отъ скверной дѣйствительности и отвлекая отъ мрачныхъ мыслей. Мой смѣхъ, убаюкивая мои тревоги и сомнѣнія, усыплялъ тоску, веселилъ и успокаивалъ меня. И когда я смѣялась, какъ будто что-то внутри меня щекотало и подстрекало меня, я смѣялась сквозь слезы въ минуты жгучей физической боли или нестерпимой нравственной муки, и странно, что для всѣхъ окружающихъ мой смѣхъ звучалъ всегда искренне, потому что я никогда не рисовалась имъ, не ломалась, не позировала: просто не могла не смѣяться, какъ иной не можетъ не плакать; я смѣялась, какъ поетъ соловей, не внемля бурѣ и непогодѣ, не чувствуя неволи, и забывалась въ смѣхѣ, какъ соловей въ пѣснѣ.

Солнце уже совсѣмъ зашло, а я все сидѣла на заваленкѣ и шутила, и спорила, увлекая всѣхъ въ этотъ мой нескончаемый разговоръ, не давая ни опомниться, ни задуматься. Всѣ искренне раздѣляли мое веселое расположеніе духа и оживились моей живостью, не придавая значенія ничему другому. Но вдругъ, въ разгарѣ оживленія, я почувствовала жгучую боль въ лицѣ, и всѣ разомъ, какъ бы опомнясь вмѣстѣ со мной, обратили вниманіе на мое лицо, которое оказалось обожженнымъ лучами солнца съ одной стороны. Во время похода, съ разгара, я не подумала опустить вуаль, который и развѣвался все время по вѣтру, за спиною, не защищая меня, такъ что впродолженіе всего 70-ти верстнаго перехода я оставалась съ открытой физіономіей. Нельзя сказать, чтобы я заботилась о своей наружности!

Тогда мы, всей компаніей, вошли въ хату, отведенную для квартиры мужу; въ первой ея половинѣ умудрились устроить гостиную, съ помощью привезенной въ обозѣ мебели и ковровъ, которыми *обшили* стѣны, полъ и отчасти потолокъ. Тутъ же стояло пьянино, никогда не покидавшее меня. На другой половинѣ хаты, черезъ сѣни, суетились двѣ горничныя мои, изъ крѣпостныхъ, раскладывая вещи и приводя въ порядокъ спальню. Я приходила въ ребяческій восторгъ отъ всѣхъ этихъ нововведеній, не думая проводить параллели между крошечной, наскоро отдѣланной изъ низкой хаты комнаты и богатымъ, просторнымъ домомъ моихъ родителей, который я недавно покинула.

Между тѣмъ боль въ лицѣ давала себя чувствовать все болѣе и болѣе; пришлось разослать людей за добываніемъ какихъ-нибудь домашнихъ средствъ, наиболѣе дѣйствительныхъ. На первомъ планѣ стояла любимая моя простокваша. Къ общему ужасу оказалось что здѣсь, по бѣдности, коровъ употребляютъ и для сохи, а по возвращеніи съ поля ихъ доятъ. Ужъ какая тутъ простокваша, когда и молоко въ рѣдкость! Но вѣсть о постигшей меня невзгодѣ быстро облетѣла полкъ, да и самъ начальникъ дивизіи былъ у меня и во очію убѣдился. Мы еще толковали объ инцидентѣ съ моимъ лицемъ и смѣялись надъ деревней, гдѣ бѣдныхъ коровъ заставляютъ пахать землю, когда на порогѣ хаты выросла неожиданно фигура солдата „отъ начальника дивизіи," съ мискою простокваши въ рукахъ, любезно присланную мнѣ изъ штаба, для заживленія ранъ. О, блаженная юность! недолго думая я предложила компаніи поужинать сообща, присланнымъ отъ начальства блюдомъ, а лице, молъ, и „само" заживетъ, дастъ Богъ. Что и было исполнено съ самымъ похвальнымъ единодушіемъ.

Вечеръ еще не окончился, когда пожаловало и „начальство" въ лицѣ графа Адама Ржевусскаго. Кто не зналъ графа Ржевусскаго? всегда веселаго, любезнаго, остроумнаго, готоваго выслушать правду не поморщась и въ свою очередь сказать правду въ самой безобидной формѣ; ловко и кстати подшутить и умно отшутиться; человѣка вполнѣ свѣтскаго и искренне добраго. Государь любилъ его какъ веселую ноту въ слишкомъ серьезномъ и неискреннемъ хорѣ царедворцевъ. Ржевусскій не былъ лукавымъ придворнымъ, ищущимъ пробраться сквозь толпу для достиженія личныхъ интересовъ и чтобы занять лучшее мѣсто у подножія престола. Онъ любилъ жизнь веселую, блестящую, беззаботную, роскошную; онъ любилъ женщинъ: хорошенькихъ — если даже онѣ были глупы; и умныхъ — если даже онѣ не были красивы; наивныхъ—если онѣ умѣли заинтересовать, словомъ всѣхъ тѣхъ, которыя могли дѣйствовать на его сердце, умъ или воображеніе. Онъ увѣрялъ, что одна женщина не можетъ обладать всѣми прелестями и качествами, не можетъ вмѣщать въ себѣ всѣхъ совершенствъ; — поэтому, говорилъ онъ, я ухаживаю всегда за нѣсколькими единовременно: въ одной—я люблю красоту, въ другой—умъ, въ третьей—глупость, или, какъ принято говорить, наивность (по моему женщина должна быть немного глупа; при миленькомъ личикѣ это—прелесть!), и изъ всѣхъ трехъ я составляю себѣ идеалъ, которому поклоняюсь.

Но вернемся къ первому вечеру послѣ похода. За какіе нибудь полчаса Ржевусскій спѣлъ нѣсколько романсовъ, разсказалъ съ полдюжины анекдотовъ и сталъ наконецъ убѣждать меня сдѣлать визитъ княгинѣ Долгорукой въ Тепловкѣ, отъ которой мы были въ 12-ти верстахъ. „Куда мнѣ визиты дѣлать съ такой физіономіей?“ замѣтила я жалобно — А вотъ я вамъ посовѣтую что-нибудь взамѣнъ уничтоженной простокваши! — и Ржевусскій сталъ сообщать наилучшія средства для врачеванія лица моего. Наконецъ, графъ уѣхалъ въ штабъ, офицеры разошлись по квартирамъ; отданы послѣднія приказанія и утомленный вахмистръ отпущенъ.

На слѣдующее утро не было другихъ разговоровъ какъ только о различныхъ приказахъ по дивизіи и по полку; начальники и подчиненные безпрестанно сходились для новыхъ совѣщаній и распоряженій. Только около моего піанино образовалась группа профановъ въ дѣлѣ смотра, заинтересованныхъ музыкой и бесѣдой гораздо болѣе, чѣмъ событіями дня; кто-нибудь изъ начальства, не вытерпѣвъ, примыкалъ къ этой группѣ и тогда выходили призабавные эпизоды: у порога, то и дѣло появлялась какое-нибудь должностное лицо, коммандированное изъ штаба за приказаніями или съ новыми распоряженіями отъ начальства. „Ваше-ство!“ взывалъ подчиненный; но начальство, погруженное въ море звуковъ или увлеченное бесѣдой, или вовсе не замѣчало вошедшаго, или, замѣтивъ, притворялось незамѣчающимъ; или, большею частью, не перемѣняя позы у піанино, а только повернувъ голову въ ту сторону, наскоро отдавало приказанія, видимо, чтобы отдѣлаться, на самомъ же дѣлѣ, не придавая никакого значенія своимъ собственнымъ словамъ. Случалось, что „докучный“ переспрашивалъ или почтительнѣйше просилъ объяснить. . О, тогда начальство приходило въ азартъ, прося „не приставать“, и спѣшило возобновить прерванный разговоръ. Явился и графъ Ржевусскій съ вѣчнымъ припѣвомъ о визитѣ въ Тепловку, не обращая вниманія на мою подвязанную щеку. Княгиня Долгорукая поручила, молъ, ему, графу, передать мнѣ, что въ случаѣ моего положительнаго отказа сдѣлать ей визитъ,—она, княгиня, пріѣдетъ ко мнѣ съ визитомъ. Я махнула рукой, дала слово и на слѣдующій же день, подвязанная и укутанная, я сдѣлала визитъ, которымъ, противъ ожиданія, осталась очень довольна.

По настоятельной просьбѣ княгини и двухъ дѣвочекъ дочерей ея я согласилась переѣхать въ Тепловку на все время смотра, чтобы присутствовать и при встрѣчѣ государя.

ГЛАВА XI.

Приближался желанный день; я гостила въ Тепловкѣ, помѣщаясь, по походному, на антресоляхъ, вмѣстѣ съ семьею Долгорукихъ, перебравшейся туда на время смотра. Самъ князь не показывался, проводя время неизвѣстно какъ и гдѣ, но очевидно существуя. За хозяина распоряжался управитель итальянецъ, лицо, близкое княгинѣ. Княгиня — добродушнѣйшая помѣщица — малороссіянка, не желала однако терять авторитета великосвѣтской дамы, на томъ основаніи, что она вращалась въ высшемъ обществѣ, къ которому принадлежала по мужу. Гостепріимная и простая, она подчасъ любила блеснуть связями и пустить пыль въ глаза былыми успѣхами въ салонахъ, напуская на себя важность, которая ей совсѣмъ не шла. Старшая дочь ея Катя, дѣвочка лѣтъ 14—15, не поражала красотой, не привлекала любезностью; высокая, стройная, съ миленькимъ личикомъ она, казалось, витала мысленно въ надзвѣздномъ мірѣ, не замѣчая своего, окружающаго ее. Никто не могъ бы опредѣлить, умна она или глупа, вѣрно то, что ни крупной глупости, ни мѣткаго замѣчанія никто отъ нея не слыхалъ. Она относилась, повидимому, пассивно ко всѣму внѣшнему; мнѣ казалось тогда, что она жила исключительно своимъ собственнымъ внутреннимъ міромъ, всецѣло поглащавшимъ ее. Но я ошиблась .. Я-бы назвала ее незначительной, если бы къ ней не подходилъ избитый эпитетъ *интересной*, все говорящій, ничего не опредѣляя.

Меньшая сестра ея Маша, 11—12-ти лѣтъ, представляла собою вполнѣ опредѣленную, ясно говорящую личность; совершенно непохожа на Катю, которую, впрочемъ она искренне любила. Пока старшая сестра по цѣлымъ часамъ просиживала въ безмолвномъ созерцаніи какого-то внутренняго идеала, граціозно развалясь на диванѣ, Маша юлила и болтала между большими, подсаживаясь къ бесѣдующимъ, вслушиваясь въ ихъ рѣчи и не теряя случая вставить свое мѣткое словцо или оригинальное замѣчаніе, которое, обыкновенно, графъ Ржевусскій подхватывалъ на лету, какъ мячъ,

возвращая его дѣвочкѣ съ ѣдкой шуточкой; причемъ Маша сердито топала ножкой или, просто, по-дѣтски, „ударялась въ слезы“. Особенно нравилось ей, когда Ржевускій, въ собравшемся около него кружкѣ, разсказывалъ что-нибудь страшное: Маша вертѣлась на стулѣ съ наслажденіемъ пожимаясь, точно у нея по спинѣ пробѣгали мурашки, и все ближе и ближе двигалась со стуломъ къ кому-нибудь изъ старшихъ. По ея умному личику быстро пробѣгали разнообразныя впечатлѣнія, видно было, что у этой дѣвочки и умъ работаетъ и сердце живѣе бьется. Катя, напротивъ того, никогда не вмѣшивалась въ бесѣды окружающихъ, безмолвная, сосредоточенная, какъ-бы чуждая всему, она, по видимому, не интересовалась никѣмъ и ничѣмъ, кромѣ своего внутренняго міра; никогда не болтала и не смѣялась отъ души, не волновалась, не сердилась, не спорила. Мнѣ казалось, что изъ Кати выйдетъ красавица, а Маша останется всегда тѣмъ же minois chiffonné, но будетъ нравиться.

Чѣмъ ближе подходило время къ царскому пріѣзду, тѣмъ оживленнѣе становилось во дворцѣ (какъ всѣ называли домъ Долгоруковыхъ); домашнія бесѣды, задушевныя и веселыя, замѣнялись однимъ общимъ дѣломъ, *заниманіемъ* гостей-сосѣдей, то и дѣло пріѣзжавшихъ съ визитами, въ надеждѣ на приглашеніе погостить во дворцѣ, втереться въ домашній кружокъ княгини, пококетничать съ графомъ Ржевускимъ, графомъ Крейцомъ, другими интересными личностями, принадлежавшими къ дивизіи и помѣщавшимися во дворцѣ. Но княгиня принимала всѣхъ одинаково радушно, но никого не приглашала гостить къ себѣ, такъ какъ во дворцѣ положительно не было угла свободнаго.

Въ назначенный день, съ самаго утра, начался разгонъ курьеровъ. Первый прискакавшій объявилъ, что государь прибудетъ въ 9 часовъ вечера. Затѣмъ, каждый новый курьеръ привозилъ новое распоряженіе или отмѣну прежняго; суета во дворцѣ была необычайная. Пріѣхали нѣкоторые свитскіе или тѣ, которымъ государь далъ аудіенцію въ Тепловкѣ; другіе, изъ поспѣшившихъ пріѣхать заранѣе, должны были, по службѣ, представиться государю. Въ числѣ послѣднихъ былъ съ двумя сыновьями генералъ Граббе, одинъ изъ крупныхъ Кавказскихъ героевъ, очень старый уже. Это былъ типъ генерала стараго времени, типъ, о которомъ не имѣютъ никакого понятія на западѣ Европы, гдѣ составили себѣ представленіе о русскомъ генералѣ, какъ о рубакѣ, непремѣнно грубомъ и неотесанномъ, со взъеро-

шенными на головѣ волосами и торчащими усами. Генералъ Граббе, какъ и баронъ Врангель, командовавшій корпусомъ, были крайне мягки въ обращеніи, изысканно любезны, свѣтски образованы, изящны манерами, и въ цѣломъ напоминали пресловутыхъ французскихъ маркизовъ, съ тою разницей, что ни тотъ, ни другой изъ русскихъ генераловъ не говорилъ дамамъ милыхъ пошлостей, а обращались почтительно.

Старшій сынъ Граббе, красивый молодой брюнетъ, былъ, сверхъ того, интересною личностью, нѣкоторымъ образомъ, героемъ: онъ, бывшій въ дѣлѣ вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ, везъ теперь государю извѣстіе о взятіи Шамиля. Братъ его, не уступавшій ему въ отвагѣ, былъ юный блондинъ, застѣнчивый и скромный, какъ дѣвушка, и вовсе незамѣтный въ обществѣ. Оба они молодые, брюнетъ и блондинъ, рядомъ съ отцомъ старикомъ, совершенно сѣдымъ и еще красивымъ, составляли прелестную семейную группу. За обѣдомъ, въ этотъ день, старикъ Граббе заинтересовалъ все общество разсказами о Кавказѣ и о Шамилѣ; сюжетъ былъ занимателенъ самъ по себѣ, но манера разсказывавшаго украшала его вдвойнѣ. Ржевусскій, какъ всегда, поддерживалъ общее веселое настроеніе, смягчая серьезность политическихъ подробностей какими нибудь анекдотами à propos d'un détail; княгиня, чтобы не отстать, расказывала объ одномъ придворномъ балѣ въ Парижѣ, на которомъ она танцовала съ императоромъ Наполеономъ. Слушая ее, мы всѣ были увѣрены, что пріемы великихъ міра и обращеніе съ ними вещь привычная для такой придворной дамы и свѣтской женщины: что значитъ для нея принять у себя въ домѣ *одною*, да еще своего, послѣ того какъ ей приходилось принимать за просто многихъ и притомъ чужихъ? Но, когда послѣ обѣда, начали съѣзжаться значительнѣйшія лица изъ свиты, передовые государя—я уловила въ княгинѣ очевидные симптомы внутренняго волненія и признаки того, что придворная дама трусила. Она поднялась съ покойнаго кресла, на которомъ члены ея отдыхали послѣ сытнаго обѣда, и подойдя ко мнѣ, торопливо шепнула: ужъ вы ихъ займите всѣхъ, пожалуйста, этихъ свитскихъ! вы умѣете... а я пойду къ себѣ принять ванну и приготовиться къ вечеру.—Я, разумѣется, охотно согласилась взять на себя роль хозяйки, принимала и занимала всѣхъ придворныхъ, бесѣда съ которыми была для меня привычнымъ и пріятнымъ развлеченіемъ, которому я не придавала ни важности, ни значенія. Поговоривъ съ Граббе старикомъ и съ Врангелемъ, съ гра-

фомъ Крейцомъ и княземъ Долгорукимъ, военнымъ министромъ, я предложила старшему Граббе, брюнету, съиграть что-нибудь на рояли. Онъ не заставилъ себя просить и, не ломаясь, мастерски исполнилъ нѣсколько модныхъ пьесъ; потомъ онъ попросилъ меня съиграть. Затѣмъ мы играли въ 4 руки. Отъ рояля меня отозвали, чтобы встрѣчать новоприбывшихъ гостей, въ числѣ которыхъ былъ и шефъ жандармовъ; бесѣда стала общею и была такъ искренно оживлена и просто игрива, что мы и не замѣтили, какъ наступилъ вечеръ. Можетъ быть, будь я на самомъ дѣлѣ хозяйкой дома здѣсь, я не исполнила бы моей роли такъ удачно, какъ теперь, когда я только *играла въ хозяйку*.

Суета ежемитутно увеличивалась; прислуга хлопотала и металась во всѣ стороны, не зная, кого слушать; курьеры, одинъ за другимъ, прибывали изъ города. Оставалось немного времени до часа, назначеннаго государемъ для пріѣзда въ Тепловку; а въ паркѣ, окружавшемъ дворецъ, начали зажигать плошки, и толпы народа, все умножаясь, тѣсно обступили дворецъ. Управляющій торопливо отдавалъ приказанія, которыя прислуга также торопливо исполняла. Въ гостинную, гдѣ я сидѣла съ гостями, вдругъ, совсѣмъ неожиданно, вошла хозяйка-княгиня, раздушенная, сіяющая брилліантами, въ шелку и кружевахъ, напыщенно торжественная, совсѣмъ праздничная. Появленіе ея обдало насъ холодомъ, всѣ встали ей навстрѣчу, неловко заговаривая о чемъ попало, лишь бы что нибудь сказать, о туалетѣ ея, о часѣ прибытія государя, а на самомъ дѣлѣ ощущая нѣкоторую растерянность, какъ это случается при внезапномъ вторженіи посторонняго лица въ сплотившійся кружокъ людей, уже понимающихъ другъ друга и, такъ сказать, спѣвшихся; всѣ перестаютъ говорить, недоумѣвая, продолжать разговоръ въ прежнемъ тонѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, оставивъ новоприбывшаго оріентироваться или начать бесѣду снова, собственно для него? Прежде всего я, шутя, предложила хозяйкѣ вступить въ свои права и сказала, что мнѣ также нужно переодѣться. Обѣ княжны вышли за мною, подъ предлогомъ сообщить мнѣ наединѣ что-то важное. Впрочемъ, Маша не вытерпѣла и тутъ-же, идя по лѣстницѣ, сообщила мнѣ шепотомъ, что она ужасъ какъ влюблена въ графа Крейца старшаго, командира драгунскаго полка нашей дивизіи. Катя молча пришла къ себѣ, спрося мимоходомъ, можетъ-ли она прійти ко мнѣ послѣ, когда я буду одна?

Вернувшись въ гостиную немного спустя, я замѣтила, что всѣ частные разговоры прекратилися, кружки разстроились, волненіе охватило весь домъ, со всѣми его обитателями; всѣхъ объяло жуткое ощущеніе ожиданія чего то важнаго, не будничнаго. Всѣ говорили разомъ, не слушая другъ друга, спрашивали—не ожидая отвѣта, лишь-бы не молчать, не бездѣйствовать и чѣмъ нибудь заглушить тревогу ожиданія. О, какъ хорошо помню я все, что чувствовалось тогда! пусть не смѣются надо мною, когда я скажу, что ощущеніе это было праздничное, дивное, почти трогательное: вотъ-вотъ польются слезы изъ глазъ или выскочитъ сердце изъ груди. Я была тогда совсѣмъ молода, воспитана въ духѣ отцовъ моихъ, который не былъ духомъ отрицанія; я признавала все, и вѣрила и чтила, и для меня слова: помазанникъ Божій—не были пустыми словами. Никогда, до того, не приходилось мнѣ видѣть вблизи государя; очень естественно, что я ожидала этой минуты съ дѣтскимъ и радостнымъ волненіемъ. Всѣ домашніе и вновь прибывшіе, даже отчасти прислуга (а князь хозяинъ все не показывался!) собрались внизу, на парадномъ крыльцѣ, къ которому долженъ былъ подъѣхать экипажъ государя. Княгиня, единственная изъ всѣхъ разряженная, стояла впереди, съ хлѣбомъ и солью въ рукахъ; за нею—я, двѣ дочери ея, гувернантка-нѣмка, русская няня, старуха изъ крѣпостныхъ и многіе другіе. Постоянно подъѣзжавшіе экипажи волновали собравшихся встрѣчать любимаго монарха, но много ихъ отъѣхало, высадивъ еще курьеровъ, свитскихъ и др. пока наконецъ подлетѣла желанная коляска, изъ которой вышелъ государь, привѣтствуемый единодушнымъ, оглушительнымъ „ура!“ собравшагося народа.

„Батюшка ты нашъ!“ возопила за спиной у меня старуха-няня. Наконецъ!—сорвалось и у меня слово, выразившее нетерпѣніе, мучившее меня до этой минуты.

Александръ II-й былъ въ сѣрой шинели и бѣлой фуражкѣ; на добромъ лицѣ его была замѣтна дорожная усталость, похожая на задумчивость. Первое, ничѣмъ не подкупленное впечатлѣніе мое, при взглядѣ на государя, было, во-первыхъ, то, что онъ еще очень интересенъ, а во-вторыхъ, что ему ужасно надоѣло все: и шумныя встрѣчи, и оглушительное ура! и этикетъ, и необходимость показываться толпѣ, и что онъ охотно посидѣлъ бы дома. Выйдя изъ экипажа, государь (а за нимъ старикъ Адлербергъ) прямо подошелъ къ княгинѣ: „Вы хозяйка?“ спросилъ онъ ее чрезвычайно

мило по французски; причемъ няня, всѣмъ корпусомъ подавшаяся впередъ, чтобы не проронить „ни единаго словечка“ — жалобно вздохнула, шепнувъ: „ишь ты, не по нашему сказалъ!“ А княгиня? эта придворная, великосвѣтская барыня, пережившая столько оффиціальныхъ пріемовъ—при этомъ простомъ вопросѣ государя, совершенно растерялась, сдѣлала неловкій книксъ и трепеща вымолвила: „oui, monseigneur“, забывъ, что государю говорятъ „sire“. При этомъ неудачномъ отвѣтѣ, ничего не обѣщавшемъ впереди, августѣйшему гостю оставалось одно, принять блюдо съ хлѣбомъ-солью изъ трепетныхъ рукъ хозяйки и передать его кому-то изъ близъ стоявшихъ. Затѣмъ, обведя присутствующихъ кроткимъ, грустнымъ взглядомъ, государь сдѣлалъ общій поклонъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ въ отведенный ему бельэтажъ. За государемъ послѣдовалъ его любимый щенокъ изъ породы водолазовъ, и тѣсной гурьбой двинулась свита. Государь былъ уже на верху лѣстницы, поднимаясь въ виду всѣхъ насъ, глядѣвшихъ ему во слѣдъ, когда, откуда ни возьмись, вбѣгаетъ князь-хозяинъ, растрепанный, запыхавшійся: гдѣ государь? — А вотъ онъ! — смѣясь отвѣчала я, указывая на удалявшуюся фигуру въ сѣрой шинели, отчетливо выдѣлявшуюся на фонѣ блестящихъ мундировъ окружавшей его свиты. Князь схватился за голову, съ воплемъ: зачѣмъ же меня не разбудили? — оказалось, что онъ проспалъ государя! „Ахъ, если бы я была на мѣстѣ maman, я бы никогда не оробѣла передъ государемъ!“ волновалась маленькая Маша. Всѣ разошлись по комнатамъ. Няня съ восторгомъ повторяла всѣмъ и каждому, что „довелось таки увидѣть наше красное солнышко, батюшку царя! Шутка сказать: вѣдь тутъ вотъ стоялъ, и такъ то ласково глянулъ на всѣхъ, и меня старухи не миновалъ, поклонился!“ Нѣмка Отилія была точно парализована пережитымъ только что волненіемъ; она плотно укуталась въ платокъ и по временамъ, словно въ бреду, сообщала что-нибудь изъ видѣннаго и слышаннаго при недавней встрѣчѣ. Всѣ говорили о личныхъ впечатлѣніяхъ, кто былъ веселъ, кто растроганъ, а кого и на сонъ клонило. Одна Катя не принимала участія въ общей бесѣдѣ: она сидѣла безмолвная и неподвижная, прижавшись въ уголъ дивана и кутаясь въ дорогую бархатную мантилью съ материнскаго плеча. Но прежде, чѣмъ уйти къ себѣ въ комнату, она, съ моего согласія, вошла ко мнѣ въ комнату и флегматически, точно заученный урокъ, призналась мнѣ, что она влюблена въ графа Крейца стар-

шаго. „Какъ, и вы также?“ удивилась я: „вѣдь и Маша влюблена въ него“?—Чтожъ? мнѣ все равно! пусть и она любитъ его, — отвѣчала она съ обычной флегмой. Поговоривъ еще немного, мы нѣжно простились и я провела Катю въ комнату, гдѣ спали обѣ сестры. Надъ каждою кроватью висѣлъ портретъ графа Крейца.

На другой день былъ назначенъ смотръ дивизіи. Государь прислалъ сказать княгинѣ, что послѣ смотра онъ самъ зайдетъ къ ней; о чемъ она задыхаясь отъ волненія, пришла сказать мнѣ. „Смотрите же, княгиня, не прозѣвайте!“ шутя сказала я ей, и затѣмъ сошла внизъ на парадное крыльцо, выходившее въ паркъ, чтобы погулять немного до смотра. Пока я, въ ожиданіи дѣвочекъ, прохаживалась взадъ и впередъ по перрону, гляжу — прямо передо мной государь, вышедшій, вѣроятно, подышать воздухомъ, въ ожиданіи экипажа. Вышло такъ, что мы встрѣтились лицомъ къ лицу и нѣсколько секундъ глядѣли другъ другу въ глаза, не произнеся ни слова и не двигаясь, т. е. я не преминула сдѣлать глубокій реверансъ монарху и затѣмъ уже подняла глаза на него. Я находила неприличнымъ заговорить первой; опустить же глазъ ни за что не хотѣла, мнѣ казалось это постыдной трусостью. Государь глядѣлъ на меня въ упоръ, тѣмъ же задумчивымъ, ласковымъ взглядомъ, который поражалъ меня вчера: такъ глядятъ серьезные взрослые люди на беззаботно играющее дитя или на того, кто встрѣтится случайно по пути, удивитъ, но не разсердитъ, не нарушитъ хода мыслей. Александръ II-й глядѣлъ на мое молодое, улыбающееся лицо, и, можетъ быть, ему пріятно было видѣть передъ собою существо, взирающее на него просто, какъ на человѣка и не объятаго вѣрноподданическимъ страхомъ. Наконецъ онъ улыбнулся и только собирался говорить, когда на перронъ вошла княгиня, съ глубокими и усиленными книксами. Государь любезно обратился къ ней, пожалъ руку и ждалъ, чтобы она заговорила о главномъ, о финансовыхъ дѣлахъ своихъ, которыя были крайне разстроены; это было извѣстно государю, и онъ, по безконечной добротѣ своей, выбралъ Тепловку, чтобы произвести смотръ 3-й дивизіи, собственно для доставленія Долгорукимъ удобнаго случая на досугѣ изложить свою просьбу. Но сконфузившаяся княгиня молча дѣлала реверансы.

„Я поручилъ передать вамъ княгиня, что послѣ смотра буду у васъ“ любезно сказалъ государь по французски. Княгиня и на этотъ разъ повторила свой безмолвный ка-

невръ; помолчалъ и государь, обводя глазами густолиственный паркъ. Затѣмъ, онъ обратился снова съ вопросомъ къ оторопѣвшей дамѣ: „не сынъ ли вашъ въ кавалергардахъ служитъ?"—Oui, sire,—отвѣчала княгиня сквозь зубы и разговоръ на этомъ и кончился. Пришелъ графъ Адлербергъ съ докладомъ, что экипажъ поданъ и настало время ѣхать на смотръ. Государь еще разъ подтвердилъ княгинѣ обѣщаніе зайти къ ней, подалъ ей руку, поклонился мнѣ и уѣхалъ вмѣстѣ съ графомъ Адлербергомъ. Что же сдѣлала княгиня? Экипажъ государя еще не скрылся изъ виду, какъ и она велѣла подавать лошадей и поѣхала на смотръ. Я ничего этого не знала, такъ какъ, лично заинтересованная исходомъ смотра, я поѣхала на плацъ въ своемъ экипажѣ, со своими полковыми дамами.

По окончаніи смотра, которому благопріятствовала прекрасная погода, я не торопилась домой и оставалась тамъ, въ открытой коляскѣ, окруженная подъѣхавшими офицерами, около экипажей другихъ дамъ нашего полка. Наконецъ все кончилось, государь, въ мундирѣ нашего (уланскаго) полка, объѣхалъ дивизію, съ барономъ Врангелемъ и графомъ Ржевусскимъ по сторонамъ, и остался доволенъ всѣмъ и всѣми. Садясь въ экипажъ, онъ пригласилъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ на плацу начальниковъ къ обѣду. Все это, не въ дальномъ разстояніи, мы видѣли и слышали, радовались успѣху нашего полка, не заботясь объ остальномъ. Такъ шло время незамѣтно, въ разговорахъ и толкахъ. По возвращеніи въ Тепловку, я прошла прямо въ свою комнату, и только что стала переодѣваться, какъ дверь съ шумомъ распахнулась и въ комнату мою буквально влетѣла княгиня, задыхаясь, чуть не плача и съ трудомъ выговаривая: „ah mon Dieu, chère, si vous saviez ce qui m'arrive" и проч. Вотъ что случилось: вмѣсто того, чтобы покойно и терпѣливо ожидать государя дома, княгиня, какъ я уже сказала, отправилась съ дочерьми на смотръ и оставалась тамъ почти до конца; вернувшись къ себѣ она, en grande tenue, пошла въ свою комнату ожидать государя; но узнавъ, что государь, тотчасъ послѣ смотра, также вернулся домой и не зашелъ прямо къ ней, она почему-то сообразила, что, онъ раздумалъ посѣтить ее; вслѣдствіе чего она разоблачилась, оставшись въ полномъ déshabillé, не пышномъ, но за то вполнѣ домашнемъ. Не успѣла она успокоиться въ своемъ блаженномъ состояніи far niente, какъ кто-то постучалъ въ дверь и затѣмъ высунулась почтенная голова барона Врангеля, возвѣщав-

шаго о слѣдовавшемъ за нимъ государѣ. „Представьте себѣ мой ужасъ! государь, дорогой гость, не побоялся взобраться на третій этажъ и стоялъ у порога моего, а я—я въ ночной кофтѣ и юбкѣ! каково мое положеніе?“ Но разговаривать было поздно, *надо* было принять, и княгиня успѣла юркнуть за ширму, чтобы, по возможности, привести въ порядокъ туалетъ, когда вошелъ государь въ сопровожденіи Врангеля. По счастью, тутъ были обѣ княжны и государь обратился прямо къ Машѣ съ вопросомъ, была ли она на смотру?

— „Была, ваше величество“, отвѣчала Маша бойко и весело.

— Что-же васъ собственно влекло туда? — любопытствовалъ государь. „Особа вашего величества,“ продолжала Маша безъ запинки, смѣло глядя государю въ глаза. При этомъ Врангель сдѣлалъ комическую мину и шутя погрозилъ Машѣ пальцемъ, отчего дѣвочка вспыхнула какъ жаръ.— Il y a du louche, a ce qu'il parait,—замѣтилъ государь, впадая въ шуточный тонъ разговора.—Il y a le comte Kreitz,—продолжалъ Врангель допекать Машу. „Ah, est-ce vrai?“ спросилъ государь, улыбаясь глядя на дѣвочку.—„Oui, sire, un peu pour le comte Kreitz, mais beaucoup pour V. Maj.“ совсѣмъ оправившись и серіозно отвѣтила Маша. Благодаря этому шутливому вступленію, завязался разговоръ о смотрѣ, о погодѣ, обо всемъ, кромѣ главнаго для семьи Долгорукихъ дѣла, хотя вскорѣ вышла изъ-за ширмы сама пріодѣвшаяся хозяйка. Всѣ эти подробности узнала я отъ Маши и отъ барона Врангеля. Послѣ обѣда уѣхалъ государь, оставивъ во мнѣ неизгладимое воспоминаніе объ этомъ смотрѣ, со всѣми мельчайшими подробностями.

Вскорѣ послѣ отъѣзда государя, отъ неизвѣстныхъ причинъ сгорѣлъ Тепловскій дворецъ; обѣ дѣвочки приняты на казенный счетъ въ одинъ изъ столичныхъ институтовъ. Вмѣстѣ съ домомъ сгорѣло и прошлое княжны Кати, съ его невысказанными мечтами, невыясненными идеалами и дѣтскими сентиментами и иллюзіями. На прощанье обѣ сестры испросили у графа Крейца на память по одной пуговицѣ съ его мундира. Тѣмъ и покончился ребяческій романъ двухъ сестеръ. Я очень дружески простилась съ княгиней; мы уже не встрѣчались больше.

ГЛАВА XII.

Изъ Полтавской губ., гдѣ намъ такъ хорошо жилось среди добрыхъ малороссовъ, нашъ полкъ перевели въ Херсонскую губ., которая для меня не представляла никакого интереса съ безконечными степями, покрытыми тогда невылазными снѣгами; и нечѣмъ было бы мнѣ помянуть ее, кромѣ постоянныхъ недуговъ моихъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій, если бы не связывались съ нею воспоминанія объ одномъ изъ важныхъ для меня событій, а именно о женитьбѣ beau-frère'а моего Николая. Онъ, по прежнему, жилъ съ нами. По прошествіи года послѣ смерти Юліи, и въ особенности, съ перемѣною мѣста онъ сталъ понемногу свыкаться съ утратой своей, стряхнулъ съ себя непривычную задумчивость и, по старому, сталъ порхать съ цвѣтка на цвѣтокъ, гонясь за новою любовью, мечтая снова о женитьбѣ. Меня уже не радовала эта погоня за будущей невѣсткой; я искренно любила Юлію, сродниласъ душою съ цѣлой семьею ея и мнѣ грустно было вообразить другую на ея мѣстѣ. Но Николай продолжалъ добиваться моего сочувствія къ новому выбору его, я ничего не хотѣла слушать, когда въ одинъ прекрасный день, братъ таинственно сообщилъ мнѣ, что его выборъ сдѣланъ, что ему ужасно хотѣлось бы познакомить меня съ его суженой, которая, „хотя и не такая славненькая какъ Юлія а все-же и она... славненькая!" Какъ я ни отбивалась, а этотъ наивный аргументъ моего добраго брата разсмѣшилъ меня и я сдалась. Въ первое же воскресенье я поѣхала съ нимъ въ деревню къ двумъ молоденькимъ сестрамъ помѣщицамъ, круглымъ сиротамъ, изъ которыхъ младшая, Лиза, остановила на себѣ вниманіе моего любвеобильнаго Николая. Противъ ожиданія, мнѣ все понравилось: и порядочность барышень и строгая обстановка ихъ. Я не скрыла отъ брата благопріятнаго впечатлѣнія, вынесеннаго мною изъ этой семьи (при барышняхъ жила старушка тетка). Мы провели у нихъ цѣлый день, и тогда же рѣшена была участь брата: онъ объяснился съ Лизой, сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ согласіе. Вскорости они обвѣнчались. Я близко сошлась съ невѣсткой, которая была и умна и образована. Такимъ образомъ сбылися давнія мечты Николая.

Въ Херсонской губ., мы не пробыли и года; оттуда полкъ перевели въ Подольскую губ. Первое время наши обѣ семьи

жили въ деревнѣ, на разныхъ квартирахъ, но все-таки вмѣстѣ; здѣсь родился у нихъ первый сынъ, названный въ честь меня Александромъ. Много перечувствовала я въ этотъ періодъ моей жизни, семейныхъ тревогъ и радостей, вмѣстѣ съ невѣсткой готовясь къ появленію на свѣтъ ея перваго ребенка и затѣмъ присутствуя при его рожденіи. Мы обѣ были молоды и одинаково неопытны; желая ухаживать за ребенкомъ мы иногда не знали какъ взяться за дѣло и съ чего начать. Но вскорѣ нашъ эскадронъ вызванъ былъ въ штабъ полка, квартировавшаго въ г. Винницѣ, который, какъ извѣстно, отличается красивою мѣстностью, по берегамъ Буга; но, въ ту пору, отличался еще своею особенною, необыкновенною грязью, покрывавшею одну часть города, особенно послѣ дождей, сплошною массой, липкой, шевелящейся на подобіе киселя, жидкости, черезъ которую было почти невозможно перейти въ бродъ. Часто, ради шутки, а порой и по необходимости, офицеры нанимали за злотъ жидка, который охотно переправлялъ ихъ черезъ улицу на спинѣ своей.

Въ городѣ мы заняли прекрасную квартиру: это былъ большой казенный домъ, въ которомъ широко размѣстились обѣ семьи наши. Изъ оконъ видѣнъ былъ Бугъ, роскошно извивавшійся между красивыми берегами, сѣро-скалистыми или ярко зеленѣющими, куда мы часто ходили гулять. Во время прогулокъ мы часто наталкивались на легенды, чрезвычайно интересовавшія меня. Напр.: на большомъ плоскомъ камнѣ на берегу рѣки, видны были слѣды, какъ бы пролитаго молока, и дыра, будто отъ вонзеннаго въ камень острія; намъ дали слѣдующее объясненіе: Георгій побѣдоносецъ гнался за вѣдьмой, несшей украденное коровье молоко; настигнувъ вѣдьму, онъ пронзилъ ее копьемъ своимъ, котораго слѣдъ, вмѣстѣ съ пролитымъ, замѣтенъ теперь на камнѣ. Нѣчто подобное этой легендѣ пришлось мнѣ, впослѣдствіи, услышать за границей: въ Миланѣ 24 апрѣля празднуется память св. Георгія, „рыцаря весны, умертвившаго дракона, который, въ образѣ грозъ и бурь, бичевалъ поля". Тамъ въ этотъ день празднуютъ свой праздникъ торговцы и продавщицы молока, которымъ св. Георгій въ особенности оказалъ услугу, потому что, не будь его меча, то драконъ продолжалъ бы опустошать поля; не было бы пастбищъ, не было бы и молока.

И съ переѣздомъ въ городъ не измѣнился нашъ образъ жизни; мы съ Лизой держали себя нѣсколько въ сторонѣ

отъ остальнаго полковаго общества. Жизнь наша была исключительно семейная; мы вмѣстѣ занимались женскими рукодѣльями, музыкой и Сашей, котораго брали съ собою и на прогулки. Кромѣ общества офицеровъ, бывали у насъ нѣкоторые изъ окрестныхъ помѣщиковъ-поляковъ, которыхъ однакоже не жаловала Лиза, спѣша удалиться на свою половину, каждый разъ какъ какой-нибудь панъ появился на порогѣ моей гостиной. Она была неправа, потому что всѣ, бывавшіе у меня поляки, были и образованы и жили въ обществѣ, оживляя его и всегда избѣгая касаться политики.

Въ нашей однообразной жизни это были самые пріятные посѣтители; но Лизу ничто не могло примирить съ тѣми, кого она считала врагами Россіи и русскихъ. Я же не задумывалась надъ этимъ.

Время было, если не военное, то приготовительное къ тому. Въ полку, отдѣльными кучками, офицеры толковали о секретныхъ предписаніяхъ, полученныхъ въ штабѣ; а знакомые поляки, съ затаенной горечью или со смѣхомъ, разсказывали мнѣ и мужу о мелкихъ прижимкахъ или крупныхъ притѣсненіяхъ, которымъ они подвергались со стороны мѣстныхъ властей. Особенно со становыми не ладили поляки. Одинъ изъ мѣстныхъ польскихъ магнатовъ, весельчакъ и острякъ, разсказывалъ мнѣ по этому поводу объ имянинномъ завтракѣ по сосѣдству: „Знаете, у насъ не бываетъ имяниннаго пирога, а просто сервируется хорошій déjeuner à la fourchette. Пріѣзжаю — всѣ наши въ сборѣ, и графъ N., и панъ B., и панъ M., и разумѣется, въ числѣ гостей торчитъ фигура неизбѣжнаго становаго, присутствующаго обязательно, такъ сказать, по долгу службы, на всѣхъ нашихъ празднествахъ. Не радъ ему хозяинъ, не рады и гости, да дѣлать нечего: должностное лицо, нѣкоторымъ образомъ представитель власти! Любезный хозяинъ суетится около стола, усердно угощаетъ гостей никого не минуя: „Cher comte, vous qui êtes carnivore mangez donc de ceci“ обращается онъ къ графу N, подавая ему блюдо съ мясомъ, et vous autres, herbivores, goûtez moi de ça: c'est tout ce que je puis vous offrir en fait de légumes“, продолжаетъ онъ подчивать другихъ зеленью. Затѣмъ, самымъ любезнымъ тономъ обращается къ становому, не понимающему по французски, трепля его по плечу: „А вы, милѣйшій, какъ чисто воръ, кушайте то, что вамъ по вкусу.“ —Что же на это становой? „Ничего! ухмыльнулся только и говоритъ: вы, графъ, все шутить изволите“.

Подольская губернія чрезвычайно нравилась мнѣ живописнымъ мѣстоположеніемъ, изобиліемъ прекрасныхъ фруктовъ и роскошью садовъ; ѣдешь, бывало, лѣсами, какихъ уже нѣтъ теперь, и съ любопытствомъ слушаешь разсказы про облавы на волковъ и дикихъ кабановъ, или нескончаемыя воспоминанія о зарытыхъ кладахъ. То мужикъ, вспахивая поле, наткнулся на боченокъ съ золотомъ или ларецъ съ деньгами и драгоцѣнностями, то баба, копая въ огородѣ, отрыла старинныя золотыя серьги, и т. д. Всѣ говорили объ этомъ, многіе давали указанія, гдѣ найти кладъ. Разгорѣлись наши головы, задумали и мы попытать счастья. Стали распрашивать подробнѣе и намъ указали на одно мѣсто, на днѣ оврага, гдѣ когда-то былъ зарытъ кладъ; оврагъ былъ въ самой чащѣ лѣса. И вотъ собрались мы всѣ, съ офицерами и юнкерами эскадрона, съ деньщиками и кучерами, вооруженными лопатами, заступами, ломами. Разумѣется, для подобной экспедиціи мы выбрали ночное время, взяли фонари, и дождавшись полночи, когда все кругомъ улеглось, веселою толпою, полные таинственныхъ ожиданій, отправились въ лѣсъ, крадучись и озираясь по сторонамъ и перешептываясь между собою. Наконецъ добрались до цѣли общихъ надеждъ и мечтаній, принялись за дѣло (конечно, деньщики и кучера), рыли, рыли, чуть не вплоть до разсвѣта, но ровно ни до чего не дорылись, ни на какой предметъ особеннаго свойства не наткнулись. А было весело, какъ вообще бываетъ весело въ хорошей компаніи, въ необычной обстановкѣ, притомъ еще съ фантастической подкладкой. Только на слѣдующій день, одинъ изъ юнкеровъ вспомнилъ, что потерялъ калошу на мѣстѣ нашихъ поисковъ, побѣжалъ туда, нашелъ калошу а между тѣмъ полюбопытствовалъ и въ яму заглянуть, вырытую ночью. Юнкеръ пресерьезно увѣрялъ, что по его примѣтамъ, кто-то копалъ еще эту яму послѣ насъ, и будто бы на днѣ ея видны были слѣды кованаго сундука. Но мы отнесли это къ легендарнымъ сказаніямъ о кладахъ и отъ души посмѣялись надъ его иллюзіей.

Среди несомнѣнныхъ красотъ природы, изобилія плодовъ земныхъ и множества птицъ и рыбъ, среди прелестнѣйшихъ ландшафтовъ и благорастворенія воздуховъ - темнымъ пятномъ выступала безвыходная голь и бѣднота несчастнаго хлопа (польскаго мужика), гнувшагося подъ бичемъ своего пана. Трудно повѣрить подавленности простого народа въ здѣшнемъ краѣ, въ шестидесятыхъ годахъ, послѣ обнаро-

дованія „воли“ во всей Россіи. Жалокъ и бѣденъ казался мнѣ народъ въ Полтавской губ., но это было далеко не-то, что было тогда въ Подольской губ., тамъ, я жалѣла, здѣсь — возмущалась. Хохолъ былъ обиженъ и придавленъ своимъ паномъ; онъ грустно клонилъ голову, въ печальномъ сознаніи своей безпомощности и, безропотно творилъ волю своего господина, вздыхая, охая, но все-таки живя и чувствуя и сознательно относясь къ своему положенію, хотя и не имѣя силы выбиться изъ него. Бывали, однако, случаи когда хохлы энергично протестовали. Здѣшній же хлопъ, не только обиженъ и придавленъ, но еще убитъ нравственно и обезличенъ; онъ, православный, говорилъ и молился по польски, вовсе не понимая и не сознавая своего униженія. Хлопъ глядитъ въ глаза своему пану, не съ скорбнымъ выраженіемъ забитаго хохла, а съ гримасливою улыбкой виноватаго пса, подобострастно, какъ бы виляя хвостомъ, или, по чиновничьи, заискивая, вымаливаетъ взоромъ панской ласки. Напримѣръ, ѣдемъ мы какъ-то, я, мужъ и братъ, каждый на конѣ, прогуливаясь по окрестнымъ полямъ; проходятъ хлопы; мы ожидали, что они поклонятся намъ и пройдутъ своей дорогой. Но они подходятъ прямо къ намъ, такъ что даже лошади наши шарахнулись въ сторону, и — о ужасъ! — прикладываются къ стременамъ мужа и брата и къ подолу моей амазонки! — „Стыдись!“ — не утерпѣвъ крикнула я, вспыхнувъ: — „что ты дѣлаешь?“ — Бѣдняга поднялъ на меня недоумѣвающій взоръ и я снова увидѣла на его лицѣ ту ужасную собачью улыбку, подмѣченную мною раньше и всегда глубоко возмущавшую меня.

Хохлы, хотя не сразу, пускались иногда съ нами въ бесѣды о своей лихой долѣ, о бѣдственномъ положеніи, о непосильной работѣ; подчасъ взоры ихъ разгорались: изъ скорбно мрачныхъ они становились бодрыми духомъ бойцами, готовыми вступить въ битву, лишь бы стряхнуть ярмо, лишь бы спины не гнуть; они, правда, пугливо озирались, исподлобья, не слышатъ ли ихъ, зная по опыту, что за такія смѣлыя рѣчи ихъ по головкѣ не погладятъ. И гнулись, гнулись, только потому, что еще исхода не нашли; а если-бы... эти-же забитые, подавленные, обезличенные хлопы, не умѣли даже говорить связно и не знали, на кого и за что имъ жаловаться?

Какъ я уже сказала, въ воздухѣ пахло войной или сборами къ ней; возбужденіе чувствовалось и видѣлось во всемъ. Простой народъ дѣлился на партіи: польскихъ хлоповъ и

малороссійскихъ крестьянъ хохловъ. Въ полку ожидали внезапныхъ нападеній, противъ которыхъ принимались различныя мѣры предосторожности; но настоящаго, пока, ничего еще не было. Однажды, уже поздно вечеромъ, прибѣгаютъ къ намъ жидки съ криками: „ваше высокоблагородіе! поляки рѣжутъ и жгутъ“—Кого? гдѣ? „Нашихъ, русскихъ на широкой греблѣ!“ Гребля, т.-е. плотина, болѣе или менѣе широкая, была тутъ-же, при въѣздѣ въ городъ. Не шутка, значитъ! и поднялась тревога. Мужъ мой и братъ, уже уснувшіе, вскочили, наскоро одѣлись и пошли по конюшнямъ, велѣть сѣдлать лошадей и дѣлать распоряженія на случай серьезнаго нападенія. Въ домѣ у насъ оставались только женщины и дѣти, грудной Саша и маленькая Карольця, дочь горничной моей Маріи, жившая при ней вмѣстѣ съ матерью старухой, я, Лиза и нашъ казачекъ Ѳедька. Наскоро одѣвшись, но ничуть не волнуясь, я прежде всего побѣжала на половину Лизы и застала-то, чего ожидала: моя энергичная невѣстка, живая и впечатлительная, слишкомъ легко поддавалась первому порыву; она съ нервной поспѣшностью складывала вещи, всѣ, какъ попало, не выпуская изъ рукъ полусоннаго ребенка; по щекамъ ея струились слезы. „Вотъ твои прекрасные поляки!“ встрѣтила она меня цѣлымъ потокомъ гнѣвныхъ словъ, еще тороплывѣе складывая и снова разбрасывая вещи. Я отъ души расхохоталась. „Нечего смѣяться!“ вспылила Лиза: „есть чему радоваться! нападутъ на насъ, а намъ и уйти некуда“.—Въ подвальный этажъ уйдемъ! тамъ, говорятъ, цѣлыя залы подъ нашимъ домомъ; я давно собираюсь побывать тамъ.—„Очень любопытно! удивляюсь я тебѣ: вѣдь и складъ оружія тамъ, не забудь, пожалуйста, вѣдь и объ этомъ говорятъ. Почему мы знаемъ, что *ихъ* тамъ нѣтъ въ засадѣ и что *они* (т. е. поляки) не намѣрены взорвать весь домъ съ его обитателями?“ Эти описанія Лизы не имѣли ничего преувеличеннаго; мы много наслышались о подземныхъ ходахъ подъ Винницей, а ненависть къ намъ поляковъ и желаніе ихъ напакостить русскимъ были слишкомъ хорошо извѣстны всѣмъ; но почему-то, въ тѣ минуты общаго волненія, я одна не ощущала ни малѣйшаго страха; напротивъ, какой-то особенный подъемъ духа чувствовала я: меня такъ и подмывало, такъ и подхватывало, и рвалась я куда-то, чтобы въ глаза взглянуть чему-то, не то опасности, не то подвигу; страшно хотѣлось мнѣ испытать опьяненіе идущаго на бой. Странно сказать, но мнѣ тогда

чрезвычайно весело, точно сознаніе чего-то, не зауряднаго, не будничнаго одушевляло меня и я чувствовала себя въ своей сферѣ именно тогда, когда кругомъ была неурядица? Словомъ, я дышала полной грудью, чувствуя приливъ какихъ-то новыхъ вѣяній; еще ничего не случилось, но по всему моему существу словно живая струя разлилась.

Мнѣ было душно въ домѣ, и я пошла бродить по большимъ, полутемнымъ, пустыннымъ комнатамъ нашей квартиры. Была святая недѣля; всѣ эти дни, и прислуга наша и солдаты продолжали праздновать Пасху и весь день наканунѣ было много пьяныхъ на улицахъ и по домамъ, и этого-то больше всего опасались мужъ мой и братъ, отправляясь по конюшнямъ розыскивать людей. Вдругъ почудился мнѣ не то крикъ, не то вопль; спѣшу по направленію, къ людской комнатѣ и застаю тамъ мою Марію съ матерью, ломающихъ руки и взывающихъ о помощи къ Маткѣ Бозкѣ. Ихъ-то плачъ и рыданіе слышала я издалека. „О, пани моя, пропали мы, бѣдныя!" встрѣтили онѣ меня отчаяннымъ воплемъ. Я стала ихъ успокаивать, доказывая, что никакой серьезной опасности не предвидится, а что если бы и было чего бояться—то насъ съумѣли-бы оградитъ отъ опасности. Затѣмъ, уложивъ въ постель проснувшуюся и испуганную Карольку, я пошла освѣжиться на большой подъѣздъ. Было прохладно и совсѣмъ темно; ни звѣдочки на небѣ, ни огонька на землѣ; черныя тучи тяжелой массой нависли надъ городомъ; только прямо передо-мною, впереди, на горизонтѣ, небо было залито широкимъ заревомъ пожара. „Рѣжутъ, жгутъ", припомнилось мнѣ. Въ эту минуту мимо меня проскакала осѣдланная лошадь безъ сѣдока; солдатъ пробѣжалъ въ догонку за нею, и не замѣтивъ меня въ темнотѣ ругнулъ кого-то. Еще и еще солдаты, кто на конѣ мчится, кто самъ куда-то бѣжитъ. Вотъ и эскадронъ собрался: мужъ отдаетъ приказанія, которыя Николай и другіе субалтернъ офицеры громко передаютъ по эскадрону; наконецъ, всѣ ускакали и я осталась одна на большомъ подъѣздѣ. Но я не уходила; мнѣ было холодно, а я все-таки стояла на томъже мѣстѣ, прислушиваясь къ удалявшемуся эскадрону и вглядываясь въ ночную темь. „Идите спать, барыня, а мы караулить будемъ," весело и ласково сказалъ мнѣ 10 лѣтній Ѳедя, изъ нашихъ крѣпостныхъ.—Ты-то караулить будешь, а я спать? Нѣтъ ужъ, я спать не буду, ихъ дождусь.—я указала въ сторону, куда ушелъ эскадронъ и потомъ, когда уже не стало слышно ни звука, ни топота кругомъ,

я ушла къ Лизѣ, наплакавшейся, измученной страхомъ и ожиданіемъ, но не спавшей.

Мы долго разговаривали то о своихъ дѣлахъ, то о Сашѣ, баюкая его. Наконецъ и наши вернулись; вошелъ Николай. „А вы еще не спите? давайте же ужинать, я усталъ и голоденъ.“ — Да разскажи же намъ, что такое случилось? — „Ровно ничего; жиды отъ страха не разобрали и перепутали. Въ 15 верстахъ отсюда есть деревня Широкая Гребля; тамъ, на улицѣ, собралась молодежь, и наши, русскіе — и поляки; дѣло праздничное, всѣ вмѣстѣ гуляли, пѣли и плясали; одинъ изъ хлоповъ началъ ухаживать за нашей хохлушечкой дѣвушкой; братъ или женихъ ея осерчалъ и вышла драка, даже до крови. Тогда кто-то крикнулъ кому-то: скачи въ городъ, нашихъ обижаютъ! — посланный отъ себя добавилъ: рѣжутъ! а тутъ гдѣ-то по близу пожаръ случился, такъ ужъ кстати добавилось само собою: и жгутъ! — значитъ поляки подожгли. А теперь — спать пора.“

Послѣ этого, шуткой окончившагося вечера, не разъ повторялась по вечерамъ тревога, но уже имѣвшая болѣе вѣскія основанія. Праздники, со всѣми ихъ проводами, давно миновали; пьяныхъ не было видно, не слышно. Вдругъ, полку велѣно выступать въ Варшаву; а такъ какъ всѣмъ извѣстно, что происходило въ Варшавѣ въ началѣ 60-хъ годовъ — то я нахожу излишнимъ распространяться здѣсь объ этихъ событіяхъ. Семьи военныхъ, по распоряженію высшаго начальства, должны были временно уѣхать изъ полка. Уѣхала и я.

ГЛАВА XIII.

И вотъ я снова въ Вознесенскомъ. Казалось-бы, такъ недавно была я здѣсь; а какія огромныя перемѣны произошли у насъ съ тѣхъ поръ! словно и воздухъ не тотъ сталъ, чѣмъ я дышала прежде. Да, вотъ именно воздухъ не тотъ, не прежній нашъ, давно знакомый; повѣяло волей и взошла новая заря. Для многихъ эта новая заря обновившейся Россіи была темною грозовою тучей, пугавшей помѣщиковъ, у которыхъ новые порядки отняли старую власть и привычные доходы. У насъ-же въ имѣніи не произошло ничего особеннаго; и когда отецъ мой сталъ объяснять крестьянамъ ихъ новыя права — нѣкоторые загалдѣли въ отвѣтъ: зачѣмъ намъ,

батюшка, измѣнять старые порядки? вы наши отцы, мы ваши дѣти, и т. п. Прикатилъ мировой посредникъ, молодой, либеральный гвардеецъ; растолковалъ мужикамъ новыя ихъ отношенія къ помѣщику; всенародно прочелъ имъ Положеніе. Какъ и вездѣ, не сразу поняли мужики „волю", отъ которой, очевидно, они ожидали большаго чего-то.

Ввели Уставную Граммату и затѣмъ порѣшили между собой полюбовно, отецъ съ бывшими крѣпостными своими, что „все прочее останется по старому: коли ежели что кому понадобилось, пусть въ контору придетъ и заявитъ о нуждѣ своей, лѣску-ли на постройку, хворосту-ли на топливо, или чего другого. Чѣмъ могу-пособлю", дружески закончилъ отецъ свою рѣчь, и мужички, повопивъ неоднократно „благодаримъ покорно, батюшка Николай Прокофьевичъ," —весело разошлись по домамъ.

Но на первую-же Пасху вышелъ разладъ, ужасно огорчившій отца и возбудившій въ немъ сильное негодованіе противъ „меньшого брата". Во время Великаго Поста какая-то эпидемія опустошила весь господскій птичникъ, такъ что къ святой приходилось покупать яйца, чего старики не запомнятъ. И рѣшили у насъ, отецъ съ матерью, затаивъ эту первую, горькую обиду, послать на село къ богатымъ мужикамъ, *попросить* у нихъ яицъ къ празднику! Но вновь освобожденные, временно обязанные крестьяне, вѣроятно, по просту, желая покуражиться передъ господами, своими новыми правами, или по наущенію, отвѣчали посланному, что теперь, молъ, не-тѣ времена, что бы господамъ „уважать",—и яицъ не дали. Когда этотъ отвѣтъ передали отцу, онъ чуть не заплакалъ отъ досады и отъ боли; но за яйцами къ празднику послали въ городъ, на базаръ: и эта обида была горше первой.

Въ первый день Пасхи, по изстари заведенному порядку, вошедшему въ обычай,—въ рединѣ двора, передъ домомъ, накрывались длинные столы для угощенія крестьянъ, приходившихъ христосоваться, и вся прислуга изъ господскаго дома должна была прислуживать обѣдающимъ. Отецъ зналъ всѣхъ мужиковъ по голосу и любилъ, въ такіе дни, балагурить съ нѣкоторыми, изъ наиболѣе извѣстныхъ ему. Ничто не было измѣнено и на этотъ разъ; столы, покрытые чистыми скатертями, ожидали обычныхъ гостей. Наконецъ отошла поздняя обѣдня, пришелъ священникъ, поздоровался съ хозяевами и благословилъ яства и питія. Затѣмъ стали подходить христосоваться, съ одной стороны мужики

къ отцу, съ другой—нѣкоторыя бабы къ матери, отецъ по старому, христосовался со всѣми, называя нѣкоторыхъ по именамъ и на степенное: Христосъ воскресе! радушно, отвѣчалъ каждому, подставляя щеку: Воистину воскресъ. Но когда первый изъ подошедшихъ къ нему мужичковъ, также по старому, полѣзъ было за пазуху и доставъ оттуда крашеное яйцо, поднесъ его барину со словами: съ праздникомъ, батюшка!—отецъ не выдержалъ и отвѣчалъ громко, чтобы всѣ слышали: нѣтъ, ужъ, братцы, спасибо! не нужно мнѣ вашихъ яичекъ теперь, коли въ нуждѣ отказались дать. Приберегите ихъ для себя, а я ни отъ кого не возьму.— Вслѣдствіе этого перваго недоразумѣнія, отецъ отдалъ приказъ конторѣ, чтобы по всѣмъ лѣсамъ были поставлены лѣсничіе и чтобы безъ вѣдома конторы или особаго ярлыка, никому изъ лѣса ничего не отпускать.

Въ числѣ разныхъ перемѣнъ, происшедшихъ у насъ послѣ 19-го Февраля, важнѣйшею для насъ, молодыхъ, была слѣдующая: нашъ оркестръ былъ распущенъ; отецъ не захотѣлъ возиться съ вольнонаемными музыкантами, какъ онъ возился съ крѣпостными своими. Каппельмейстера разсчитали, музыкантамъ подарили инструменты, на которыхъ они играли, и отставили ихъ на разныхъ должностяхъ въ домѣ, но уже съ назначеніемъ имъ жалованья. Одного произвели въ каммердинеры, другого сдѣлали истопникомъ, третьяго помощникомъ буфетчика и т. д. Но не долго оставались по мѣстамъ бывшіе музыканты: контробасъ, человѣкъ пожилой и вовсе безталанный, пожелалъ заниматься на сторонѣ коммерціей. Съ этою цѣлью онъ перебрался въ Обоянь, сдѣлался кабатчикомъ, скупалъ разный хламъ и даже ворованныя вещи; подъ конецъ онъ спился и промотался. Первая скрипка, еще молодой и очень талантливый, ходилъ вначалѣ играть по вечеринкамъ и свадьбамъ богатыхъ крестьянъ, которые, не скупясь, подносили ему вина за хорошую игру. Это повело къ тому, что и скрипачъ запилъ и даже продалъ скрипку свою. Такъ, или почти такъ, покончили свою карьеру всѣ артисты нашего оркестра. Въ господскомъ домѣ стало тише; поубыло паразитовъ, прибыло заботъ. На всѣхъ отразилось вѣяніе новой эпохи, даже дѣти почуяли, что времена перемѣнились. Одинъ семилѣтній мальчуганъ изъ дворовыхъ, набѣдокуривъ, видно, черезъ край, подвергся было обычному наказанію: мать схватила его за ухо, чтобы потрепать маленько. Но мальчуганъ, совершенно неожиданно, вознегодовалъ, вырвался изъ ма-

теринскихъ рукъ и съ сознаніемъ собственнаго достоинства замѣтилъ: „не, матушка, нонѣ не тѣ времена ужъ, чтобы драть...“ При такой чудной выходкѣ своего птенца, мать только руками развела и съ благоразумной философіей сказала на это: „щенокъ еще совсѣмъ, а какое сказалъ! видно и взаправду времена теперь не такія настали...“

Мнѣ, родившейся и выросшей среди крѣпостнаго люда нашего села и любившей его какъ нѣчто свое, родное, не довелось пережить съ нимъ всѣхъ перипетій новаго періода. Много разсказано мнѣ разныхъ эпизодовъ изъ этой эпохи: и какъ велико было разочарованіе простаковъ крестьянъ, ожидавшихъ, что съ наступленіемъ „воли“ господамъ велѣно будетъ уступать свое мѣсто бывшимъ слугамъ и идти въ неволю вмѣсто нихъ; и какъ серьезно возмущались окрестные простаки помѣщики нелѣпыми, а подчасъ забавными выходками крестьянъ, не желая допускать, что мужики, какъ дѣти, захотѣли получить сразу все, обѣщанное имъ, не разбирая, насколько оно возможно или исполнимо: воля—такъ воля, чтобы была настоящая, неограниченная и совсѣмъ безъ господъ. Нашлись при этомъ охотники ловить рыбу въ мутной водѣ, подстрекатели, благодѣтели простого народа; и изъ всего этого вышло одно общее, громадное недоразумѣніе: мужикъ поплатился своей бѣдной шкурой, а бывшій помѣщикъ также ничего не выигралъ.

Я нашла, что отецъ съ матерью почти что не измѣнились; они, по старому, были всегда вмѣстѣ, читали, гуляли, ѣздили по полямъ; но теперь уже помогали имъ дочери, уже окончившіе свои занятія съ Авдотьей Сергѣевной, продолжая однакоже заниматься самостоятельно. Вѣра занималась въ новооткрытой (въ одномъ изъ флигелей) сельской школѣ; дѣтишки охотно приходили обучаться къ своей барышнѣ. Лиза вышла замужъ за землемѣра и продолжала жить тутъ-же, вмѣстѣ съ мужемъ, въ одномъ изъ бывшихъ гостиныхъ флигелей. Добрая, тихая, нѣжная, Лиза всѣхъ любила; но, выйдя замужъ, она исключительно посвятила себя мужу, окруживъ его нѣжною заботливостью и полюбивъ все-то, что нравилось дорогому Платошѣ. Изящная, нѣжная, слабенькая, она часто забѣгала въ кухню, чтобы собственноручно приготовить ему любимое блюдо; вязала для него носки, фуфайки, даже бѣлье научилась шить, жадно хватаясь за все, что могло порадовать любимаго мужа. Она напоминала добрѣйшую Ксенію Захарьевну, только — отшлифованную. Какое это было доброе, милое, хотя и совер-

шенно слабое, безотвѣтное созданье! Какъ я любила мою кроткую, тихую, ласковую сестру Лизу!

Авдотья Сергѣевна нѣсколько постарѣла (ей было около 50-ти лѣтъ) и она начала уже носить нѣчто въ родѣ чепца. Послѣ долгихъ лѣтъ, проведенныхъ въ занятіяхъ со всѣми нами, онъ теперь отдыхала на лаврахъ, пользуясь въ нашемъ домѣ неограниченными правами стараго друга. Другая на ея мѣстѣ не подумала-бы покидать стараго гнѣзда, насиженнаго и теплаго. Но ей не сидѣлось, видно отъ непривычнаго бездѣлья, скучала старуха. Уже давно мучилась она желаніемъ „проѣздиться", т. е. побывать въ Москвѣ и въ Петербургѣ, а отчасти для того, чтобы „освѣжиться", перемѣнить образъ жизни и т. п. „Куда вамъ думать о путешествіяхъ!" по старому дразнилъ ее отецъ: „вы и дома-то никакъ не подберете себѣ подходящаго угла или горничной по вкусу, хотя у насъ и мѣста много и прислуги достаточно. А вѣдь тамъ, въ большомъ, незнакомомъ городѣ, трудненько вамъ покажется безъ того да сего, къ чему вы здѣсь попривыкли таки..." Но упрямая Авдотья Сергѣевна и слышать не хотѣла противорѣчивыхъ доводовъ, она горячилась и доказывала, что эта поѣздка необходима, что наконецъ ей этого хочется. И она уѣхала въ Москву. Но вскорѣ поняла она, насколько отецъ былъ правъ, и горько сожалѣя о потраченныхъ деньгахъ, разочарованная и сконфуженная, она вернулась домой, послѣ отлучки, продолжавшейся нѣсколько недѣль. Однако, всѣми было замѣчено, что послѣ неудачной поѣздки своей, Авдотья Сергѣевна измѣнилась къ лучшему: стала снисходительнѣе къ прислугѣ, менѣе требовательной вообще и какъ-то притихла.

А что сталось съ братомъ Колей, нашимъ общимъ любимцемъ? Онъ поступилъ въ полкъ и уже офицеръ. А Константинъ? Окончивъ курсъ въ университетѣ (на медицинскомъ факультетѣ) онъ ѣздилъ за-границу, гдѣ и написалъ диссертацію. Теперь онъ, по желанію отца, живетъ въ деревнѣ, пріучается или, вѣрнѣе, присматривается къ хозяйству; занимаетъ должность мироваго судьи и камера его у него, во флигелѣ. Но съ отцомъ онъ во многомъ не сходится, хотя не высказывается категорически, чтобы избѣжать ни къ чему не ведущихъ столкновеній. По моему, Константинъ былъ крайне консервативенъ, но изъ кожи лѣзъ, чтобы изобразить изъ себя крайняго либерала, и либеральничалъ изо всей мочи, не упуская случая. Особенно памятенъ мнѣ одинъ случай, очень огорчившій его, но насъ

всѣхъ разсмѣшившій своимъ комичнымъ финаломъ. Въ числѣ прочихъ совѣтовъ сыну, отецъ мой неоднократно давалъ ему одинъ совѣтъ, отчасти въ формѣ просьбы, а именно: не измѣнять изстари заведеннаго порядка, не принимать у себя дома становаго пристава какъ гостя, а сноситься съ нимъ черезъ контору, куда, въ случаѣ надобности, обыкновенно подъѣзжали эти, никому не милые члены уѣздной полиціи. Немилость отца къ становымъ была вполнѣ основательна, такъ какъ не разъ мужики прибѣгали подъ защиту помѣщика отъ жестокихъ притѣсненій этихъ господъ. Въ особенности мучили становые крестьянъ каждый разъ какъ на межѣ, или, что еще хуже, на селѣ „объявлялось" мертвое тѣло. Иногда дѣло было ясное: шла зимою баба изъ села на хуторъ, застигнутая мятелью забилась въ снѣжный сугробъ и заснула; такъ нѣтъ, становой знать не хочетъ этого, никакимъ доказательствамъ не внемлетъ, никакихъ свидѣтелей не слушаетъ; онъ видитъ фактъ мертваго тѣла и во что-бы-то ни стало хочетъ воспользоваться имъ. Иногда цѣлую недѣлю онъ держитъ въ станѣ своемъ мужиковъ, отрывая ихъ отъ дѣла въ самую горячую пору полевыхъ работъ и отпуская оправданными только въ случаѣ хорошей „благодарности". Все это и еще многое другое зналъ отецъ и никогда не вступалъ въ разговоръ со становыми иначе какъ только по дѣлу, или если требовалось распечь ихъ и припугнуть губернаторомъ. Но либералъ-сынъ находилъ несовременными такіе взгляды отца консерватора на становыхъ и, не стѣсняясь, сталъ принимать у себя во флигелѣ вновь назначеннаго становаго, щеголявшаго современными и либеральными идеями, любившаго блеснуть литературнымъ языкомъ и, при случаѣ, побесѣдовать за рюмкой хорошаго вина, отчего и братъ былъ не прочь. Константинъ, съ перваго же раза обошелся со становымъ по пріятельски, сошелся съ нимъ въ нѣкоторыхъ идеяхъ и, между прочимъ, угощая его тонкими ужинами и еще болѣе тонкими винами изъ отцовскаго погреба, пріятно проводилъ время и имѣлъ возможность пустить въ ходъ свое краснорѣчіе, которымъ щеголялъ. Однажды, становой засидѣлся у брата долѣе обыкновеннаго; много было высказано высокихъ идей, а еще больше выпито прекраснаго вина. Было уже далеко за полночь, и братъ уговаривалъ современнаго становаго переночевать у него, тѣмъ болѣе, что и ночь была темна, но, противъ обыкновенія, становой отказался. На слѣдующій день, проснувшись, братъ былъ непріятно по-

раженъ докладомъ каммердинера о пропажѣ его любимаго щенка, притомъ очень дорогого. Братъ, бывшій тогда мировымъ судьей, немедленно отправилъ въ станъ гонца къ своему новому пріятелю, съ убѣдительной просьбой розыскать его дорогого любимца. Отвѣтъ пришелъ самый любезный, написанный литературнымъ слогомъ и чуть ли не на раздушенной бумажкѣ, извѣщавшій, что приняты всѣ мѣры для розысканія щенка и что есть надежда на успѣхъ. Но проходили дни, а собака не возвращалась. Однажды кто то, пріѣхавшій изъ сосѣдняго уѣзда, сообщилъ, что собака существуетъ въ томъ уѣздѣ у того то. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ тотъ самый вечеръ, когда происходилъ столь пріятный обмѣнъ мыслей между либеральнымъ бариномъ и современнымъ становымъ, понятые этого же становаго, по его же приказанію и указанію, въ условленный часъ похитили бѣднаго пса, дремавшаго въ передней и, сунувъ его въ мѣшокъ, перевезли въ сосѣдній уѣздъ. Это обстоятельство нѣсколько поколебало благія намѣренія брата приблизить къ себѣ становыхъ вообще и за живое задѣло его: разочароваться такъ горько хотя бы въ становомъ—чрезвычайно обидно для каждаго порядочнаго человѣка. За то отецъ отъ души посмѣялся и въ душѣ торжествовалъ.

Не смысля ничего въ полевомъ хозяйствѣ и не любя его, Константинъ продолжалъ либеральничать гдѣ могъ, подчасъ проповѣдуя въ пустынѣ; но это его не смущало, такъ какъ онъ любилъ, прежде всего, музыку собственныхъ рѣчей, гладкихъ и красивыхъ, темою же онъ не затруднялся. Такъ вздумалъ онъ проводить какія-то идеальныя идеи равенства, между своими крестьянами; но мужики только почесывали затылки, вздыхали и мысленно проводили параллель между старымъ и молодымъ бариномъ: „старикъ, по крайности, понятное говоритъ; иной разъ прикрикнетъ, а то и толконетъ тебя.... да безъ этого нельзя съ нашимъ братомъ. За то и отцомъ завсегда почитаешь его, и поклонишься, и попросишь. А молодой баринъ мудренъ больно: иной разъ и по нашему гуторитъ, да чтой-то въ толкъ не возьмешь.“

Напримѣръ: придетъ Константину фантазія собрать на свою половину молодежь изъ дворовыхъ, кузнецовъ, столяровъ, садовниковъ, конюховъ и т. д, попроситъ ихъ садиться на мягкой мебели и заведетъ съ ними, въ видѣ поученія, пріятную бесѣду, пересыпаемую забавными, остроумными анекдотами; сначала публика стѣсняется,

конфузится, потомъ мало-по-малу увлекается хорошими рѣчами, хохочетъ, слушая веселые разсказы, и ждетъ, чѣмъ это все кончится. Но кончалось ничѣмъ, т. е. тѣмъ же, чѣмъ началось: пріятными разговорами. Удовлетворивъ своей потребности порисоваться своимъ краснорѣчіемъ, братъ объявлялъ засѣданіе закрытымъ, любезно провожалъ гостей до порога, пожимая руку каждому изъ нихъ; что окончательно приводитъ публику въ смущеніе и недоумѣніе. Гости расходились, не смѣя задать вопроса и не умѣя рѣшить собственнымъ умомъ: для какой надобности ихъ оторвали отъ дѣла, усадили какъ гостей, занимали какими-то разговорами; зачѣмъ пожимали имъ руки? Въ концѣ концовъ изъ этого ничего не вышло и собранія мастеровыхъ и дворовыхъ для пріятныхъ бесѣдъ продолжались недолго.

Такъ жила я нѣсколько мѣсяцевъ въ Вознесенскомъ, среди деревенскаго однообразія, проводя время въ обычныхъ занятіяхъ; подчасъ хворая. Какъ вдругъ получаю письмо отъ невѣстки, Лизы: она писала мнѣ, что мужъ мой, болѣвшій и при мнѣ, разбитъ теперь параличемъ и если я желаю застать его въ живыхъ, то должна поспѣшить пріѣхать. Первымъ моимъ порывомъ было ѣхать немедленно, и съ письмомъ въ рукахъ я побѣжала на верхъ къ отцу, сквозь слезы разсказала ему содержаніе письма и просила убѣдительно дать мнѣ лошадей до Харькова (тогда не было еще желѣзной дороги). Былъ февраль мѣсяцъ, погода стояла ужасная, дороги были убійственныя. Принимая во вниманіе все это, да еще многое другое, отецъ старался отклонить меня отъ поѣздки въ такую пору къ мужу „которому все равно не пособить“, заключилъ онъ. Но я заупрямилась, настаивая на необходимости ѣхать во что-бы то ни стало. Вмѣсто того, чтобы убѣдить его, мои доводы только раздражили отца, привыкшаго къ слѣпому повиновенію волѣ его. Онъ пересталъ удерживать меня и холодно сказалъ мнѣ, что сдѣлаетъ всѣ нужныя распоряженія для моего отъѣзда. Больше объ этомъ и не говорилось; всѣ отнеслись холодно къ важному для меня одной вопросу и я выѣхала изъ родительскаго дома подъ грустнымъ впечатлѣніемъ всего, перечувствованнаго за послѣдніе дни и съ горькимъ сознаніемъ незаслуженной обиды, нанесенной мнѣ самыми близкими людьми.

ГЛАВА XIV.

Съ этого времени начинается новая пора въ моей жизни. въ которой совершился переломъ, почти не иносказательно. такъ какъ переломы бываютъ обыкновенно послѣ болѣзни а у меня была болѣзнь и даже тяжкая. Пріѣхавъ въ Харьковъ полубольною и желая отдохнуть послѣ утомительной дороги, я рѣшилась пробыть здѣсь дня два; въ первый же вечеръ я почувствовала себя такъ плохо, что о продолженіи пути и думать было невозможно: открылось кровохарканье, послѣдовало воспаленіе легкихъ съ разными осложненіями, и я проболѣла цѣлыхъ 4 мѣсяца!

Въ Харьковѣ остановилась я въ домѣ одной барыни. которую издавна и горячо любила. Но здѣсь я должна нѣсколько отступить отъ дальнѣйшаго повѣствованія, чтобы упомянуть объ этомъ другѣ моей юности, помянуть добромъ прошедшее и почтить память той, которой уже нѣтъ.

Мнѣ было 16 лѣтъ, когда на горизонтѣ нашемъ, въ Курскѣ, появилась звѣзда первой величины, красавица. умница, молодая, образованная, почти ученая. Это была княгиня Волконская. Красота ея, нѣсколько суровая и мрачная, не привлекала съ перваго раза; глаза ея, большіе черные, словно проникавшіе въ душу, были словно глубокіе и мрачные. Меня она какъ бы устрашала, импонируя и поражая, и я любовалась ею издали не смѣя приблизиться къ ней. Я съ восторгомъ слушала ея блестящій, свѣтскій разговоръ, увлекавшій всѣхъ собесѣдниковъ ея, не дерзая однакоже вмѣшиваться въ него. Волконская по долгу всматривалась въ меня иногда отъискивая въ толпѣ подругъ, привлекала меня къ себѣ, чтобы поправить мнѣ бантикъ на платьѣ или прическу; а иногда просто чтобы приласкать меня. „Что это, Саша, вы точно боитесь меня?"—Вы такая умная!—отвѣчала я наивно.—„А я право люблю васъ, дѣвочка моя милая! вы и сами не подозрѣваете, какая вы хорошая!" Я краснѣла отъ удовольствія, любовалась ею—а все таки дичилась.

Не смотря на свою свѣтскость. Волконская глубоко гнушалась всякой лжи; она говорила, что не солжетъ даже для спасенія своей души. И дѣйствительно, она никогда не лгала, не лукавила, даже въ свѣтѣ, гдѣ ложь является, такъ сказать, насущною потребностью, неизбѣжною необходимостью.

Она не разъ впадала въ крайности, ставила себя въ неловкія положенія, страдала и стыдилась—но твердо и неизмѣнно держалась истины. Я и сама любила правду и это въ особенности сблизило насъ. Въ обществѣ княгини, такъ рѣзко отличавшейся отъ всѣхъ, я забывала все: все болѣе и болѣе увлекаясь ея остроуміемъ, ея обширнымъ всестороннимъ образованіемъ, я дорожила каждымъ словомъ ея и вѣрила ей слѣпо, безусловно. Я полюбила ее такъ, какъ должна была полюбить тогда: всѣми силами души, поклоняясь ей какъ кумиру, готовая пойти за нее въ огонь и въ воду и не допуская въ ней никакихъ погрѣшностей не только недостатковъ. Не разъ говорила мнѣ Волконская хмурясь: „Опять залетѣла въ облака, зафантазировала! пожалуйста не увлекайся и смотри на меня просто, какъ на порядочную женщину; а то разочаруешься и сама будешь страдать". Но я слышать не хотѣла, что она обыкновенная женщина. Пользуясь возрастающимъ своимъ вліяніемъ на меня, княгиня задумала перевоспитать меня, сознавая необходимость спасти меня и опасаясь за мою будущность. Во первыхъ, она отстранила отъ меня тѣхъ изъ сверстницъ моихъ, которыя, по ея мнѣнію, дурно вліяли на меня; во вторыхъ, заставила меня читать серьезныя книги вмѣсто чувствительныхъ романовъ, находя что и безъ того я черезъ чуръ экзальтирована и мечтательна. Часто доставалось мнѣ отъ нея за это! и я безропотно выслушивала ее, принимая каждый совѣтъ ея какъ мудрое изрѣченіе и обѣщая исправиться. Вотъ почему и до сего времени сохранилось въ памяти моей многое изъ того, что говорила мнѣ тогда Волконская: „запомни хорошенько, дитя мое, все что я говорю тебѣ, любя тебя: никогда не увлекайся женатымъ человѣкомъ и не увлекай его; нечестно и грѣшно разстраивать чужое счастье. Ты видѣла, какъ мнѣ иногда тяжело бываетъ, и сама ты не разъ плакала, глядя на меня. Тебѣ было жаль меня, такъ же и другихъ женъ пожалѣть надо". Да, я помню какъ страдала Волконская отъ легкомыслія своего мужа!

Часто говорила она мнѣ, по поводу моихъ невзгодъ, ласково осушая мои слезы: „Ты слишкомъ легко впадаешь въ уныніе, enfant de mon coeur; надо бороться, а не предаваться отчаянію. Что за вздоръ! Неужели нельзя преодолѣть себя, покориться обстоятельствамъ.... а у тебя все крайности, или бурный порывъ скорби или апатія. То ли еще въ жизни бываетъ? Если у тебя нѣтъ твердости въ

характерѣ — выработай ее; переломи себя, заставь себя быть твердой, мужественной, а не кислятиной. Человѣкъ все можетъ, если захочетъ. Полно же плакать, дитя мое, слезами ничему не поможешь. Мало ли что въ семьѣ бываетъ?... И, слушая ее, я стихала, смолкала, успокоивалась и смирялась. Волконская научила меня молиться сознательно и находить въ молитвѣ ограду и утѣшеніе.

Волконская пролила свѣтъ въ мою смятенную душу, примирила съ неповиннымъ предо мной человѣчествомъ и жизнью, начинавшею пугать меня. Кромѣ того, своимъ вліяніемъ, она спасла меня отъ разныхъ liaisons dangereuses. Впослѣдствіи, когда годы сгладили существовавшую между нами разницу лѣтъ—мы дружески сошлись; но и тогда я не перестала относиться къ Катѣ Волконской, къ этому первому кумиру моему, подчасъ съ ребяческимъ обожаніемъ.

Теперь мы можемъ вернуться къ прерванному разсказу о томъ, какъ я пріѣхала въ Харьковъ, остановилась у Кати, заболѣла и не могла ѣхать дальше. За болѣзнь мою, деньги, взятыя на дорогу, израсходовались; дѣла же Кати были тогда довольно запутаны и помочь мнѣ она не могла. Писала я домой, и о болѣзни моей, и о безвыходномъ положеніи; отвѣты получались холодные, но ни приглашенія вернуться домой, ни денегъ на жизнь до выздоровленія, или хотя бы на лѣченіе, не получалось. Точно я не-вѣсть какое преступленіе совершила или семью опозорила! Катя ухаживала за мной съ нѣжностью старшей, любящей сестры или молодой матери; мнѣ было несказанно дорого ея присутствіе, но и оно не могло разогнать тоски, навѣянной письмами изъ дому. Волконская отлично понимала, что происходило въ душѣ моей, и глубокій, мрачный взглядъ, который она устремляла на меня по временамъ, говорилъ мнѣ безъ словъ, что она горячо сочувствуетъ мнѣ и страдаетъ за мою обиду. Какъ только силы позволили мнѣ встать съ постели и ходить—я стала серьезно подумывать о выѣздѣ въ полкъ, который, между тѣмъ, уже выступилъ изъ Винницы; но гдѣ была его новая стоянка—нельзя было узнать, такъ какъ по справкамъ, наведенныхъ мною въ разныхъ канцеляріяхъ, куда я была направлена свѣдущими людьми, оказалось, что „списки за новый годъ еще не были получены.“ Что было дѣлать? Послѣ Пасхи, Катя должна была уѣхать всѣмъ домомъ къ отцу въ деревню; для меня же она позаботилась пріискать порядочную дѣвицу, кото-

рая должна была находиться при мнѣ неотлучно во все время моего пребыванія въ Харьковѣ. Все это заставило меня призадуматься; изъ полка я не получала отвѣта на мои письма къ разнымъ лицамъ; въ канцеляріяхъ все та же неизвѣстность. Я стала помышлять о работѣ, какъ о единственномъ средствѣ поправить мои обстоятельства, въ ожиданіи вѣстей изъ полка. Но за что можетъ взяться выздоравливающая, неопытная, неумѣлая, да къ тому же свѣтская женщина? Я все перебрала въ умѣ, сообразила, и въ концѣ концовъ порѣшила взять мѣсто гувернантки, пока что будетъ. Катя горячо возставала противъ этой затѣи, какъ она называла мое рѣшеніе, находя, что мнѣ бы слѣдовало еще полѣчиться немного, а не проектировать какія-то невѣроятныя предпріятія „Какая ты гувернантка? и кто тебя возьметъ?“ говорила она, горячась. Я не противорѣчила, но ждала выѣзда въ деревню моего друга, чтобы распорядится собою.

Наступила Страстная недѣля; пріѣхали изъ деревни наши мужички; зашли, по старой памяти, навѣстить „свою барышню“, потужили, покачали головами и затѣмъ разошлись по городу справлять свои дѣлишки, чтобы, покончивъ ихъ, поспѣть домой къ празднику. А обо мнѣ, больной, слабой, безпомощной, и не вспомнилъ никто изъ домашнихъ!

Непригляденъ Харьковъ въ эту пору; сырость сочится сквозь стѣны домовъ, каплетъ съ крышъ, стекаетъ съ фонарныхъ столбовъ, по стекламъ слезится и мокрымъ туманомъ стелется по грязнымъ улицамъ. Лужи стоятъ, да кое гдѣ грязный снѣгъ завалялся. Колокола тоскливо призываютъ къ молитвѣ, и словно стонутъ и жалуются. Народъ, повѣся головы, идетъ по церквамъ, спѣша на Страсти Господни, точно на отпѣваніе близкаго человѣка. Въ эти дни всякому непремѣнно припомнится что-нибудь печальное, всѣ свои скорби переберешь.... А ужъ мнѣ то какимъ печальнымъ выглядѣло все кругомъ! самая сырость какъ бы слезинками ложилась мнѣ на душу, и страстно хотѣлось мнѣ поспѣть въ церковь, на Страсти, на муку Христа... Послѣ болѣзни моей, Катя не пускала меня изъ дому одну; такъ и теперь, не имѣя возможности сопровождать меня въ церковь, она прикомандировала ко мнѣ няню маленькаго сына своего Яши, моего крестника, и, укутавъ меня какъ слѣдуетъ, отпустила въ церковь, увѣщевая скорѣе возвращаться домой. Да я бы и не выстояла до конца отъ слабости. Было уже довольно поздно, когда я вышла

изъ церкви, на улицахъ никого не было, даже не слышно было извощиковъ. Только по временамъ гудѣли колокола. Отправивъ няню за чѣмъ-то въ лавочку, я медленно пошла по тротуару, одна, съ мрачными думами своими. Не доходя до дому я остановилась на мосту и задумалась, глубоко задумалась, облокотясь о перила и углубясь взорами въ протекавшую внизу рѣку, темную, холодную, казавшуюся глубокой: (тогда еще не пересохли Харьковскія рѣки и даже могли бы поглощать желающихъ!) такъ и влекло меня туда, внизъ, въ эту темь, въ эту глубь...

Не знаю, долго ли я простояла на мосту, въ полусознательномъ состояніи полусна, забытья, или чего другого, помню только, что я такъ устала, такъ была надломлена, что мнѣ не хотѣлось идти далѣе.... Куда? Зачѣмъ? Изъ этого отупѣнья или забытья вывело меня легкое прикосновеніе чьей то руки: гляжу—около меня стоитъ сосѣдняя булочница нѣмка, такъ ласково глядитъ на меня и что то о Богѣ говоритъ; а сама, не выпуская меня изъ рукъ, тихонько направляется со мною къ нашему подъѣзду, куда она меня вводитъ, еще разъ пожавъ мнѣ руку и прося меня сейчасъ же ложиться въ „постельку".

Незамѣтно прошла тоска; Катя уѣхала, устроивъ меня наилучшимъ образомъ въ просторной своей квартирѣ, умоляя меня быть умницей до ея возвращенія и не затѣвать глупостей. Я плакала, разставаясь съ нею; но ничего не обѣщала. И вотъ я осталась вдвоемъ съ молоденькой, бѣлокуренькой, добренькой и простоватенькой Зиной, въ большомъ и пустомъ домѣ, гдѣ уже не было моей дорогой Кати, однимъ присутствіемъ своимъ наполнявшей пустоту моей жизни; не было и Яши, умненькаго и сердечнаго мальчуганчика, съ которымъ я любила возиться и который любилъ свою маму Асю не меньше своей мамы Кати. Словно ледъ обломился кругомъ и подъ мною, но я не пошла ко дну, гдѣ бы я улеглась, успокоилась, отдохнула и забылась бы: а словно въ глубь рѣки опустилась, широкой и глубокой, которая подхватила и понесла меня по теченію, волоча по песку и колотя о камни. Голова у меня была какъ въ туманѣ; но порывами находило на меня шумное веселье, и я начинала смѣяться по старому, заразительно, неудержимо. Моя сожительница Зина не отходила отъ меня, и жили мы съ нею, точно отрѣзанныя отъ всего остальнаго человѣчества или сосланныя на какой-нибудь необитаемый островъ. Зина была бѣдная, безродная сирота, жившая временно у

Кати и оставленная въ городѣ собственно для меня. Она подчасъ пугалась моего необъяснимаго смѣха почти болѣе, чѣмъ моего надрывающаго кашля; старалась какъ нибудь угомонить меня; но я не скоро унималась, когда на меня *находило* веселье, и обыкновенно кончалось тѣмъ что Зина, забывая о докторскомъ предписанiи, чтобы больная не смѣялась много—сама увлекалась и хохотала вмѣстѣ со мной до упаду.

Однакоже это не мѣшало мнѣ серьезно искать исхода изъ моего грустнаго положенiя. Но вначалѣ, поиски труда и занятiй были крайне неудачны, по молодости и неопытности моей. Я была неразборчива и нетребовательна; но то, что мнѣ представлялось иногда, бывало просто невозможно. Наконецъ я нашла мѣсто; нельзя сказать, чтобы оно было особенно подходящее или выгодно; а какъ то такъ вышло: меня приняли очень привѣтливо и даже радостно, такъ какъ я подходила подъ идеалъ наставницы для этихъ дѣтей, т. е. была „благородная" и даже извѣстной имъ семьи. Никого не испугалъ мой болѣзненный видъ, меня просили согласиться на предлагаемыя условiя и я согласилась. Семья эта была Марiи Башкирцевой, впослѣдствiе сдѣлавшейся знаменитой русской художницей.

ГЛАВА XV.

Рѣдко встрѣчала я такую солидарность между членами большой семьи - какъ тутъ: при замѣтной разницѣ характеровъ и вкусовъ, всѣ единодушно сходились въ горячей преданности и готовности служить другъ другу, выручать, защищать одинъ другого, а при случаѣ — и спасать, безъ оглядки, безъ раздумья, цѣною собственной жизни, очертя голову, если понадобится. Воротилой и главой въ семьѣ была бабка, далеко не старая но хронически больная женщина, почти красивая, полная энергiи, живая и веселая; хотя она давно и вполнѣ отрѣшилась отъ своего личнаго бытiя, всецѣло отдавшись дѣтямъ и внучатамъ, окружавшимъ ее какъ цыплята насѣдку. Для нихъ то и понадобилась я. Моя болѣзненная физiономiя вызвала общее сочувствiе и горячее желанiе помочь мнѣ. Въ глазахъ семьи, съ перваго вступленiя моего въ домъ ихъ, я была не простою гувернанкой, получающей деньги за трудъ свой, а равною

имъ барыней, помѣщичьей дочерью, извѣстнаго имъ дворянскаго рода. О томъ, что я способна сдѣлать и вообще съумѣю ли я справиться съ непривычнымъ мнѣ дѣломъ — меня никто не спросилъ. Главное мое достоинство было въ наружной порядочности и свѣтскомъ лоскѣ. Меня приняли въ семью съ распростертыми объятіями и предоставили мнѣ свободу выпутываться какъ умѣю изъ предстоящихъ затрудненій.

Послѣ всего, недавно пережитаго, я почувствовала себя точно у пристани и жизнь моя приняла иной оборотъ, новый для меня. Я горячо взялась за дѣло, вся проникшись интересною задачей воспитанія; я полюбила и дѣло, и дѣтей, и всю семью, казавшуюся мнѣ моею собственной. Силы мои стали возвращаться, я поправилась, оживилась духомъ и ожила.

Хозяинъ дома, дѣдушка, не любившій однако, чтобы его величали такъ, находя про себя, что имя дѣдушки слишкомъ старитъ его,—былъ, во время оно, большимъ деспотомъ; былъ онъ и отваженъ, потому что не убоялся похитить свою теперишнюю супругу изъ родительскаго дома. Теперь же онъ пуще всего страшился проявленія деспотической воли своей супруги и благоразумно ретировался въ свой роскошный кабинетъ, во избѣжаніе семейныхъ вопросовъ, возникавшихъ подъ предсѣдательствомъ бабушки, не признававшей никакихъ другихъ законовъ, кромѣ прихотей и желаній своихъ любимчиковъ, изъ которыхъ первыя мѣста занималъ старшій сынъ ея Жоржъ и старшая, замужняя дочь ея Марія, жившіе при ней въ родительскомъ домѣ, не смотря на протестъ главы семейства, дѣдушки, ея мужа. Жоржъ былъ богато одаренъ отъ природы, не говоря уже о счастливой наружности и всестороннемъ образованіи, онъ былъ и талантливъ, и образованъ, и уменъ, и остроуменъ и, когда хотѣлъ—очень милъ; онъ, сверхъ того имѣлъ очень доброе сердце. Необузданная любовь матери погубила его; всѣ его природныя качества были, какъ бы, исковерканы многолѣтнимъ баловствомъ; вслѣдствіе чего онъ бывалъ жестокъ, дѣлалъ пошлости и такія крупныя глупости, что и дуракъ позавидовать бы могъ. Въ 18 лѣтъ онъ до безумія влюбился въ одну 40-калѣтнюю вдову, ci devant красавицу, и не смотря на угрозы деспота-отца велѣть высѣчь розгами на конюшнѣ будущую супругу сына,—Жоржъ обвѣнчался съ нею. Прошло много лѣтъ, а отецъ не примирился съ непрошенной невѣсткой, которую онъ не хотѣлъ

принимать у себя въ домѣ. Мать же Жоржа, души не чаявшая въ немъ, тайно навѣщала его жену; а когда у него родилась первая дочь, Дина—бабка самоуправно перевезла ее къ себѣ, рѣшившись не разставаться съ этимъ первымъ дѣтищемъ своего кумира. Вскорѣ и самъ Жоржъ переселился въ родительскій домъ, естественно охладѣвъ къ своей перезрѣлой женѣ, и только изрѣдка навѣщая ее. Жизнь его была испорчена, въ перспективѣ—ничего не было, изъ всѣхъ блестящихъ надеждъ на высокое положеніе, на выдающуюся карьеру — ни одна не оправдалась: онъ, учившійся прекрасно, обѣщавшій такъ много — сталъ ничѣмъ. Ни серьезнаго дѣла, ни полезныхъ занятій у него не было; да онъ и не искалъ ихъ, привыкши думать, что все, что бы ни представилось ему, недостойно его. И онъ заскучалъ. Наша судебная хроника обогатилась скандалами, изобрѣтавшимися отъ бездѣлья фантазіей скучающаго баловня. Онъ запилъ.

Марія также недолго прожила съ мужемъ: послѣ рожденія ея второго ребенка, сына Павлуши—бабушка убѣдила дочь, что ей съ мужемъ жить нельзя; и вмѣстѣ съ двумя маленькими дѣтьми увезла Марію отъ изумленнаго мужа.

Вторая дочь, Надежда, сестра Маріи, была общая сидѣлка, общая сестра милосердія, утѣшительница и помощница. Она всѣхъ любила и жалѣла, за всѣхъ страдала, но сама ни къ кому не прибѣгала ни за совѣтомъ, ни за помощью, ни подъ чье крылышко не укрывалась, не будучи балована никогда и никѣмъ.

Жилъ еще съ родителями третій братъ Жоржа, Александръ, тогда уже 25-тилѣтній крѣпышъ, грубоватый, не элегантный, во всемъ противоположный Жоржу; чрезвычайно добрый, простой, практичный малый. На немъ лежало все полевое хозяйство и всѣ запутанныя дѣла семьи; онъ любилъ всѣхъ и горячо любилъ, но его не баловали даже простой родственной лаской. Это былъ чернорабочій, батракъ семьи, а Жоржъ — баричъ, на котораго работали. Были и другіе братья, военные и штатскіе, но они пріѣзжали только погостить у родителей.

Кромѣ членовъ семьи, были въ домѣ еще многіе, попавшіе сюда какъ-то случайно, неизвѣстно откуда и зачѣмъ: ихъ и не разспрашивали ни о чемъ, а просто принимали подъ кровъ, кормили, поили, одѣвали (въ родѣ того, какъ у дѣдушки); потомъ привыкали къ нимъ, привязывались къ нимъ какъ къ близкимъ людямъ и домочадцамъ, не спра-

шивая ихъ о прошломъ, иногда заботясь о ихъ будущемъ, облегчая ихъ настоящее и не предвидя послѣдствій слѣпого довѣрія ко всему этому люду, собранному сюда, какъ въ кучу, благодѣтельною, но не разборчивою рукою. Часто платились за это а все-таки не переставали подбирать несчастненькихъ и отогрѣвать ихъ. При мнѣ гостилъ начинающій литераторъ. Н. Потѣхинъ, сватавшійся за Надежду и, кажется, и нравившійся ей; но почему то это дѣло разстроилось. Нѣсколько дней послѣ его отъѣзда Надя ходила по дому, ухаживая за всѣми, но сама—мрачнѣе ночи. Никому не высказала она своей тревоги.

Гостила еще одна томная барышня, желавшая утѣшить скучающаго Жоржа, она, почему-то, считала себя несчастной и говорила что она „въ холодныхъ отношеніяхъ" съ семьею своею. Жоржъ вышучивалъ ее, доводилъ до слезъ, до изступленія—и не скучалъ. Этого было довольно для любящихъ родныхъ.

Главною ученицею моею была 11-ти лѣтняя дочь Жоржа Дина. Это была бѣленькая, нѣжненькая дѣвочка, кроткая и нѣсколько задумчивая, сердечная, любящая и ласковая, хотя избалованная съ колыбели. Я ее любила и жалѣла, потому что и сама дѣвочка чувствовала свое двусмысленное положеніе въ домѣ: оторванная отъ родной матери, имя которой не произносилося здѣсь, она именно за то и любила свою бѣдную маму, что ее несправедливо обидѣли, что ее никто не любилъ; себя же Дина считала сиротою, даже не смотря на то, что жила при отцѣ, котораго нѣжно любила и который какъ нянька возился съ ней. Ученіе Дины не могло подвигаться такъ быстро, какъ бы можно было ожидать, при ея способностяхъ и раннемъ развитіи: съ одной стороны было помѣхой баловство бабушки, съ другой—болѣзненность дѣвочки.

Другая моя ученица была 14-ти лѣтняя Надя, дальняя родственница, круглая сирота и богатая наслѣдница. О ней и говорить нечего: училась плохо, неохотно, способностями, а тѣмъ менѣе талантами не отличалась; всегда вѣжливая, сдержанная какъ „большая", она никогда не капризничала, со всѣми ладила, особенно любя общество взрослыхъ.

Въ пестрой средѣ разнохарактерныхъ типовъ, въ родѣ бездомныхъ французовъ, бѣглыхъ поляковъ, спившихся съ кругу нѣмцевъ и темныхъ личностей изъ русскихъ—мелькала миніатюрная фигура 6-ти лѣтней Маруси, или Муси, какъ она сама назвала себя, старшей дочери Маріи, этой

куколки, властвовавшей надъ всѣми, каравшей безъ пощады и миловавшей безъ разбора, упорно требуя отъ окружающихъ удовлетворенія своихъ прихотей, какъ бы нелѣпы онѣ ни были. И все склонялось передъ ней въ безусловномъ повиновеніи. Родилась Муся преждевременно; около этого созданьица, долго не подававшаго признаковъ жизни, съ перваго дня ея появленія на свѣтъ, образовался плотный кругъ, въ которомъ единодушно бились сердца ближайшихъ родныхъ ея матери. Сошлись они сперва въ лихорадочной тревогѣ о сохраненіи и поддержаніи жизни въ новорожденной, а впослѣдствіе въ горячей любви къ ней, обратившейся постепенно въ семейный культъ. Главными дѣйствующими лицами были: бабка (мать Маріи), живая, пылкая, нетерпѣливая; она выхватила изъ рукъ акушерки полуживую крошку, укутала ее въ бѣленькую заячью шкурку и затѣмъ втеченіе недѣль и мѣсяцевъ, съ несказанными попеченьями и неусыпнымъ уходомъ, такъ сказать, насильственно вливая и вдыхая жизнь—она воспитала дитя, похожее на дорогую игрушку изъ Севрскаго фарфора, такую же бѣленькую, прозрачную и, къ несчастью, такую же нѣжную и хрупкую. Первое мѣсто при бабкѣ, въ ея уходѣ за Мусей—заняла дочь ея Надежда, неизмѣнно серьезная, строгая, какъ бы стыдившаяся всякихъ проявленій нѣжности и изліяній. Забывая о своей молодости, о своихъ личныхъ интересахъ—она любовно протянула руки къ дочери обожаемой сестры, она, по цѣлымъ часамъ, сидѣла у колыбели, вглядываясь въ личико дѣвочки, прислушиваясь къ слабому дыханію ея, карауля малѣйшія проявленія жизни въ крошечномъ тѣльцѣ; трепеща и надѣясь, оживая и замирая ежечастно и ежеминутно, она все болѣе и болѣе привязывалась къ ребенку, находя уже, что жизнь безъ него немыслима. Братья Маріи, бывшіе тогда при ней и изъ любви къ ней одинаково заинтересованные семейнымъ событіемъ, мало-по-малу втянулись въ общее ожиданіе какого-то кризиса, долженствовавшаго повергнуть всю семью или въ безмѣрную радость или въ безграничное горе. Скоро всѣ они привыкли къ этому дитяти, казавшемуся иногда мертвымъ; сначала они дивились, что это *что-то* такое маленькое, слабенькое, еще дышетъ; а потомъ, вмѣстѣ съ другими, стали вѣрить, что оно *выходится*. Всѣ хоромъ радовались каждой мелочи, волновались всякимъ вздоромъ, хлопотали, суетились, безпокоились только о Марусѣ; словомъ, всѣ исключительно занялись этимъ ребенкомъ, полюбили его сперва какъ маленькое че-

ловѣческое существо и наконецъ сдѣлали изъ него домашняго божка.

А мать? она любила, естественно, какъ любитъ всякая мать; но она сознавала, что не она одна дала жизнь ребенку; а вслѣдствіе этого признавала и за другими право любить ея дочь, такъ какъ эти другіе ежечастно хлопотали около родной колыбели, обвивъ ее своею горячею любовью. Мать сама держалась въ сторонѣ, laissant faire, но не дерзая самоуправно дѣйствовать въ этомъ общемъ дѣлѣ.

Такъ вошла въ жизнь Муся. Кормилица говорила объ ней почти съ испугомъ: да и дитя же диковинное, слова изо рту хватаетъ.—Еще не умѣя говорить, она во все осмысленно всматривалась, ко всему жадно прислушивалась, слова на лету схватывала и живо интересовалась всѣмъ. Ея ясные, голубые глазки пытливо и безпокойно бѣгали кругомъ, какъ бы требуя отъ окружающихъ точнаго истолкованія чего-то, копошившагося внутри у нея и не яснаго ей самой. Какъ теперь, вижу я эти глазки, хотя много лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ; никогда ни у одного ребенка не встрѣчала я такого тревожно мыслящаго взгляда, какой былъ у моей маленькой Муси: словно все, въ этой маленькой головкѣ, было вѣчно на сторожѣ, такъ необычайно серьезно и умно глядѣла эта странная дѣвочка. Ничто не ускользало отъ ея вниманія, хотя она не всегда и не все высказывала; но за то все, положительно все, воспринимала и хранила въ себѣ, долго и мучительно обдумывая и переработывая видѣнное и слышанное, и только изрѣдка, экспромтомъ, высказывая кое что, особенно заинтересовавшее ее, особенно глубоко врѣзавшееся въ памяти и по своему истолкованное. Отъ иного экспромта Муси родные и домашніе становились въ тупикъ или приходили въ неописанный восторгъ, который тутъ же выражали своей любимицѣ, осыпая ее похвалами и ласками, дивясь вслухъ ея необыкновенному развитію, но ни чѣмъ не облегчая ея непосильной умственной работы и ровно ничего не выясняя. Дѣвочка безсознательно чувствовала это, сердилась, ломалась, капризничала, метая пощечины вправо и влѣво, возбуждая и этимъ необузданнымъ протестомъ всеобщій восторгъ, подчасъ раздражавшій ее: до такой степени прискучило ей это вѣчное, безпричинное обожаніе. Въ минуты своего болѣзненнаго недовольства средой, она съ недѣтскою серьезностью признавалась мнѣ въ этомъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ и обстоятельствъ, изъ Муси, по натурѣ доброй и

нѣжной, вышла до крайности нервная и несносная дѣвочка, бичъ всѣхъ окружающихъ, немилая и самой себѣ. Такую я видѣла ее при поступленіи въ ихъ домъ, и исковерканность этого ребенка ужаснула меня: это была жалкая жертва семейнаго обожанія.

Я сразу замѣтила, что попала въ эту семью въ самый моментъ, когда всѣ пришли къ сознанію крайней необходимости серьезно приняться за маленькаго тирана-Мусю, т. е. обуздать ее, сдѣлать ручною, но не раздражая ея и не слишкомъ противорѣча ей; не насилуя ея вкусовъ, не ломая ея привычекъ, словомъ, какъ-нибудь такъ, чтобы волки были сыты и козы цѣлы. Задача мудреная; совѣтовались между собою, думали, гадали, точно какъ мыши въ баснѣ, общимъ совѣтомъ постановившія привѣсить коту колокольчикъ, да только затруднявшіяся исполненіемъ своего рѣшенія, не зная какъ взяться за дѣло. Между тѣмъ милый, неугомонный звѣрокъ оставался на волѣ и никто не отваживался подступить къ нему. Я не могла обдумывать плана аттаки, такъ какъ къ Мусѣ не могла быть примѣнена ни одна система, надо было дѣйствовать по вдохновенію и выжидать удобнаго случая.

Лѣто было въ началѣ; вся семья была нервно озабочена неумѣньемъ взяться за дѣло и тщетными стараньями найти выходъ изъ затруднительнаго положенія. Дѣло было въ томъ, что доктора отправляли мать Муси на южный берегъ Крыма для поправленія разстроеннаго здоровья, въ сопровожденіи только сестры ея Надежды; Муся же не желала этой поѣздки и прямо *запретила* матери съ теткой уѣзжать, если онѣ и ее не возьмутъ съ собой; а ужъ какое лѣченье съ такимъ безпокойнымъ субъектикомъ? Часто собирались всѣ члены семьи для совѣщанія вполголоса: но никто ничего не придумалъ. Между всѣми этими озабоченными и разстроенными лицами мелькала бѣленькая Муся, чуя въ воздухѣ заговоръ; безобразно капризная, нервная, взыскательная, она тиранила всѣхъ, а въ особенности мучила мать и тетку, около которыхъ она преимущественно вертѣлась, какъ бы изъ опасенія, чтобы онѣ какъ-нибудь не ускользнули отъ нея, обманомъ или хитростью. Напрасно уговаривала ее баловница бабушка, умоляя дѣвочку успокоиться и не удерживать больной матери отъ поѣздки, прельщая ее, Мусю, дорогими игрушками и обѣщаніемъ исполнить всякое ея желаніе. Но это дитя мудрено было задобрить подарками и угомонить обѣщаніями; въ настоя-

щую минуту она желала только не отпустить отъ себя матери и тетки, которыя, хотя и обожали ее, но подчасъ позволяли себѣ и пожурить ее слегка. Оставаться же въ средѣ, гдѣ всѣ безусловно и по рабски подчинялись ей—она упорно отказывалась. Я одна оставалась безучастной зрительницей всякихъ безобразій: никогда не дѣлала я Мусѣ никакихъ замѣчаній, не льстила и не угождала ей, даже почти не ласкала ее, неуловимо дикую, своевольную, не поддающуюся ни строгости, ни ласкѣ; я совсѣмъ не занималась ею, во-первыхъ потому, что она еще не подлежала ничьему надзору, а во-вторыхъ, потому что мнѣ противно было стать въ ряды портившихъ ее. Такъ думалъ и дѣдъ ея, но что значило его мнѣніе? А онъ былъ несомнѣнно умный, честный и порядочный человѣкъ.

Мое исключительное отношеніе къ Мусѣ не могло оставаться долго незамѣченнымъ ею: дѣвочка стала посматривать на меня издалека и изподтишка; чѣмъ дальше, тѣмъ пристальнѣе становились эти взгляды, подолгу останавливавшіеся на мнѣ. Серьезные глазки ея будто говорили: „что, молъ, ты за птица? Такой не приходилось еще видѣть". Я это угадывала и жадно подстерегала это диковинное дитя. Занималась же я исключительно съ ея кузинами, успѣла заслужить ихъ расположеніе и сама всей душой привязалась къ нимъ. Иногда и маленькій Павликъ забѣгалъ къ намъ, и всѣхъ ихъ я по цѣлымъ часамъ занимала разсказами, на которые такъ падки всѣ дѣти, придумывала для нихъ забавы и сама принимала въ нихъ участіе, совершенно игнорируя капризную Мусю.

Однажды я показывала обѣимъ старшимъ дѣвочкамъ и Павлику довольно сложный механизмъ моего маленькаго porte monnaie. „Это, въ сущности, пустяки, а вотъ никто изъ васъ не откроетъ его безъ моей помощи, говорила я. Всѣ трое заинтересовались моимъ секретомъ: пробовали, пробовали, а ничего не могли сдѣлать. Я замѣтила, что Муся слѣдитъ за нами съ явнымъ интересомъ, сгорая желаніемъ подойти и попытаться, не удастся ли ей то, что оставалось загадочнымъ для ея кузинъ и брата. Но болѣзненное самолюбіе избалованнаго ребенка не позволяло ей сдѣлать первый шагъ. Но я ухватилась за этотъ случай сблизиться съ нею и сказала: „А ты, Муся, не желаешь ли попытать? да куда тебѣ, и старшіе не съумѣли, а ты маленькая!" прибавила я, улыбаясь. Этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы подстрекнуть ее: однимъ прыжкомъ она

была около меня. „Дайте мнѣ porte-monnaie“, крикнула она повелительно, протягивая ручку: „давайте-же!“ повторила она рѣзко, видя, что я спокойно положила его въ карманъ.— Если хочешь узнать секретъ, иди ко мнѣ на руки, – и, не ожидая отвѣта, я осторожно взяла дѣвочку на колѣни и стала показывать ей, въ чемъ состоялъ секретъ механизма. Мусѣ очень понравилась эта забава и она сама попробовала открыть портмонне, чрезвычайно заинтересованная, веселая и вполнѣ успокоившаяся. Пользуясь этимъ затишьемъ, я начала разсказывать что-то, специально ей; Муся оставила портмонне и стала внимательно слушать. Всѣ, присутствовавшіе при этомъ (ихъ было не мало и они сидѣли въ сторонѣ отдѣльной группой) смолкли, благоговѣя и умиляясь передъ совершившимся чудомъ: дѣвочка продолжала сидѣть у меня на колѣняхъ, тихонько, смирнехонько, и слушала, слушала, не обращая вниманія на окружающихъ. Никто не двигался съ мѣста и не шевелился, словно боясь нарушить священную тишину, въ которой слышался мой полушепотъ, изрѣдка прерываемый торопливыми вопросами дѣвочки. Съ этого дня началось наше сближеніе, которое уже росло не по днямъ, а по часамъ: Муся довѣрилась мнѣ, стала уважать меня, а наконецъ и полюбила меня. Нечего и говорить, что она стала повиноваться мнѣ; не прошло и недѣли какъ она сама разрѣшила матери и теткѣ ѣхать въ Крымъ и оставаться тамъ сколько понадобится.

Мое присутствіе въ домѣ было собственно необходимо не для Муси, черезъ чуръ слабой физически и скороспѣлой по умственному развитію, слишкомъ чуткой и понятливой отъ природы, чтобы развивать ее искусственно и систематически. Я занималась серьезно съ Диной и Надей, а Муся, какъ неразлучная спутница моя, во что-бы то ни стало, желала присутствовать при урокахъ кузинъ, взобравшись ко мнѣ на колѣни, и умненько сложивъ ручки, какъ кукла! О, какая это была дивная кукла! Она сидѣла тихо, скромно, жадно вслушиваясь во все, порою проявляя участіе нетерпѣливымъ движеніемъ, когда она не понимала но не рѣшалась спросить; или же, наоборотъ, торжественно сіяя взорами и поглядывая на меня выразительно. Такимъ образомъ, чтобы не разставаться со мною, Муся оставалась въ классной комнатѣ во все время занятій моихъ съ ея кузинами и незамѣтно запоминала многое; но я рѣшительно отказала ей въ просьбѣ научить ее читать: слишкомъ опасно было бы чтеніе для ея пытли-

ваго ума и горячей головки. Такъ научилась она, шутя, первымъ правиламъ музыки; и когда однажды, важно сидя на стулѣ, Муся съиграла бабушкѣ не по слуху, а какъ слѣдуетъ, сознательно и по нотамъ, одну хорошенькую пьеску, втайнѣ разученную—эта милая баловница—баба, всей массой своего грузнаго, больного тѣла, тяжело опустилась на колѣни передъ роялемъ, у котораго мы обѣ сидѣли, и, въ нѣмомъ восторгѣ, обхвативъ руками обѣихъ насъ, она зарыдала отъ умиленія.

Въ ту пору Муся уже очень любила меня; въ ея привязанности ко мнѣ было и много нѣжности и чего-то не дѣтски серьезнаго. Она ласкательно назвала меня Азя, немного измѣнивъ Яшину Ася. Но не всегда бывала Муся покорна и мнѣ, не всегда блистала благоразуміемъ. Въ особенности выходила она изъ границъ приличія, только что усвоенныхъ ею, когда въ ней вспыхивала ревность ко мнѣ; проявленія этого дикаго чувства были какъ то ненормальны въ такомъ крошечномъ ребенкѣ. Однажды вышла сцена, ужасная по своему безобразію,—вслѣдствіе полученнаго мною письма отъ пріятельницы. Я читала письмо вслухъ, другимъ, держа Мусю на колѣняхъ; я испугалась, взглянувъ на ея личико, искаженное гнѣвомъ. „Я не хочу, чтобы ты ее любила, не хочу, не хочу!“ кричала дѣвочка въ изступленіи. Я было принялась урезонивать ее; но Муся не хотѣла ничего слышать, она требовала одного: „скажи, что ты ее (т. е. пріятельницу) не любишь и никогда не будешь любить!“ Я отказалась сказать неправду; тогда Муся окончательно потеряла голову: она принялась щипать, царапать, бить меня. Я, разумѣется, и не защищалась, а съ грустью выжидала. Мало-по-малу дѣвочка выбилась изъ силъ, а вскорѣ и совсѣмъ пришла въ себя, видимо устыдясь своего безобразія и раскаиваясь въ немъ; но ей не хотѣлось сознаться въ этомъ. „Что-жъ ты молчишь? отчего не защищаешься?“ проговорила она, сдвинувъ брови.—Развѣ я могу бороться съ тобою? ты такая маленькая, слабенькая, я даже не сержусь на тебя, мнѣ только искренно жаль тебя,—отвѣчала я печально. Я уже привыкла думать, что ты совсѣмъ отвыкла отъ прежнихъ безобразій, что изъ любви ко мнѣ ты исправилась. Вижу, что я горько ошиблась.—Говоря это, я тихонько спустила ее съ колѣнъ. Муся серьезно взглянула на меня и молча вышла изъ комнаты. Когда мы вечеромъ собрались у чайнаго стола, дѣдъ Муси спросилъ меня съ лукавой улыбкой: „что это у васъ за цара-

пины на щекѣ?“ и при этомъ покосился на внучку.—Право не помню какъ я оцарапалась,—отвѣчала я, наклонясь надъ, работой и слегка покраснѣвъ. Сидѣвшая около меня Муся украдкой и молча поцѣловала мою руку: за то, молъ, что пощадила ея дѣтское самолюбіе.

Да, самолюбіе Муси было, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, гигантскимъ рычагомъ и самымъ больнымъ мѣстомъ ея крошечной фигурки. Никогда съ тѣхъ поръ, за годъ, проведенный мною съ Мусей, не повторялись больше подобныя сцены дикихъ вспышекъ, хотя въ поводахъ къ нимъ не было недостатка. Больше всего любила Муся, оставшись со мной наединѣ, разсуждать вмѣстѣ на разныя темы; эти тихія, серьезныя бесѣды видимо успокоивали ея раздраженіе, давали форму ея фантазіямъ и болѣе нормальное направленіе мыслямъ.

Странная дѣвочка! она не разъ поражала меня своими мѣткими замѣчаніями. Однажды, по обыкновенію, мы всѣ сидѣли вечеромъ въ чайной; бабушка курила, я занималась рукодѣльемъ. Между нами сидѣла Муся, которую я старалась всегда занять чѣмъ нибудь; на этотъ разъ, по моему же совѣту, она занялась рисованьемъ: на клочкѣ бумаги она изобразила домъ, подобно всѣмъ дѣтямъ, неумѣющимъ владѣть карандашемъ, т. е. криво, неуклюже, съ дымомъ, выходящимъ спиралью изъ покосившейся трубы. Окончивъ рисунокъ, она показала его бабѣ своей. „Восхитительно! чудесно! какъ все, что ты дѣлаешь, мое сокровище, моя прелесть!“ восклицала бабушка, не глядя на рисунокъ, но порывисто обнимая дѣвочку. А Муся нетерпѣливо высвободилась изъ ея объятій и серьезно, но товарищески, обратилась ко мнѣ: „А тебѣ, Азя, нравится мой домикъ?“ Я оставила свое рукодѣлье и, взявъ карандашъ, начала поправлять неправильности дѣтскаго рисунка: вотъ здѣсь крыша немного покривилась; это окно черезъ чуръ низко, да и дымъ вѣдь не такъ выходитъ изъ трубы, а вотъ какъ бы слѣдовало. Но ты не училась и даже не часто пробовала рисовать. Въ слѣдующій разъ вспомни мои замѣчанія и выйдетъ лучше.—„Правда, правда, Азичка, этотъ домъ никуда не годится, я нарисую другой“ и она поспѣшно порвала рисунокъ.

Видишь ли, какая ты нехорошая, неблагодарная дѣвочка!—обиженно замѣтила баба, я тебя такъ обожаю, что все твое нахожу прекраснымъ, твоя же Азя рѣдко за что похвалитъ тебя, а ты ее любишь гораздо больше меня. Но я все прощаю тебѣ, мое божество.—Ахъ, баба! вы всѣ такъ надоѣли мнѣ: только льстить умѣете, одна Азя говоритъ мнѣ правду: за

это я такъ люблю ее! и она съ ласкою прижалась ко мнѣ. Въ этихъ словахъ, неудержимо вырвавшихся изъ дѣтской груди Муси—вся характеристика будущей художницы реальной школы, Маріи Башкирцевой.

ГЛАВА XVI.

Не успѣла я еще втянуться въ мои занятія и полюбить ихъ, или вѣрнѣе, я только что втянулась въ нихъ и полюбила ихъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно, я получила изъ полка письмо отъ моего мужа, уже выздоровѣвшаго. и наконецъ откликнувшагося съ новой стоянки. Тяжело мнѣ вспоминать объ этомъ письмѣ, очевидно написанномъ подъ вліяніемъ кого-то,—конечно не брата Николая и не Лизы. Оно было крайне оскорбительно; между прочимъ мужъ категорически заявлялъ, что впредь онъ не желаетъ имѣть никакого дѣла съ „наемницей", какою я стала, поступивъ въ гувернантки. Бѣдный! онъ упустилъ изъ виду, что всѣ мы, начиная съ него самого, болѣе или менѣе наемники. Впослѣдствіи онъ пожалѣлъ объ этомъ необдуманномъ поступкѣ; но намъ не суждено уже было видѣться на этомъ свѣтѣ.

Не стану распространяться здѣсь о тяжеломъ впечатлѣніи, произведеннымъ на меня этимъ письмомъ; и на всѣхъ въ домѣ подѣйствовало оно крайне непріятно. Но послѣ первыхъ порывовъ соболѣзнованія и сочувствія, всѣ въ сущности обрадовались такому обороту дѣла, „развязывающему мнѣ руки", и такимъ образомъ позволяющему оставаться въ домѣ не на короткое время, какъ я предполагала, разсчитывая ѣхать къ мужу, какъ только узнаю о мѣстѣ стоянки полка,—а сколько угодно будетъ мнѣ. Меня даже хотѣли оставить навсегда, какъ бы прикрѣпивъ къ дому... Что же? погоревавъ, поплакавъ и проболѣвъ я обрадовалась и сама возможности продолжать успѣшно начатое дѣло и безпрепятственно любить своихъ любимцевъ.

Цѣлый годъ провела я тамъ, и такъ хорошо жилось мнѣ среди этихъ любившихъ и уважавшихъ меня людей, что и ввѣкъ бы не разсталась съ ними. Но пошли разныя любви и любовишки, перепутавшіяся между собою и перепутавшія все и вся до такой степени, что и разобраться нельзя было въ этомъ моткѣ. Надо было порвать. И я, обожавшая

Мусю, горячо любившая и мою милую бабу—(о милый прахъ! простишь ли ты своей Азѣ?) и Марію, и Надежду, и Надю и Дину и Павлика, я однажды „уходомъ ушла“ (только одна!) изъ дому къ сосѣдямъ, гдѣ меня знали и любили, а оттуда, съ горничной Наташей, въ жидовскомъ фургонѣ, уѣхала въ то село Полтавской губ. гдѣ когда-то стоялъ нашъ полкъ. Много лѣтъ прошло, много воды утекло съ тѣхъ поръ и много нажито опытности, а и теперь не въ силахъ я разрѣшить мучительнаго вопроса: дѣйствительно ли хорошо поступила я тогда, очертя голову бросивъ начатое дѣло и дорогое мнѣ, теплое гнѣздо съ милыми птенчиками, изъ-за какой-то условной чести? Я обѣщала Мусѣ, заболѣвшей отъ горя, объяснить ей со временемъ причину моего „ухода“ изъ дому ихъ, тогда когда она будетъ въ возрастѣ понять мое объясненіе... Но Муся ничего не хотѣла слышать. Заплаканная баба съ робѣющей Диной приходили за мной къ сосѣдямъ, молили, уговаривали меня вернуться; я надрывалась отъ слезъ, я всѣми фибрами рвалась туда, откуда бѣжала... Но я не вернулась. Нѣтъ, лучше бы было, еслибы я вернулась тогда: я провинилась бы съ одной стороны, за то была бы права со всѣхъ другихъ сторонъ. О, какъ невыносимо горько сознавать, что то, за что мы боролись, губя и себя и другихъ, воображая что это высоко честно—только призракъ, и что мы, въ сущности, и сами страдали безполезно и другихъ мучили безъ всякой нужды. А что всего ужаснѣе, я даже не дождалась той минуты, когда я встрѣтила бы Мусю уже взрослую и могла бы открыть ей мою душу и сказать ей: вотъ во имя чего я поступила такъ жестоко и съ собою и съ тобою, ты видишь, что я не даромъ проповѣдовала тебѣ; я такъ и поступила, чтобы никогда не краснѣть передъ тобою.

Позднѣе я встрѣтилась съ Мусей 8-ти и 10-ти лѣтней; она какъ будто хотѣла бравировать, словно хотѣла показать мнѣ, что она нисколько не обижена мною; она сдѣлалась рѣзка, и въ моемъ присутствіи рѣзкость ея удваивалась. На самомъ же дѣлѣ она была обижена глубоко: она, никого не любившая до тѣхъ поръ, была покинута единственнымъ существомъ, котораго она полюбила! Муся не любила своей семьи, которая надоѣдала ей, меня же она любила, а потомъ стала стыдиться этого чувства какъ слабости; я оскорбила ея гордость, задѣла ея болѣзненное самолюбіе: она *не могла* мнѣ простить. Но, передъ разстованьемъ,—чувство, насильно подавляемое, вырывалось на-

ружу, краснорѣчиво высказываясь въ прощальномъ объятіи. О, какъ я помню эти два прощанья! Никакими слезами не смою я этого воспоминанія. Черезъ мѣсяцъ или два послѣ моего отъѣзда, узнала я, что Жоржъ, отчасти виновный въ моемъ отъѣздѣ,—сосланъ за что то въ Вятку.

Итакъ, я пріѣхала опять на мѣсто стоянки нашего полка послѣ моей свадьбы. Какая горькая насмѣшка судьбы: что было тогда и что сталось теперь! Молодая, элегантная, безпечная и здоровая тогда — и больная, изстрадавшаяся, почти отжившая теперь! А вѣдь и лѣтъ-то немного прошло съ тѣхъ поръ! но пережито столько, что и жить дальше нѣтъ охоты.

Болѣзнь скрутила меня въ одномъ близкомъ семействѣ, куда меня давно приглашали погостить и куда я пріѣхала прямо отъ Муси. Да и гдѣ бы я могла искать отдыха отъ всѣхъ пережитыхъ тревогъ, какъ не подъ кровомъ этихъ людей, друзей безпечной молодости? и тамъ я нашла его, этотъ желанный покой; я отдохнула, хотя не выздоровѣла.

Здѣсь по прежнему любили веселиться, устраивали разнообразныя развлеченія, вечеринки, въ родѣ баловъ и простые домашніе вечера съ танцами подъ дребезжащіе звуки плохаго фортепіано. Разъ въ году, 17-го января, давали тутъ настоящій (относительно) балъ, къ которому готовились втеченіе цѣлаго года и о которомъ цѣлый годъ спустя толковали, живя воспоминаньями о немъ, какъ раньше—приготовленіями къ нему. Все совершалось въ виду великаго дня, все надѣялось, оживлялось, оживало; отнять у этого общества 17-го января—значило отнять у него душу, оживлявшую его, не только общество этого села, но и цѣлаго уѣзда. Какъ близкій человѣкъ и членъ здѣшняго общества, я неизбѣжно должна была присутствовать на этомъ балѣ, даваемомъ однимъ изъ почетнѣйшихъ лицъ села, для празднованія дня ангела своего. Я давно знала и уважала почтеннаго старика, старожилу здѣшнихъ мѣстъ, и будь я еще слабѣе, то и тогда не лишила бы себя этого удовольствія. Да, мнѣ доставляло большое удовольствіе глядѣть на общее, искреннее веселье, которое я не привыкла вообще встрѣчать на балахъ великаго свѣта большихъ городовъ. Удовольствіе мое было удвоено присутствіемъ Н. И. С...ко, который, по родству, обязанъ былъ украшать собою балъ своего дѣда. Но мы оба, уже сдружившіеся, только присутствовали на балѣ, не принимая участія въ общемъ увлеченіи. Мы были зрителями, судьями и критиками, лю-

бовались, наблюдали и говорили, говорили много, по душѣ, и еще болѣе сошлись подъ шумъ чужаго веселья, подъ музыку и говоръ бала.

Были тутъ, кромѣ окрестныхъ помѣщиковъ, съ семьями и домочадцами, и пріѣзжіе изъ Полтавы; въ числѣ послѣднихъ были двѣ барышни, пользовавшіяся репутаціей красавицъ и поэтому обращавшія на себя общее вниманіе, я съ ними познакомилась наканунѣ; теперь, на балѣ, я особенно внимательно разглядывала ихъ въ новой обстановкѣ, въ новомъ свѣтѣ. Собственно красавицей слыла старшая, Маша: красота ея, по моему, была чисто внѣшняя, пышащая здоровьемъ, молодостью, довольствомъ, сознаніемъ собственной силы; но ничего духовнаго, притягательнаго. Остановиться на этой красотѣ, ничего не говорившей, и залюбоваться ею—я не могла: взоры мои скользнули мимо. Окончился балъ; въ послѣдующіе дни всѣ продолжали собираться по вечерамъ у кого-нибудь изъ сосѣдей поочередно, чтобы поболтать, поплясать, поиграть въ ненавистные мнѣ petits jeux; я продолжала болѣть нервами. При одномъ изъ первыхъ пароксизмовъ моихъ, отравлявшихъ жизнь мою, — присутствовала старшая изъ сестеръ К., красавица Маша: она отнеслась къ моему страданію съ такимъ неожиданнымъ порывомъ горячаго участія, что я и опомниться не успѣла, какъ уже всей душой привязалась къ этой, мало знакомой мнѣ дѣвушкѣ, на теплое сочувствіе которой я не могла никакъ разсчитывать. Она горячо отнеслась къ моей болѣзни и уговорила меня перебраться въ домъ родной ея тетки, жившей тутъ же въ селѣ, и съ этого дня уже не отходила отъ меня. Трудно вообразить себѣ материнскую нѣжность и попеченія, которыми она окружила меня: я сдѣлалась въ рукахъ ея ребенкомъ, которымъ она распоряжалась по усмотрѣнію, подчасъ прикрикивая, но всегда ублажая. Мы вмѣстѣ переѣхали въ Кіевъ и съ тѣхъ поръ не разставались. Однако я не могла и не хотѣла жить на чужой счетъ, хотя бы и на счетъ такой любящей подруги какъ Маша (которая и сама не располагала многимъ въ ту пору). Какъ только здоровье мое поправилось немного, я стала искать занятій.

Кто не знаетъ Кіева? какъ теперь, такъ и тогда, трудно было прожить тамъ своимъ трудомъ женщинѣ, не имѣющей связей и не принадлежащей ни къ какому кружку, русскихъ, малороссовъ или поляковъ. Въ этомъ древнемъ городѣ, среди дорогой русскому сердцу святыни и всякихъ

историческихъ памятниковъ—было очень легко умереть съ голоду русскому человѣку.

Среди усиленныхъ поисковъ и хлопотъ, я получила письмо отъ одной дамы, незнакомой мнѣ лично, хотя и родственницы моей по кузинѣ. Общій другъ нашъ, Н. И. С., ко такъ много наговорилъ ей обо мнѣ, что она, въ самыхъ задушевныхъ выраженіяхъ, высказывала мнѣ свое горячее желаніе имѣть меня наставницей своей единственной дочери. Я отвѣчала откровенно, что охотно приняла бы ея предложеніе, если бы я не жила въ настоящую минуту съ пріятельницей, оставить которую мнѣ было бы тяжело. Отвѣтъ не замедлилъ явиться въ видѣ любезнаго приглашенія пріѣхать въ деревню вмѣстѣ съ пріятельницей. Такимъ образомъ мы отправились вмѣстѣ сначала въ степное имѣніе, а потомъ на южный берегъ Крыма. Но не болѣе трехъ мѣсяцевъ провела я въ этой родной мнѣ семьѣ: я получила изъ дому письмо о скоропостижной смерти отца и вмѣстѣ съ Машей поѣхала на родину къ матери моей, куда меня уже тянуло . . . .

ГЛАВА XVII

Прошло семь лѣтъ послѣ обнародованія манифеста 19-го февраля и два года послѣ смерти отца моего, и вотъ я снова въ Вознесенскомъ. На большомъ балконѣ, на обычномъ своемъ мѣстѣ, сидитъ моя, уже старушка, мать, въ бѣломъ чепцѣ, черномъ платьѣ, и неизмѣнно, какъ въ былые годы, съ какимъ-нибудь рукодѣльемъ въ рукахъ.

Около матери сидитъ Авдотья Сергѣевна, также въ старушечьемъ чепцѣ, она еще пополнѣла, но уже никуда не рвется отсюда, потому что здѣсь она нашла свое счастье, а если не счастье, то поздній романъ. Она, слишкомъ пятидесятилѣтняя, внушила пламенную любовь 80-ти лѣтнему старику, тестю нашего управителя, и перенеслась въ годы своей молодости: повелѣвала, дразнила, возбуждала ревность, дарила улыбкой, награждала словомъ; короче сказать, самовластно распоряжалась маленькою, мизерною фигуркою Гофмана, не замѣчавшаго почтеннаго возраста Авдотьи Сергѣевны и сквозь призму любви видѣвшаго въ ней только прелести и очарованіе ея давнопрошедшей молодости. Авдотья Сергѣевна у пристани: никуда не собирается, ничего

не ищетъ и хотя тщательно скрываетъ это отъ всѣхъ, но въ душѣ чувствуетъ себя счастливой, она очень разумно сознаетъ, что смѣшно было бы въ ея годы обвѣнчаться съ Гофманомъ; разводить же идиллію, изподтишка „filer le parfaitamour, отчего же нѣтъ? это одинаково пріятно въ 50 и въ 15 лѣтъ, а пожалуй въ 50—пріятнѣе, такъ какъ счастье, улыбающееся намъ въ эти поздніе годы, когда оно уже считается вообще невозможнымъ,—милѣе счастья, дающагося намъ въ ту пору жизни, когда и безъ того все улыбается намъ.

Что же сталось съ воспитанницами Авдотьи Сергѣевны? Вѣра, хотя и не засѣдаетъ уже въ школѣ, но при каждомъ удобномъ случаѣ ораторствуетъ на тему воспитанія въ тонѣ опытнаго педагога; иными словами и вѣрнѣе, ведетъ нескончаемые педагогическіе разговоры, въ сущности сухіе, не по лѣтамъ, авторитетные и полные педантизма, какъ сама она во всемъ. Съ отцомъ у нея не разъ бывали стычки, вслѣдствіе подобныхъ бесѣдъ, кончавшіяся вспышкой отца, уходившаго въ кабинетъ со словами: ты педантка и больше ничего.—Впрочемъ, Вѣра умѣла быть милой, когда хотѣла.

Лиза продолжаетъ ухаживать за мужемъ, въ которомъ души не чаетъ; но это не мѣшаетъ ей быть доброй и милой съ другими. Съ самаго ранняго дѣтства и до послѣдней минуты моей дѣвичьей жизни, она была любимою подругою моей, горячо относившейся ко всему, что было мнѣ близко, и страдавшая за меня. Сколько разъ она утѣшала меня въ невзгодахъ и плакала со мной! потомъ, по врожденной слабости характера loin des yeux, loin du coeur—она подпала подъ иныя вліянія, мы охладѣли другъ къ другу, но не разошлись.

Люба вышла замужъ за одного изъ „дѣтишекъ“ Паромова, окончившаго курсъ въ Харьковскомъ университетѣ и готовящагося защищать диссертацію медицины. Это одинъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ говорятъ у насъ, что „и мухи не обидитъ.“ Люба осталась такою-же, какою была въ дѣтствѣ, т. е. твердой, правдивой до рѣзкости, подчасъ ѣдкой, безпощадной и заносчивой, порывами доброй, но на самомъ дѣлѣ эгоисткой и властолюбивой.

Анюта продолжаетъ жить у насъ; она не вышла замужъ, хотя и представлялись партіи. Мы встрѣтились съ нею такъ же какъ и разстались, и какъ не переставали встрѣчаться и разставаться, т. е. всегда одинаково дружески и сердечно. Я не помню, чтобы между нами произошелъ когда-нибудь и малѣйшій раздоръ.

Василій Матвѣевичъ теперь уже дѣйствительный семьянинъ нашъ, хотя онъ и безъ того считался у насъ въ домѣ своимъ, близкимъ человѣкомъ, онъ не только не одряхлѣлъ, но даже какъ будто подбодрился. И одѣтъ онъ какъ будто щеголеватѣе.

Братъ Константинъ все тотъ же милый фразеръ; народъ по прежнему не понимаетъ либеральнаго барина, такъ красно говорящаго, такъ много обѣщающаго и такъ мало дѣлающаго, чувствуя и въ рѣчахъ и въ поступкахъ его много фальши и мало искренности, дорогой простолюдину. Во всемъ, что ни дѣлалъ братъ—народу мерещилась задняя мысль, которую онъ, будто бы, скрывалъ, маскируя красивыми фразами и громкими словами, и люди все ждали, что вотъ-вотъ баринъ наконецъ „объявится", иначе сказать, выскажетъ, чего онъ хочетъ. Но баринъ не „объявлялся," а продолжалъ „напускать туманъ".

Я застала тутъ ученаго друга его, профессора Ціона, имя котораго, какъ теперь помню, начинало быть извѣстнымъ послѣ того, какъ Ціонъ занялъ каѳедру Сѣченова и написалъ нѣсколько ученыхъ статей. Константинъ не выказываетъ другу своего огромнаго почитанія, не желая умалять этимъ собственнаго своего достоинства; онъ даже позволяетъ себѣ подшучивать надъ именитымъ гостемъ своимъ: каждый разъ, при его появленіи, Константинъ обращается съ нимъ какъ бы пріятельски небрежно; на самомъ же дѣлѣ считаетъ его великимъ и геніальнымъ. И умный Ціонъ знаетъ это, хотя дѣлаетъ видъ, что ничего не замѣчаетъ и не понимаетъ.

Чтобы достойно угостить своего именитаго друга, братъ пользуется каждымъ представляющимся случаемъ, и потому, когда однажды Ціонъ замѣтилъ, что не имѣетъ никакого представленія о сельской мірской сходкѣ — любезный хозяинъ немедленно отдалъ приказаніе созвать сходку на слѣдующій же день. Кстати и поговорить нужно было съ „міромъ" по поводу какого-то вопроса. По господскому приказу собрались крестьяне передъ крылечкомъ конторы, на которомъ, рядомъ съ гостемъ, сидѣлъ сіяющій хозяинъ, желавшій показать иностранцу, какія нормальныя отношенія установились между бывшимъ помѣщикомъ и его временно обязанными крестьянами. Mise en Scène была какъ слѣдуетъ, самая современная. Съ крестьянами, для пущей важности, пожаловалъ и отецъ Димитрій, присѣвъ на крылечкѣ рядомъ съ бариномъ, которому шепнулъ на ухо: „эхъ, охота вамъ связываться съ этими сѣрыми министрами, какъ я

ихъ называю. Вѣдь это лукавый народъ, такъ и глядитъ, чтобы въ обиду не даться, а самъ наровитъ, какъ бы барина надуть." Да вѣдь я же объ ихъ добрѣ хлопочу!—восклицаетъ братъ, искренно убѣжденнымъ тономъ и громко, вполнѣ увѣренный въ успѣхѣ своего краснорѣчія, обращается съ блестящей вступительной рѣчью къ толпѣ, впереди которой стоятъ старики, т. е. ораторы, депутаты отъ „міра"; отъ нихъ-то собственно и зависитъ успѣхъ дѣла, такъ какъ они—представители того „міра", интересы котораго они защищаютъ. Сама по себѣ толпа—все то же Панургово стадо, дѣйствующее подъ давленіемъ какой бы то ни было посторонней силы, присутствуетъ здѣсь только для виду, для порядка, хотя бы и для безпорядка. Старики мрачны, тоже для виду: они опираются на высокія палки и стоически выжидаютъ борьбы, инстинктивно, по привычкѣ, ожидая нападенія.

Рѣчь барина заставила всѣхъ встрепенуться: это говорилъ профессоръ съ каѳедры, красно, гладко, но, къ сожалѣнію, недостаточно просто; рѣчь не прерывалась никѣмъ, такъ что говорящій началъ терять увѣренность: жаръ его, не поддерживаемый ни возгласомъ, ни словомъ, хотя бы робкаго протеста, сталъ замѣтно слабѣть; чувствовалось, что все это—нѣчто въ родѣ проповѣди въ пустыни. Наконецъ, братъ уже исключительно сталъ обращаться къ старикамъ; ему, видимо, необходимо было слышать, хотя бы интонацію ихъ голосовъ, увѣриться, что все, что онъ высказалъ умнаго, высокаго и либеральнаго, понято ими и оцѣнено какъ слѣдуетъ. Но старики упорно уставились глазами въ землю и молчали.

— Чего-жъ вы головы повѣсили? точно вамъ обидное говорятъ,—вмѣшивается священникъ:— Эхъ вы, министры! вамъ добра желаютъ, а вы точно идолы стоите. Плюньте вы на нихъ, Константинъ Николаевичъ, право, не стоитъ и слова терять.

„Да мы что-жъ, батюшка? мы ничаво... извѣстно, народъ мы темный... а то господа", оправдывались мужики. И снова начинаетъ баринъ убѣждать ихъ; но напрасно говорилъ онъ еще цѣлый часъ: ничего отъ нихъ не добился, кромѣ неопредѣленныхъ отрывковъ рѣчи, въ родѣ: оно такъ то такъ... да только мы что жъ?... какъ „міръ" такъ и мы. Послѣ долгихъ усилій убѣдить крестьянъ въ ихъ же собственной пользѣ—старики просятъ позволенія подумать, посовѣтоваться, съ этою цѣлью они, отдѣльною группой, удаляются на другой конецъ двора и остаются

тамъ довольно долго, такъ что наконецъ объ нихъ забываютъ. Но вотъ они появляются и заявляютъ, что несогласны... Русская крестьянская сходка очень разочаровала Ціона: онъ уходитъ въ садъ поразмыслить кое о чемъ; братъ крайне раздраженъ неудачей, а отецъ Димитрій, въ виду успокоенія, обѣщаетъ еще отъ себя поговорить съ мужиками; но для всѣхъ ясно, что сходка совсѣмъ неудалась.

Вечеромъ, по инициативѣ брата, устраивается новое развлеченіе для гостя: въ опустѣвшемъ помѣщеніи ткацкаго флигеля отдѣлали самую просторную комнату для еженедѣльныхъ танцовальныхъ вечеровъ, для увеселенія дворовыхъ и комнатныхъ людей: приглашенные были всѣ служащіе во дворѣ и въ домѣ, съ ихъ женами, дочерьми, сестрами, конечно взрослыми и умѣющими танцовать. Но ни Иванъ Павловъ, ни Ѳома Антоновъ на этотъ вечеръ не явились, отнесясь съ безмолвной ироніей къ этой новой затѣѣ молодого барина и найдя ее неподходящей. За то буфетчикъ Николай, тогда еще холостой, не могъ отнестись равнодушно къ просьбамъ дамъ и дирижировалъ танцами. Онъ очень серьезно прошелся въ менуэтѣ и въ кадрили, отъ легкихъ же танцевъ наотрѣзъ отказался. А самъ молодой баринъ торжественно открылъ балъ вальсомъ съ молодой, замужней прачкой изъ крѣпостныхъ, недавно вернувшейся домой изъ Одессы и очень мило одѣтой. Провальсировалъ онъ и съ другими дамами изъ дворни, видимо стѣснявшимися присутствіемъ господъ, несмотря на ободряющее поведеніе съ ними барина. Однакоже цѣль не была достигнута: никому не было весело. ни тѣмъ, кто затѣялъ танцы, ни тѣмъ, кто приглашенъ былъ; патриціи и плебеи не слились на этихъ вечерахъ въ одно цѣлое, дружное и единодушное общество. Но этимъ демократическимъ баломъ. даннымъ въ честь пребыванія у насъ Ціона, заканчивается періодъ либерализма молодого барина, который наконецъ утомляется своею безплодною дѣятельностью и уѣзжаетъ заграницу кутнуть тамъ безъ натяжки . . . .

. . . .

Прошло еще нѣсколько лѣтъ; кресло моей матери пусто, но свѣжая плита въ церковной оградѣ говоритъ о той, которой уже нѣтъ въ живыхъ.

Сестра Лиза уже не суетится въ кухнѣ, въ ожиданіи пріѣзда съ поля любимаго мужа она похоронила его и легла рядомъ съ нимъ въ той же церковной оградѣ.

Мужъ Любы получилъ мѣсто доктора при сахарномъ за-

водѣ въ сосѣдней губерніи и переѣхалъ туда съ семействомъ.

Надя, вскорости по возвращеніи изъ монастыря, вышла замужъ за военнаго; но черезъ годъ овдовѣла, снова вышла за мужъ и умерла.

Вѣра вышла замужъ, противъ желанія матери, (которая однакоже не могла отказать ей въ благословеніи и очень скоро простила отъ души и сошлась съ зятемъ) за инженеръ-технолога, служившаго помощникомъ директора сахарнаго завода у Карамзина и эгоистически наслаждается своимъ счастьемъ.

Константинъ женился за границей на русской, никого не посвятивъ въ тайну своей женитьбы, онъ не пересталъ быть фразеромъ, но утратилъ большую часть прежней прелести.

Нашъ милый, любимчикъ Коля умеръ въ полку (куда я сама ѣздила помѣщать его по желанію матери) оплаканный всѣми.

Василій Матвѣевичъ не дымитъ уже въ уголку своей неугасимой папироской; умеръ и онъ, порадовавшись счастью своего Веньямина-доктора и благословивъ внучатъ.

На обломкахъ прошлаго бодрствуетъ Авдотья Сергѣевна, похоронивъ своего послѣдняго обожателя Гофмана.

Часть вторая.

ГЛАВА I-я.

И вотъ я опять на Южномъ берегу Крыма. Я пріѣхала сюда не съ цѣлью лѣчиться, не съ намѣреніемъ подчиниться общепринятому закону изслѣдованія докторами больныхъ легкихъ и признанія необходимости укрѣпленія ихъ здѣшними цѣлебными бальзамами. Нѣтъ, доктора были и противъ Крыма, и противъ морскихъ купаній, какъ и вообще противъ всякихъ попытокъ возстановить мое здоровье, находя уже излишнимъ посылать меня куда бы то ни было кромѣ „того свѣта". И куда бы я могла поѣхать, не обладая достаточными средствами даже для переѣзда? Но по смерти отца и на мою долю досталось. Это было какъ разъ во время. Мнѣ страстно захотѣлось въ послѣдній разъ передъ смертью окунуться въ морѣ; все равно умирать придется, такъ хоть насладиться по крайней мѣрѣ. А море такъ хорошо! И не безразлично ли для меня, гдѣ бы ни совершился неизбѣжный переходъ изъ одного міра въ другой? Все же какъ-то слаще умирать въ Ялтѣ, чѣмъ въ Обояни или въ Харьковѣ. И махнувъ на все рукою, я полетѣла туда, куда давно влекло меня сердце: къ морю, къ свѣту, къ теплу.

Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ Южный берегъ Крыма былъ поистинѣ Силоамской купелью Россіи. Ялта того времени, менѣе населенная, менѣе застроенная и гораздо болѣе „благорастворенная" отличалась патріархальностью нравовъ, прекраснымъ климатомъ и здоровымъ воздухомъ; все здѣсь цвѣло, благоухало, благодушествовало, дышало жизнью и влекло къ ней. По склонамъ горъ, на вершинахъ ихъ и у подножія, и по всему берегу моря—разсыпались нарядныя,

разноцвѣтныя, разновидныя дачи фантастической и оригинальной архитектуры, съ рѣзными балконами, павильонами, мезонинами, окруженныя массами зелени и цвѣтовъ. Все это улыбалось, манило къ себѣ... Среди кипарисовъ и глициній, среди розъ и магнолій свила я свое гнѣздо.

Воздухъ Ялты и волны ея моря, безъ всякаго участія докторовъ съ ихъ медикаментами, благотворно подѣйствовали на меня; я совсѣмъ поправилась, отдѣлавшись отъ прежнихъ недуговъ, окрѣпла и вся отдалась пріятнымъ хлопотамъ объ устройствѣ своего жилища; особенно поглотили меня заботы о моемъ садѣ. О, сколько ребяческой живости сохранилось еще тогда въ характерѣ моемъ! Трудно повѣрить, что я увлекалась своими деревьями, кустарниками и цвѣтами до такой степени, что вечеромъ, вспомнивъ о которомъ-нибудь изъ нихъ, этихъ вновь насаженныхъ мною собственноручно любимцахъ—я съ фонаремъ бѣжала въ садъ удостовѣриться, живъ ли онъ, не поникъ ли головкой, не поблекли ли на немъ лепестки или листочки, не безпокоятъ ли его муравьи или черви... и я заглядывалась на него, и отдѣляла отъ него насѣкомыхъ; иногда широкимъ листомъ прикрывала, подпорки ставила, или поливала его. Затѣмъ, успокоившаяся, счастливая, какъ мать, убаюкавшая своего птенца—я бѣгомъ возвращалась домой, въ *мой* домъ, гдѣ ожидали меня мои друзья, артисты, поэты, художники, или просто хорошіе интеллигентные люди; гдѣ царила Маша среди своихъ поклонниковъ, беззаботная и, по своему, счастливая *у меня*, въ *моемъ* домѣ (я говорю это съ гордостью!) гдѣ наконецъ мнѣ удалось окружить ее полнымъ комфортомъ и радостями, на которыя она пріобрѣла право своими неусыпными заботами обо мнѣ, когда-то больной, нервной и капризной. Въ Ялтѣ поняла я впервые неотразимую прелесть собственности: я такъ полно наслаждалась тогда всѣмъ, что теперь принадлежало мнѣ, съ такою любовью прикасалась къ стѣнамъ, къ дверямъ, къ мебели, точно я желала убѣдиться, что все это не сонъ. Я такъ радовалась всему своему, какъ не радовался, вѣроятно, никто изъ прежнихъ нашихъ помѣщиковъ обладанію своими тысячами десятинъ земли и сотнями живыхъ крестьянскихъ душъ.

Моя первая, недвижимая собственность и по душѣ избранный кружокъ людей—сдѣлали меня добрѣе, отзывчивѣе, мягче; мнѣ хотѣлось и для другихъ сдѣлать что-нибудь, и другихъ чѣмъ-нибудь порадовать. Съ первыхъ же

дней водворенія въ собственномъ домѣ, я записалась въ члены разныхъ благотворительныхъ обществъ, между прочими и въ общество покровительства животныхъ. Въ этомъ порывѣ моемъ счастливить и людей и животныхъ — право, не было ни тщеславія ни честолюбія, какъ у большинства дамъ; была тутъ наивная вѣра въ возможность творить настоящее добро, приносить существенную пользу; но съ перваго же разу я обожглась. О покровительствѣ животныхъ, даже съ моимъ членскимъ билетомъ въ рукахъ, нечего было и думать, такъ какъ мнѣ пришлось не разъ обращаться съ просьбой о покровительствѣ къ проходящимъ, становившимся невольными свидѣтелями грубаго отпора животнохозяевъ, которымъ я пыталась запрещать тиранить ихъ собственныхъ скотовъ.

Съ благотворительнымъ обществомъ я также разошлась въ очень скоромъ времени Состоя членомъ его, я дѣйствительно и добросовѣстно дѣлала все, что могло служить ко благу неимущихъ ближнихъ. Зная лично многихъ изъ мѣстныхъ бѣдняковъ, я хлопотала о поданіи имъ скорѣйшей помощи, если у самой не хватало средствъ сдѣлать всего. Между прочимъ, лучше и ближе другихъ знала я одну, истинно и безвыходно бѣдную женщину, Марью, призываемую мною часто для поденныхъ работъ. Это была болѣзненная, измученная горемъ и нуждой женщина, подавленная жизнью, но еще не старая; тихая, работящая, выносливая и безропотная. Я знала о ея семейной жизни чрезъ моихъ людей, почему и посылала всегда за Марьей, а не за другой поденщицей: мужъ пьяница, во хмѣлю буянитъ, бьетъ жену и пропиваетъ общій заработокъ; пять человѣкъ дѣтей, малъ мала меньше, и на всѣхъ одна работница, блѣдная, худая, измученная Марья. Вотъ почему я всегда напоминала и просила объ ней, сходясь съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ благотворительнаго общества. Однажды получаю я отъ предсѣдательницы любезное приглашеніе на участіе въ спектаклѣ съ благотворительною цѣлью; я, разумѣется, не колеблясь, согласилась; хлопотала за всѣхъ, помогала переписывать и разъучивать роли, дала свой инструментъ, заставляла спѣваться поющихъ и аккомпанировала имъ; подбирала куплеты, переводя музыку изъ одного тона въ другой; наконецъ взяла на себя какую-то роль въ пьесѣ, не понравившуюся другимъ; такъ что спектакль удался благодаря мнѣ, и сборъ былъ очень хорошъ Въ засѣданіи благотворительнаго комитета представлены были счеты, подве-

дены итоги и оказалось, что на долю каждаго изъ участвовавшихъ въ спектаклѣ причитается по 15-ти рублей на покрытіе издержекъ по спектаклю (т. е. считая извощиковъ, перчатки, парикмахера и т. д.); мнѣ же, какъ распорядительницѣ, кромѣ того дававшей свой инструментъ и затратившей болѣе другихъ,—причиталось около 30 р. Такъ какъ въ засѣданіи я не присутствовала, то мнѣ передала объ этомъ на слѣдующій же день, добрѣйшая В..., кассиръ общества, когда я зашла къ ней и предложила мнѣ получить слѣдуемое. Разумѣется, я отказалась отъ причитавшейся мнѣ суммы, но взамѣнъ ненужнаго мнѣ вознагражденія за данный инструментъ и за сдѣланные расходы, я просила разрѣшенія комитета на выдачу изъ вырученной суммы, единовременнаго пособія извѣстной мнѣ лично женщинѣ (Марьѣ) въ размѣрѣ 15-ти рублей, вмѣсто полагающихся 2-хъ рублей единовременно, такъ какъ съ такимъ малымъ пособіемъ ничего нельзя сдѣлать серьезнаго для нуждающейся и наголодавшейся семьи; тогда какъ 15 р. существенно помогутъ. Милая Вимбергъ была вполнѣ порядочная женщина и не заставила меня тратить словъ по пусту, найдя мое заявленіе вполнѣ резоннымъ; въ доказательство этого, она рѣшилась обойти уставъ, не дождавшись слѣдующаго засѣданія, и горячо сочувствуя всякому доброму порыву, она тутъ же вручила мнѣ 15 р. для передачи бѣдной Марьѣ. Я крѣпко обняла ее и поспѣшила съ добычей своей домой, откуда немедленно послала за Марьей. Она явилась. „Вотъ тебѣ, Марьюшка, отъ спектаклей нашихъ!“ сказала я ей, сунувъ деньги въ руку. Гляжу на нее—а она бухъ въ ноги:—Охъ, спасибо вамъ, матушка, по крайней мѣрѣ въ церковь могу сходить теперь.—„А что же раньше мѣшало?“—Обуви не было, да и обносились мы всѣ, выйти не въ чемъ!—Такъ чтобы она съ 2-ми рублями сдѣлала? Но недолго ликовала я; на слѣдующій же день мнѣ передали, что предсѣдательница сдѣлала бѣдной Вимбергъ строгій выговоръ за своевольное нарушеніе устава. Узнавъ объ этомъ, я воспылала гнѣвомъ и поспѣшила къ В., съ искреннимъ извиненіемъ и съ сожалѣніемъ, что неумышленно навлекла на нее неудовольствіе получить незаслуженный выговоръ; а между прочимъ просила выключить меня изъ членовъ благотворительнаго общества, съ которымъ я, съ этой минуты, прекращала, всякія сношенія. В., улыбаясь выслушала мою горячую тираду и спокойно замѣтила, что на сдѣланный ей выговоръ она не обратила ни малѣйшаго вниманія, такъ

какъ дѣйствовала согласно принципамъ своимъ, не руководствуясь ничьими взглядами и не подчиняясь ничьему вліянію. „По моему ваша просьба была основательна и я исполнила ее", сказала она въ заключеніе. Я уѣхала успокоенной, но тѣмъ не менѣе отказалась взять обратно членскій билетъ свой, оставленный Вимбергъ для передачи предсѣдательницѣ. На другой день является ко мнѣ сама предсѣдательница, княгиня Т..., моя хорошая знакомая, и принимается уговаривать меня отмѣнить мое поспѣшное рѣшеніе выписаться изъ ихъ общества, приводя свои резоны и доказывая, что я не имѣю права лишать общество такого полезнаго члена, какого оно имѣло во мнѣ, и т. д. Я все выслушала, обѣщая не отказываться отъ участія въ концертахъ и спектакляхъ, только не вступая опять въ члены его. Поговорили, пошутили, но я осталась при своемъ. И стала я съ тѣхъ поръ „благодѣтельствовать" самостоятельно, безъ системы и безъ рекламы, т. е. по просту, я старалась утѣшать плачущихъ, кормить голодныхъ, помогать, по возможности, неимущимъ; и не могла отказать какому-нибудь бѣднягѣ, безталанному артисту, въ просьбѣ устроить ему концертъ, чтобы собрать крохи на выѣздъ. Хлопотать о такого рода артистахъ и устраивать имъ концерты было пріятно только въ видахъ оказанія помощи ближнему; удовольствія же отъ нихъ не было никому, ни публикѣ, ни мнѣ. Но попадались и хорошіе артисты, содѣйствовать которымъ доставляло мнѣ истинное наслажденіе. И такъ проходило время, среди концертовъ, спектаклей, съ домашней музыкой въ любительскихъ кружкахъ; и садоводство не переставало играть большой роли въ моей жизни. Домъ мой былъ всегда полонъ квартирантовъ, очень скоро становившихся членами семьи моей; бывали у меня и идилліи, и драмы, и романы, напримѣръ: одна евреечка (изъ интеллигентныхъ), жившая у меня съ теткой, отъ которой ни на шагъ не отходила,—съумѣла таки обмануть бдительность своего аргуса: въ одинъ прекрасный день она тайно выкрестилась, а въ другой, не менѣе прекрасный день, тайно обвѣнчалась съ однимъ молодымъ человѣкомъ изъ русскихъ, котораго онѣ обѣ, и тетка, и племянница, рекомендовали намъ какъ родственника (русскій, родственникъ евреекъ!); и такъ ловко обработали дѣло, что долго никто не зналъ объ этомъ, даже тетка.

Въ числѣ многихъ интересныхъ личностей, жившихъ у меня въ домѣ, я должна прежде всего упомянуть о баро-

нессѣ Ю П. Вревской. Однажды, вернувшись откуда-то домой, уже подъ-вечеръ, я, по обыкновенію, быстрымъ движеніемъ распахнула дверь въ залъ, гдѣ уже кипѣлъ самоваръ на столѣ и Маша ждала меня. Гляжу, на диванѣ сидитъ какая-то незнакомая дама; она встала на встрѣчу мнѣ и первымъ восклицаніемъ ея, вмѣсто привѣтствія, было: ахъ, какъ вы похожи на нашу Государыню въ молодости ея!—на что мнѣ ничего другого не оставалось какъ безмолвно благодарить за комплиментъ.

„А я къ вамъ съ просьбой принять меня на квартиру, да знаете, такъ—чтобы я и обѣдала и завтракала и чай пила вмѣстѣ съ вами, какъ въ семьѣ. Ѣхавши въ Ялту, я мечтала о такой квартирѣ; въ агентствѣ Русскаго Пароходства мнѣ указали на вашъ домъ.“ Услыша эту, вполнѣ любезно оформленную тираду, я, хотя вѣжливо, но категорически отклонила эту честь, ссылаясь на здѣшнюю прислугу, на бѣдность базара и другія неудобства жизни. „Вы увидите, что я очень покойная жилица и совсѣмъ не взыскательная!“ продолжала баронесса, съ сердечной ноткой въ голосѣ. (Знаю я васъ уживчивыхъ и не взыскательныхъ барынь, да еще изъ придворныхъ! шевельнулось у меня въ головѣ). Баронесса просила и убѣждала, я отнѣкивалась, все слабѣе и слабѣе, постепенно поддаваясь обаянію этой женщины и наконецъ мысленно порѣшила: будь что будетъ а я приму ее на квартиру: влечетъ меня къ ней неудержимо.

Кто не слыхалъ о боронессѣ Вревской, и въ высшихъ сферахъ Петербурга и въ горахъ Кавказа? Она была за мужемъ за однимъ изъ Кавказскихъ героевъ, имя котораго и до сихъ поръ числится на ряду симпатичнѣйшихъ и достойнѣйшихъ. Онъ умеръ, и смерть его была тяжелымъ ударомъ для молодой и любящей жены, ничѣмъ инымъ не отразившемся на ней, какъ легкою тѣнью неизгладимой грусти. Любовь къ мужу она перенесла на все человѣчество и всецѣло отдалась служенію ему. Прошло уже болѣе 10-ти лѣтъ послѣ смерти барона Вревскаго, а горе вдовы его было все то же, глубоко затаенное, невысказанное, невидимое, но всѣми ощущаемое. Юлія Петровна была чрезвычайно миловидна, умѣла понравиться всѣмъ, и мужчинамъ, и женщинамъ и дѣтямъ, и всѣхъ она одинаково любила великою, горячею, христіанскою любовью, не дѣлая различія между господами и слугами, между сильными и слабыми. Она рвалась къ людямъ, чтобы помочь имъ, утѣшить или успокоить ихъ; она, какъ бы съ благодарностью принимала

всякій представлявшійся ей случай полѣчить избавить, облегчить ближняго; словно одна эта возможность утѣшить другого облегчала ея собственную муку, давала значеніе и интересъ ея жизни и открывала ей новый, источникъ наслажденій. Всѣ чувствовали это и льнули къ баронессѣ Вревской. Да, она оказалась уживчивой и невзыскательной болѣе того, что она обѣщала: она даже не прочь была помочь намъ иногда по хозяйству, поголодать—при неисправности кухарки, перенести случайное неудобство, но не роптать и не заявлять претензій. И все это выходило у нея такъ естественно, такъ мило!

Незамѣтно для насъ обѣихъ мы сначала сошлись а потомъ подружились, почти не разставаясь во все время ея трехъ мѣсячнаго пребыванія у меня въ домѣ. Помню, какъ горько я плакала за нѣсколько дней до разлуки съ нею! А она подошла ко мнѣ, крѣпко обвивъ меня обѣими руками и прижавшись головой къ плечу моему, и стала тихо, тихо утѣшать меня, уговаривать, думая что я о своемъ горѣ плачу! До своего ли личнаго, было мнѣ, когда я теряла ее, дорогую, незамѣнимую, не предвидя возможности вновь встрѣтиться съ нею! Развѣ для меня, всей душой любящей, это было не то же свое горе? А если бы я могла предвидѣть тогда будущее? Ходили уже слухи о войнѣ, щипали корпію, говорили спичи въ честь братьевъ Славянъ. Какъ и всегда, одинъ вопросъ, вопросъ о братьяхъ Славянахъ—вытѣсняль всѣ остальные; все вертѣлось около этого одного, въ ту минуту интереснаго дѣла. „Я пойду въ сестры милосердія“, сказала мнѣ однажды Вревская, самымъ спокойнымъ тономъ; и я ничуть не удивилась такому рѣшенію: можетъ ли такая женщина какъ она, упустить такой случай какъ война, дающій возможность послужить страждущему человѣчеству? И она пошла за войсками туда, гдѣ ее призывали больные солдатики и гдѣ ее ожидала смерть....

На балконѣ моего дома, въ квартирѣ Вревской, много перебывало великихъ и сильныхъ міра, и интеллигентныхъ людей. Однажды прибѣгаетъ ко мнѣ баронесса, оживленная, улыбающаяся, и схвативъ меня за руку, увлекла къ себѣ: „пойдемъ, пойдемъ, я непремѣнно хочу познакомить васъ другъ съ другомъ.“—Съ кѣмъ?—Но мы были уже на балконѣ; меня любезно отрекомендовали и познакомили съ...

Я протянула руку молодой особѣ, улыбающейся и привѣтливо отвѣтившей на мой привѣтъ. Красота, молодость

и счастье такъ и сіяли во всей особѣ моей новой знакомой: она не могла не быть доброй, судя по первому впечатлѣнію, произведенному на меня; да и Вревская считала ее доброй. Это была невѣста Милана Обреновича, будущая королева Сербіи.

ГЛАВА II.

Жизнь Ялты того времени, ни въ чемъ не напоминала жизнь всѣхъ другихъ европейскихъ курортовъ, потому что здѣсь ровно ничего не дѣлалось для того, чтобы поставить ее на ряду со всѣми благоустроенными курортами, гдѣ жизнь разъ навсегда идетъ въ опредѣленныхъ границахъ, по установленному издавна порядку, въ извѣстной рамкѣ. Здѣсь же предоставлялось природѣ и воздуху лѣчить и развлекать пріѣзжую публику. Вотъ вслѣдствіе чего и являлось это лихорадочное состояніе пріѣзжихъ, не встрѣчавшихъ, по прибытіи на мѣсто, приготовленной для нихъ заранѣе курортной жизни съ ея условными удовольствіями и удобствами, и положительно не знавшихъ, что съ собою дѣлать; разумѣется, всякій старается развлечься по своему и веселиться на тѣ средства, которыя представляютъ ему собственный карманъ или условія здѣшней жизни: то въ горы кинутся вскачь на мѣстныхъ лошадяхъ съ татарами проводниками, первобытными нравами которыхъ восхищаются; то по окрестностямъ мечутся, осматривая все, безъ толку и безъ разбора, порывисто, торопливо; пьянѣя отъ воздуха и безконтрольной свободы, покуда не выбьются изъ силъ и поневолѣ должны будутъ ограничиться ближайшими рессурсами для препровожденія времени; а какіе тутъ рессурсы? на бульварѣ нѣтъ настоящей публики, все больше горничныя да вѣчные татары; музыка плохенькая. Въ клубѣ—ничего; развѣ кто-нибудь неожиданно концертъ дастъ или фокусами удивитъ. И всѣ ждутъ, такъ называемыхъ, пароходныхъ дней, когда приходятъ пароходы изъ Одессы, Ѳеодосіи или изъ Кавказскихъ портовъ. Тогда на пристани—настоящій праздникъ; дамы разряжены по послѣдней модѣ, мужчины также съ иголочки пріодѣты, тонъ самый великосвѣтскій, оживленіе общее и лица радостныя. Всѣ съ

одинаково напряженнымъ любопытствомъ ждутъ прибытія парохода: можетъ быть онъ привезетъ кого-нибудь изъ знакомыхъ, или близкаго, дорогаго человѣка, извѣстившаго телеграммой о своемъ прибытіи. А то и просто посмотрѣть хочется, кто къ кому пріѣдетъ и какъ будетъ встрѣченъ. Вообще, это одинъ изъ немногихъ случаевъ, соединяющихъ публику воедино и дающій ей возможность и себя показать и на другихъ посмотрѣть. Даже музыка въ эти дни не напрасно исполняетъ отборнѣйшія пьесы своего репертуара, и бульваръ удостоенъ посѣщенія. Однажды прійдя, по примѣру прочихъ, на бульваръ, а оттуда на пристань, я обратила вниманіе на одну новую личность изъ пріѣзжихъ: полная, красивая, еще довольно молодая, она напоминала театральную королеву или француженку-пѣвицу, опереточную или шансонеточную. Между тѣмъ держала себя безукоризненно, и, кромѣ наружности да нѣсколько эксцентричнаго туалета, ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ дамъ. Оказалось, что это пріѣзжая, иностранка, поселившаяся на весь сезонъ на одной изъ дачъ, по сосѣдству съ моею: княгиня Русполи, изъ Венгріи. Она, какъ я узнала тутъ же отъ кого-то, отличилась на родинѣ изобрѣтеніемъ какого-то снаряда для укрощенія бѣшеныхъ лошадей на полномъ карьерѣ, за что и удостоилась получить дипломъ отъ австрійскаго императора. Не помню, какъ и при какихъ обстоятельствахъ мы познакомились; вѣроятно при самыхъ простыхъ, такъ какъ сама Русполи держала себя очень просто, не била на эффектъ, ни на что претензій не заявляла, а поступала только такъ, какъ ей нравилось, не заботясь о чужомъ мнѣніи и рѣшительно не понимая выражаемаго удивленія. Она была ровнаго, веселаго характера, любила общество, шумъ и движеніе, но любила и серьезныя занятія. Ея конекъ — была химія, которой она посвящала большую часть своего времени; устроила даже у себя на квартирѣ небольшую плавильную печь, въ которой она изслѣдовала минералы и камни, привозимые изъ дальнихъ и ближайшихъ горъ, не минуя никогда извѣстить меня немедленно о полученныхъ результатахъ. На той же печкѣ княгиня, не стѣсняясь и не конфузясь, готовила себѣ обѣдъ, по венгерски, съ приправой „паприки", и большого количества свѣжаго масла. Если я присутствовала при стряпнѣ, она заставляла меня пробовать свои кушанья, или присылала мнѣ ихъ на домъ. Надо отдать справедливость, что кушанья, изготовленныя княжескими руками, были очень вкусны и я съ удоволь-

ствіемъ принимала ихъ отъ моей новой знакомой. Въ числѣ многихъ безвредныхъ слабостей была у нея страсть къ писанію: она писала мнѣ по нѣсколько разъ въ день, подробно сообщая обо всемъ, случившемся съ ней въ теченіе цѣлаго дня, и сверхъ того распространялась въ описаніи различныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ ею при скитаніи по окрестностямъ или даже дома. А иногда и такъ случалось: въ запечатанномъ конвертѣ получала я объемистое посланіе, начинавшееся такимъ образомъ: „который часъ? мои часы остановились, потому-то и потому-то;“ затѣмъ слѣдовала какая-нибудь необыкновенная исторія или удивительный случай, въ подробнѣйшемъ изложеніи на четырехъ или даже восьми страницахъ. И для этого меня иногда будили чуть свѣтъ! Главнѣйшимъ-же трудомъ ея, предназначавшемся для потомства и для отечества ея—были „Путевыя замѣтки о Россіи“. О томъ же, насколько она была знакома съ Россіей и русскими, равно какъ и съ языкомъ ихъ и нравами, было мнѣ хорошо извѣстно; и я приведу въ доказательство нѣсколько курьезовъ. Руспoли говорила со мною преимущественно по французски, рѣже по нѣмецки, меня же просила учить ее по русски, хотя и увѣряла, что рѣшительно все понимаетъ, только говорить затрудняется. Конечно, я съ радостью принялась за обученіе ея, потому что заниматься съ нею было чрезвычайно весело, и я ее любила. Спроситъ, бывало, по французски: „какъ по вашему сказать „voisin“?—Сосѣдъ, отвѣчаю я. Это цѣлое событіе для нея! Руспoли удивлена до безконечности, точно она открытіе сдѣлала; она обрадована и съ восхищеніемъ восклицаетъ: „Oh que c'est drôle! voisin—assiette!“—Не assiette а сосѣдъ!—Oh, oh, oh, que c'est étrange!“ Заливается Руспoли самымъ искреннимъ смѣхомъ, не слушая меня... Въ другой разъ обращается она ко мнѣ съ просьбой съѣздить съ нею куда-то по близости въ качествѣ переводчика, для покупки куръ на хозяйство. Ѣдемъ.—„Какъ по русски „les poules?“ — Куры. — „Kourri, kourri!“ твердила она задумчиво: „c'est bien. Et le coq donc... oh, je devine, c'est: kourr! monsieur kourr... n'est ce par?“ Каково же ея разочарованіе, когда она убѣждается, что le coq по нашему пѣтухъ!—Ѣдемъ мы дальше; погода была прекрасная но очень прохладная, а мы обѣ легко одѣты. „Dieu! que j'ai froid aux basmaki!“ воскликнула вдругъ Руспoли. Я не сразу сообразила и переспросила: что такое?—„j'ai froid aux pieds, aux basmaki, comme vous dites.“ Не трудно было догадаться,

что она смѣшивала ноги съ башмаками. Я бы должна была уже свыкнуться съ этими сюрпризами, но Русполи такъ забавно коверкала русскую рѣчь, что я долго, долго заливалась смѣхомъ при каждой новой выходкѣ ея. Однажды приходитъ она ко мнѣ съ жалобой на свою горничную, которая, по ея словамъ, оказалась совершеннѣйшею дрянью и сама княгиня уже убѣдилась въ этомъ: „Представьте себѣ, я вчера вечеромъ сама видѣла le grand t ş e r k v a noir, rôdant autour de ma maison!“ и при этомъ, горячится и волнуется ужасно, а я во всѣ глаза смотрю на нее, не понимая, какъ это она могла видѣть большую, да еще черную церковь, бродящую около дома, отыскивая горничную? Насилу-то я добилась, le grand tserkva noir—никто иной какъ нашъ долговязый дьячекъ!

Проведя у насъ все лѣто, объѣздивъ и изслѣдовавъ все, мало мальски достойное ея вниманія и внесенія въ Путевыя замѣтки—княгиня Русполи съ тою же цѣлью отправилась на Кавказъ. Надо было читать ея письма, написанныя крупнымъ, неразборчивымъ почеркомъ, съ кляксами и помарками, въ которыхъ она восторженно передавала мнѣ впечатлѣніе, произведенное на нее дикою, градіозною природою Кавказа и прелестью тамошнихъ ночей! Лежитъ она, среди дѣвственнаго лѣса, въ гамакѣ, прикрѣпленномъ къ вѣковымъ деревьямъ; туземцы, ея проводники и спутники, развели костеръ и разлеглись около него; съ одной стороны на нее вѣетъ ночнымъ холодомъ (да еще осеннимъ,) съ другой—припекаетъ пламенемъ костра; туземцы такіе страшные, суровые, avec ça, armés jusqu'aux dents, ainsi que moi—même!—а кругомъ по лѣсу шакалы воютъ! прелесть невыразимая!

Но внезапно переписка прекратилась и я стала скучать за длинными посланіями милой оригиналки. До меня дошли неопредѣленные слухи о ея смерти; но какъ и гдѣ она умерла я никакъ не могла добиться. Быть можетъ въ пропасть полетѣла, любуясь грандіозною природой или докапываясь минераловъ. А можетъ быть и шакалы растерзали бѣдную любительницу Кавказской природы и живописныхъ ночей!

Пестро и оригинально было пріѣзжавшее въ Ялту на сезонъ россійское общество; а безъ этой пестроты и оригинальности и сама Ялта потеряла бы частицу своей прелести. Столько нашумятъ и намутятъ за цѣлый сезонъ всѣ эти перелетныя пташки, столько заставятъ говорить о себѣ—что много о чемъ поговорить будетъ и впослѣдствіи,

когда все кругомъ уляжется, угомонится, затихнетъ и смолкнетъ, и осиротѣвшая, опустѣвшая Ялта погрузится въ свою гладкую, ровную, будничную жизнь, не нарушаемую никакими безпорядками.

Но ни о комъ не толковали у насъ такъ долго, какъ о наѣхавшемъ кружкѣ *соціалистовъ*, или, вѣрнѣе, соціалистокъ. Главными дѣйствующими лицами и распорядителями въ кружкѣ были: *Ковалевская*, съ маленькой дочкой Галькой, и *Богдановичъ*. Онѣ то вдвоемъ и затѣяли весь этотъ соціализмъ, втянувъ въ него и нашихъ бѣдныхъ учителей, земскаго и городскаго, одну молодую акушерку, одну юную фельдшерицу, да кое-кого изъ пріѣхавшихъ лѣчиться. Въ чемъ состояла собственно ихъ пропаганда, какими идеями они руководились — я рѣшительно отказываюсь опредѣлить, такъ какъ при первой-же моей встрѣчѣ съ Ковалевской на пароходѣ, я порѣшила не заводить знакомства съ этими „идейными", „прямолинейными" и тому подобными „выдающимися" личностями. Богдановичъ показалась мнѣ умнѣе и серьезнѣе прочихъ; она не высказывалась, но чему-то учила чьихъ-то дѣтей и какія-то высокія идеи проводила. За всѣхъ кричала и разглагольствовала Ковалевская, сильно напоминая нигилистокъ стараго времени, въ родѣ Евдоксіи Кукшиной. Спервоначала, многіе изъ моего кружка, хорошіе и разумные люди, присоединились къ этимъ юнымъ носительницамъ новаго флага. Я, собственно, не принадлежала въ Ялтѣ ни въ какой партіи, ни къ аристократической (крайней), ни къ крайне демократической; какъ въ той, такъ и въ другой у меня были не только хорошіе знакомые, но и добрые друзья, составлявшіе мой собственный, излюбленный кружокъ, собиравшійся у меня почти ежедневно, запросто, безъ приглашеній и безъ претензій, какъ бывало во время жизни моей въ полку: зайдетъ кто-нибудь, присядетъ, иногда помолчитъ даже, подчасъ на инструментѣ побренчитъ, коли умѣетъ, а если у кого охота есть завести бесѣду по душѣ или поспорить кое о чемъ—сдѣлайте одолженіе, и потолкуемъ, и поспоримъ, и музыкой займемся: „Скука такая вездѣ, все карты да карты; иду мимо васъ, слышу—мелодія какая-то знакомая; дай-ко зайду да послушаю!... и вотъ я здѣсь, вашъ гость." Такъ говаривали часто мои Ялтинскіе друзья. Но и на нихъ, отчасти, подѣйствовало одуряющимъ образомъ вѣяніе какихъ-то, будто-бы новыхъ идей, распространяемыхъ нигилистками или соціалистками; многіе приняли всю

эту чепуху за наличную монету и стали рѣже заглядывать ко мнѣ, порою откровенно негодуя на меня за мои узкіе взгляды, но я твердо стояла на своемъ; мнѣ были издавна не по душѣ всѣ эти новыя барыни и барышни, всѣхъ видовъ и тоновъ (или лучше сказать одного, дурнаго тона). Тонъ Ковалевской—былъ изъ ряду вонъ дурной тонъ и положительно коробилъ меня. Но всѣ новообращенные стали вскорѣ замѣчать, что все это громкое и серьезно оформленное не имѣетъ ни основъ, ни почвы, ни даже здраваго смысла, и что изъ этого не выйдетъ ничего путнаго. Мало-помалу, мои отставшіе друзья, начали возвращаться въ мою гостиную, къ прежнимъ привычкамъ и вкусамъ, и не безъ нѣкотораго конфуза за свою ошибку. Но Ковалевская съ компаніей не могла примириться съ этимъ „подлымъ отступничествомъ“ своихъ новыхъ приверженцевъ и громко заявляла о судѣ Линча, къ которому намѣревалась прибѣгнуть для отомщенія нанесенной обиды.

Обо мнѣ она отозвалась, по своему, очень лестно: „Эта, по крайней мѣрѣ, поступила честно, заявивъ съ самаго начала, что не желаю, молъ, знакомиться съ такою сволочью; но вы-то всѣ мерзавцы и проч.“ Никто не обратилъ серьезнаго вниманія на угрозы Ковалевской „расправиться съ измѣнниками посредствомъ суда Линча“; но она исполнила „самосудъ“, и когда одинъ изъ выбывшихъ изъ строя проѣзжалъ потомъ въ открытой коляскѣ мимо бульвара, Ковалевская, верхомъ на неосѣдланномъ татарскомъ конѣ, съ нагайкою въ рукѣ, нагнала его и немилосердно отхлестала въ виду всей публики. Къ другому измѣннику, одному изъ учителей, лежавшему въ постели, больному и слабому—она вошла въ спальню со всей своей компаніей и, приставивъ ему къ виску дуло пистолета, заставила его, этимъ мирнымъ способомъ, написать „добровольное“ отреченіе отъ какихъ-то словъ его. Но всѣхъ ихъ выслали наконецъ изъ Ялты административнымъ порядкомъ, продержавъ однако подъ арестомъ.

И среди всего этого оживленія, разнообразія, суеты и смѣха, среди мелодій и цвѣтовъ, вдругъ грянулъ громъ: я получила извѣстіе о смерти матери. Это былъ тяжелый ударъ, потому что я горячо и неизмѣнно любила свою мать; но почему-то, кромѣ естественнаго горя, мнѣ почуялось въ этомъ извѣстіи что-то сверхъестественное и роковое, точно грубый толчокъ судьбы, предостереженіе свыше. Я странно ощутила, что съ этой минуты въ моей жизни порвалось что-то.

И дѣйствительно, съ этого времени стала меркнуть моя звѣзда; все, все, ускользало изъ рукъ безвозвратно. Я поняла, что съ этой минуты, моя личная жизнь, мое прошлое отходятъ далеко, далеко куда-то; и съ палубы парохода увозившаго меня совсѣмъ изъ Ялты, я хотѣла крикнуть покидаемому родному берегу: addio del passato!

ГЛАВА III.

То, что слѣдуетъ по порядку повѣствованія, послѣ моего выѣзда изъ Ялты—не предназначено мною для публики: Какой бы интересъ представили эти строки для читателя, не желающаго всходить во всѣ мелочи и подробности міра, въ который я вошла тогда, дѣтскаго міра, въ которомъ я прожила слишкомъ три года? Ни выдающихся типовъ (кромѣ дѣтскихъ), ни потрясающихъ событій, ни свѣтскихъ драмъ или комедій. Поэтому я и не намѣрена распространяться здѣсь о моемъ крошечномъ мірѣ, замѣнившемъ мнѣ цѣлый большой свѣтъ, съ его крупными интересами и мелкими дрязгами, а только набросаю мелкими штрихами воспоминанія, дорогія и полныя значенія для меня одной.

Изъ Ялты я поѣхала въ Москву и стала искать работы. И вотъ опять вернулась я къ дѣтямъ, всегда любимымъ мною, чтобы укрыться около нихъ отъ горя, постигшаго меня.

Кто не знаетъ, что мы, воспитатели, на руки которыхъ передается дитя, съ его тѣломъ и душею, зачастую являемся единственными вѣрными цѣнителями недостатковъ и достоинствъ этихъ маленькихъ человѣковъ, какъ равно и единственными цѣлителями язвъ, причиненныхъ имъ родительскою властью?

Я попала, такъ сказать, въ разгаръ крѣпостнаго права этой власти надъ дѣтьми. Гувернанки, бонны, учительницы, не желая разбираться въ душенкахъ дѣтей и возиться съ ихъ нравственными недугами или врожденными недостатками, бѣжали съ жалобами къ родителямъ; а разъ родители внесли извѣстную сумму за свой покой и сплавили родныхъ дѣтей въ чужія руки, то они и требовали отъ чадъ своихъ безусловной дисциплины и слѣпаго повиновенія властямъ, поставленнымъ надъ ними для спокойствія ихъ родителей. Для водворенія и упроченія этого драгоцѣннаго спокойствія, брали плеть или розгу и дѣлали

внушеніе! Били дитя, не изслѣдовавъ вины его, не выслушавъ оправданія, а потому только, что гувернанткѣ не угодно было разглядѣть его поближе и удостовѣриться въ его виновности, а легче было обратиться къ отцу и требовать, чтобы онъ строго взыскалъ съ ребенка. Бѣдныя дѣти, бѣдные и родители, которые (т. е. отецъ) любили ихъ! Особенно жалка была одна дѣвочка: ея большіе синіе глаза такъ свѣтло и довѣрчиво глядѣли на меня изъ подъ густыхъ черныхъ рѣсницъ! А ее то и рекомендовали мнѣ родители какъ самый корень зла! „Хоть бы Богъ ее прибралъ! умираютъ же у другихъ людей дѣти, а наши живутъ да и живутъ!" И вотъ эти-то слова, сказанныя родною матерью о 8-ми лѣтней дочери ея, въ присутствіи самаго ребенка—и рѣшили мою и ея участь: я приняла на себя воспитаніе дѣвочки и ея сестеръ и въ самомъ непродолжительномъ времени имѣла возможность показать родителямъ ихъ дѣтей въ настоящемъ свѣтѣ.

Отецъ съ матерью подивились, и сознались, что не ожидали, чтобы Маша въ особенности (8-ми лѣтняя) могла такъ скоро исправиться безъ содѣйствія розги. А когда я, наединѣ, спросила эту самую Машу, полюбившую меня: почему она ни разу не вывела изъ терпѣнія?—она отвѣчала: „потому, что вы не жалуетесь на меня. А прежде меня за все били; мнѣ это надоѣло и я рѣшила, что пусть бьютъ, а я все равно не послушаюсь".

Сколько почтенныхъ наставницъ обрадовались бы такой облегчающей системѣ воспитанія! А мнѣ это было тяжело вчужѣ, и я „взяла" всѣхъ дѣтей, и малыхъ и большихъ, (всего 6 душъ) на свое попеченіе, окруживъ ихъ своею любовью, своими заботами, я привязалась къ нимъ и себя заставила полюбить. Всѣ они были такъ жалко безпомощны, такъ безпощадно гонимы! Боже, Боже! сколько горя я узнала! Дѣтей не поняли ихъ собственные родители, и желая исправить чадъ—коверкали и губили ихъ. Вышло общее недоразумѣніе, общій хаосъ. Но мнѣ не пришлось долго бороться впотьмахъ: мнѣ, любящей, чуткой, отъ всей души желавшей помочь, сразу выяснилась огромная ошибка родителей, не понявшихъ собственныхъ дѣтей.

О, сколько было труда, борьбы и радостей и волненій, сколько счастья, какого не дала мнѣ ни одна любовь!

Но зачѣмъ говорить публично объ этомъ интимномъ мірѣ моемъ, въ которомъ я чувствовала себя какъ жрецъ въ храмѣ своего бога, какъ вѣнценосецъ на престолѣ: вы всѣ,

мои дорогіе птенчики, живы и будете долго жить, чтобы помянуть добромъ ту, которая, по евангельски, клала свою душу за васъ, какъ за самыхъ близкихъ, самыхъ милыхъ. Вы, прочтя эти строки, скажите людямъ про меня, оглянитесь на то, что было въ вашей жизни до меня, сознайте мою любовь къ вамъ—и я буду счастлива этимъ сознаніемъ и воспоминаніемъ о времени, проведенномъ среди васъ—до конца моей жизни. И если изъ васъ вышли такія, вполнѣ порядочныя личности, которыми можетъ гордиться общество—я съ гордостью говорю, что вы, мои дѣвочки, хорошія по натурѣ, и добровольно подчинившіяся моему доброму вліянію, вы все-таки не были бы такими, если-бы, въ ту раннюю пору вашей жизни, подвернулась не я, искавшая забвенія своихъ заботъ въ любви къ ближнему, особенно къ дѣтямъ, а другая, полная желчи и непріязни къ людямъ вообще, а къ дѣтямъ въ особенности, считая ихъ какъ бы отвѣтственными за перенесенные недочеты, и внесла бы въ вашу душу злобу и разладъ, вмѣсто мира и всепрощенія.

Живя въ Москвѣ, я работала до одури, до самозабвенія; и дома, и внѣ дома, и днемъ, и ночью; а вечеромъ спѣшила въ театръ или къ друзьямъ, ища отдыха.

О, С...ко! есть ли, въ цѣлой вселенной, другой человѣкъ, подобный ему? Онъ, всегда любившій меня только дружески, сколько нѣжности и горячаго сочувствія вносилъ въ обращеніе со мной, которая такъ сильно нуждалась тогда въ поддержкѣ, въ ласкѣ, когда, вначалѣ, я такъ безпомощно искала выхода!.....

Сколько было въ немъ бодрящей веселости въ минуты, когда я падала духомъ! сколько женственной мягкости и чуткости. При такихъ условіяхъ мнѣ было почти легко переживать одинъ изъ самыхъ трудныхъ періодовъ моей жизни; благодаря дѣтямъ и С...ко съ К°, я скоро привыкла, сжилась, освоилась и стала забывать; а потомъ, мало-по-малу, сроднилась съ новой обстановкой и крѣпко полюбила мою новую жизнь. Горько, горько плакала я, покидая Москву, для новаго, чуждаго мнѣ края, Тифлиса, куда я рвалась съ идеей миссіи, такъ сказать, и разставаясь съ дѣтьми и друзьями. Эти три года хорошо проведенной жизни, среди хорошихъ людей и еще лучшихъ дѣтей, навѣки останутся въ моей памяти отраднымъ воспоминаніемъ.

ГЛАВА IV.

Говоря о моей жизни въ Москвѣ, я не могу пройти молчаніемъ моего знакомства съ восходившимъ тогда (вначалѣ 70-хъ годовъ) свѣтиломъ нашимъ, Петромъ Ильичемъ Чайковскимъ. Пріѣхавъ въ Москву съ твердымъ намѣреніемъ трудиться, я, между прочимъ, разсчитывала извлечь пользу изъ моихъ музыкальныхъ свѣдѣній. Играла я хорошо, но все же не могла я быть компетентнымъ судьей своихъ собственныхъ знаній и своей умѣлости. И такъ какъ я сообщала обо всякой мелочи своей жизни главному другу своему С...кѣ, то естественно, что въ серьезныхъ поискахъ труда я не дѣлала ни шагу безъ его совѣта. „Я бы хотѣла, чтобы добросовѣстный спеціалистъ сказалъ мнѣ, насколько я гожусь въ учительницы музыки." — Извольте, я подъищу вамъ спеціалиста и въ скоромъ времени предоставлю, — шутя отвѣчалъ С...ко. И спеціалистъ, на котораго онъ дѣйствительно вскорости указалъ мнѣ, — былъ никто иной какъ П. И. Чайковскій, жившій во дворѣ того дома, гдѣ я жила.

Черезъ посредство друзей, я просила Чайковскаго назначить день и часъ, когда бы я, не отрывая его отъ занятій, могла прійти къ нему и показать мои музыкальныя знанія. На слѣдующій же день мнѣ подали визитную карточку.

П. И. Чайковскій будетъ имѣть честь явиться къ Г-жѣ М. завтра въ 11 часовъ утра.—Онъ пришелъ ровно въ назначенный часъ, не заставивъ ждать себя и пяти минутъ.

Впечатлѣніе, произведенное имъ на меня было самое отрадное, несмотря на то, что у него не вились кудри по плечамъ, по артистически, а волоса были коротко острижены и слегка покрыты сѣдиною. Это былъ чрезвычайно симпатичный человѣкъ, кромѣ того—вполнѣ джентльменъ. Тонъ его, элегантно свѣтскій и изящно простой, сразу очаровывалъ. Не знаю, какое впечатлѣніе я произвела на него, такъ какъ мы никогда не вспоминали о нашей первой встрѣчѣ, но я чувствовала что это человѣкъ моего міра, моего воспитанія и моихъ симпатій. Визитъ его, хотя и первый, не показался мнѣ такимъ: мы оба такъ быстро вошли, такъ сказать, въ тонъ и поняли другъ друга, что даже словъ не искали для перваго вступленія, а просто и искренно заговорили, какъ бы продолжая давно начатую бе-

сѣду, вспоминали, шутили, смѣялись, болтали, даже паддразнивали одинъ другого, какъ самые старинные знакомые. Быть можетъ въ насъ и было много общаго не говоря уже объ общихъ знакомыхъ, воспоминаніе о которыхъ сразу поставило насъ на знакомую почву.

Когда ушелъ Чайковскій, пригласивъ меня посѣтить его по сосѣдски—я еще долго оставалась подъ обаяніемъ этой встрѣчи; на слѣдующій же день я сдѣлала ему визитъ „en voisine". Опять онъ говорилъ и я слушала мелодію его рѣчи и я говорила, спѣша высказать мое мнѣніе обо всемъ, наиболѣе интересующемъ меня, чтобы узнать его мнѣніе объ этомъ. Онъ попросилъ меня съиграть что-нибудь для пробы; я исполнила какую-то концертную пьесу, которую Чайковскій молча выслушалъ, стоя около рояля. „Eh bien" pas un mot спросила я робко, не смѣя взглянуть въ глаза великому композитору. Какъ теперь вижу предъ собой это лицо и слышу отвѣтъ: „Bien entendu nos maitres d'ici, au moins pour la plupart... ne valent votre petit doigt"... — Tant que ça воскликнула я, подавленная этой похвалой. Но отчего же тонъ у васъ не такой, какимъ обыкновенно похвалу произносятъ, а точно вы сказать хотѣли... ну, хоть это: удивляюсь, что вы отрываете меня отъ дѣла своими глупостями, да еще добиваетесь мое мнѣніе знать." Чайковскій искренно расхохотался.—„Вы все придираетесь ко мнѣ, и право премило" сказалъ онъ.—Увѣряю васъ, что тѣмъ болѣе я дорожу вашей похвалою, что она не сказана съ паѳосомъ: такой важной похвалы, облеченной въ такую оригинальную интонацію, я никогда не слыхала. je puis donc me lancer? Oh, merci!" сказалъ я, горячо пожимая его руку и собираясь уходить.

Читающіе эти строки могутъ подумать, что у насъ былъ романъ, или, по крайней мѣрѣ, что мое намѣреніе, писавши ихъ, было дать моему разсказу романическую окраску; нѣтъ, это было бы несправедливое сужденіе; свои воспоминанія записываются, прежде всего, для себя, съ цѣлью просматривать ихъ впослѣдствіи, когда отрадно было бы оглянуться на прошлое, да ничего не припомнишь, память притупилась, а все въ головѣ перепуталось. Между мною и Чайковскимъ была только живая симпатія, чувство неуловимое, какъ воздухъ, идеальное и чистое, какъ сновидѣніе; амуровъ не было у насъ, потому что ихъ *не могло* быть... Но тѣмъ то и дорого мнѣ это чисто духовное отношеніе къ симпатичнѣйшему изъ людей. Мы часто видѣлись, и я невольно слѣдила за

его выходомъ изъ дому, зная его привычку: подойдетъ къ окну нашей классной, облокотится на подоконникъ и скажетъ нѣсколько словъ, иногда по итальянски поговоритъ— и уйдетъ въ консерваторію, гдѣ онъ преподавалъ итальянскій языкъ, а я возвращаюсь къ своимъ занятіямъ, прислушиваясь къ удалявшимся шагамъ его.

Такъ прошло нѣкоторое время; весна приходила къ концу и многіе переѣхали на дачи. Однажды я зашла къ Чайковскому, чтобы сказать ему, что и мы уѣзжаемъ черезъ два дня.

А какъ хорошо у васъ! говорила я, окидывая взглядомъ комнату, точно я впервые видѣла ее: зелень, цвѣты, птицы, такъ уютно, свѣжо, радостно... а тутъ и рояль вашъ... Я издали слышу всегда ваши аккорды и стараюсь угадать, что изъ нихъ выйдетъ, какое цѣлое.—„И никогда не угадаете, потому что я все только аккорды беру, но ничего цѣлаго не играю".—Вѣрьте мнѣ или нѣтъ, Петръ Ильичъ, а мнѣ тяжело уѣзжать и думать, что всего этого я долго не увижу.—Мнѣ сдѣлалось грустно, но я никогда не любила предаваться грустнымъ мыслямъ, и такъ сказать: киснуть. „Неправда ли что у меня здѣсь совсѣмъ хорошо?" спросилъ Чайковскій. Обратили ли вы вниманіе на птичекъ, летающихъ у меня по комнатамъ? это маленькіе попугаи," и онъ показалъ мнѣ одну изъ крошечныхъ зеленыхъ птичекъ, сидѣвшую на вѣткѣ.—Хорошо, прекрасно, а все-таки не вполнѣ. Чайковскій встрепенулся, какъ бы слегка задѣтый: „я думалъ, что у меня все есть..."—Недостаетъ одного...—„Чего же, чего? говорите..."—Женщины!— „Oh, quant a cela—jamais!"—серьезно и рѣшительно сказалъ Чайковскій. Черезъ два дня, въ воскресенье, онъ и С...ко зашли ко мнѣ проводить меня. Мы прелестно провели втроемъ этотъ прощальный часъ, по крайней мѣрѣ я съ наслажденіемъ вспоминаю объ немъ со всѣми его мельчайшими подробностями. Пожавъ руку обоимъ, я уѣхала на дачу, гдѣ уже была семья моихъ патроновъ. Леля, старшая ученица моя, съ восторгомъ слушала мои разсказы о Чайковскомъ, передъ которымъ благоговѣла, никогда не рѣшаясь заговорить съ нимъ, когда представлялся случай. „Вѣдь это только вы такая смѣлая, что можете бесѣдовать съ такимъ человѣкомъ, какъ Чайковскій, такъ-же свободно какъ и съ моимъ папой."—О, нѣтъ, гораздо свободнѣе, чѣмъ съ папой, отвѣчала я смѣясь.

Чрезъ нѣсколько дней по переѣздѣ на дачу, хозяйкѣ

дома понадобилось съѣздить по дѣлу въ Москву; съ вечернимъ поѣздомъ она вернулась, и, веселая, оживленная, пришла ко мнѣ въ комнату, гдѣ была и Леля, дочь ея. „Отгадайте вы обѣ, чью свадьбу я сегодня видѣла!“ начала она, обращаясь къ намъ.

— Мало ли людей въ Москвѣ и мало ли кто вѣнчается.— „Нѣтъ, это именно вашъ знакомый женился (она обратилась ко мнѣ), и даже хорошій, очень хорошій знакомый!“ — Не С...ко же? потому что только онъ могъ бы пригласить меня на свадьбу, а другіе и безъ меня перевѣнчаются. — „Не С...ко, а Чайковскій!“ Я и Леля такъ и привскочили.

— Быть не можетъ! — „Какъ не можетъ быть, когда свадьба его была у насъ во дворѣ, во флигелѣ, который онъ занимаетъ, и я сама видѣла, какъ онъ съ молодою женою возвратился изъ церкви, и всѣхъ гостей видѣла.“

На другой день я была въ Москвѣ, и узнала, что дѣйствительно Чайковскій женился, но при совершенно исключительныхъ условіяхъ и неожиданно для самого себя. Послѣ вѣнца онъ уѣхалъ заграницу.

Съ этого времени начинается настоящая слава Чайковскаго, до сихъ поръ больше извѣстнаго и надѣлавшаго много шума своими произведеніями въ Америкѣ, въ Италіи и другихъ государствахъ Европы, но сравнительно еще слишкомъ мало оцѣненнаго въ своемъ отечествѣ. Это была пора его усиленной дѣятельности.

ГЛАВА V.

Изъ Москвы поѣхала я въ Тифлисъ, куда влекло меня къ дѣтямъ, только что осиротѣвшимъ. Одна изъ дѣвочекъ, порученныхъ мнѣ, которой я искренно старалась замѣнить умершую мать — также искренно привязалась ко мнѣ. Отецъ же ея, скоро утѣшившійся въ потерѣ доброй жены, женился на моей подругѣ, Машѣ К., пріѣхавшей въ Тифлисъ повидаться со мною. Послѣ свадьбы ихъ, я съ моей названной дочкой Сашей, падчерицей Маши уѣхала заграницу, гдѣ и пробыла неразлучно съ нею нѣсколько лѣтъ. Объ этомъ пребываніи моемъ въ Италіи, я пишу отдѣльно и подробно въ моихъ *Письмахъ изъ Италіи*.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ мы съ Сашей верну-

лись снова въ Россію, на Кавказъ. Но что сталось съ моей Машей? Она стала генеральшей, настоящей россійской генеральшей; прежняя же Маша, сердечная, порывисто добрая, безпредѣльно любящая—умерла, покрайней мѣрѣ для меня, безвозвратно.

Она была наконецъ у пристани, а всѣ другіе, боровшіеся съ бурными житейскими волнами и даже тонувшіе—перестали существовать для нея. О, какъ горько оплакала я эту нравственную смерть близкаго человѣка! Невыносимо сознаніе такой нравственной утраты, совершающейся на глазахъ.....

Вернувшись въ Россію я какъ бы очнулась отъ продолжительнаго сна. Все время, проведенное заграницей, было посвящено исключительно моей дочери, которую я горячо полюбила; теперь, на родинѣ, я, поневолѣ, должна была заняться моими личными дѣлами, осложнившимися смертью моего мужа.

Ступивъ на родную почву, я сразу ощутила подъ ногами эту милую почву и стала озираться кругомъ, отъискивая всѣхъ, кого я считала болѣе или менѣе близкими и дорогими мнѣ. Прежде всего я написала всѣмъ о моемъ возвращеніи. С...кѣ прежде всего: втеченіе долгихъ годовъ нашей дружбы, между нами никогда не было послѣдовательной, непрерываемой переписки, велась она порывами, все больше я то вдругъ начинала, то неожиданно прерывала ее, а все-таки не надолго: нужда ли придетъ, горе ли одолѣетъ,, я не задаю себѣ вопроса, ловко ли это, не странно ли—и смѣло пишу С...кѣ съ юга Италіи или съ горъ Кавказа долгую повѣсть скорби или перечень разныхъ невзгодъ, не высказанныхъ и гнетущихъ, подчасъ прошу совѣта, а то и просто изливаю душу. И каковы бы ни были его обстоятельства или состояніе духа — мой добрый другъ неизмѣнно отзывался на мой призывъ, не колеблясь, не сомнѣваясь и не упрекая. Если бывало у меня горе, онъ, своимъ неизсякаемымъ юморомъ, издали утѣшалъ меня и поддерживалъ слабѣющій духъ; если нужно было — присылалъ мнѣ работу заграницу. И всегда тотъ же тонъ, та же дружба.

Такъ же точно, послѣ долгой разлуки, во время которой мы не переписывались вовсе,—отозвался немедленно на мое письмо мой милый beau-frére Николай. Да, этого ci-devant принца Джальму, любимца женщинъ и судьбы, порядочно помяло таки горе и эта самая судьба. Когда мы раз-

стались, онъ былъ совершенно счастливъ въ семьѣ; но послѣ перваго ребенка, Саши, у нихъ родилось двѣ дочери; старшей было уже семь лѣтъ, и, какъ говорятъ всѣ, даже мало знавшіе этого ребенка, она была не по лѣтамъ умна и развита. Вдругъ дѣвочка заболѣла и умерла. Лиза, вообще обожавшая своихъ дѣтей, имѣла, кажется, слабость къ этой дѣвочкѣ; когда же дитя это умерло — Лиза не проявила никакихъ признаковъ естественной скорби и даже не заплакала. Можетъ быть это, не вылившееся горе и было причиной того, что она начинала „путаться въ мысляхъ" сначала, а потомъ и въ дѣйствіяхъ, такъ что бѣдняжку пришлось запереть въ домъ умалишенныхъ, откуда вскорости мужъ взялъ ее къ себѣ, долго мучился съ нею и наконецъ, по настоянію докторовъ, признавшихъ ее неизлѣчимой и подчасъ опасной, помѣстилъ на казенный счетъ въ заведеніе для душевнобольныхъ, за Петербургомъ, „на девятой верстѣ" по финляндской дорогѣ. Николай замѣнилъ своимъ дѣтямъ рано отнятую у нихъ мать; онъ воспиталъ и пристроилъ сына и дочь, и теперь нянчитъ ихъ дѣтей съ такою же любовью и съ такимъ же умѣньемъ, какъ прежде няньчилъ своихъ. Картина та же.

Написавъ письма наиболѣе близкимъ людямъ и получивъ отвѣты на нихъ, я стала мечтать о свиданіи съ нѣкоторыми. И вотъ, къ одному изъ первыхъ, по порядку полученныхъ писемъ, поѣхала я, оставивъ Сашу у отца, въ Полтаву, къ старшему брату Маши К. Въ его домѣ, широко раскрывшемъ мнѣ свои гостепріимныя двери, убѣдилась я, что и на мою долю достались добрые друзья, мнѣ было такъ тепло и радостно подъ кровомъ его, какъ будто бы кровъ этотъ былъ мой родной.

Но не на всѣ письма получила я отвѣты, и это огорчало меня. Особенно безпокоило меня молчаніе моего дорогого кузена-красавца Николая. Какъ вдругъ наканунѣ Новаго Года получаю телеграмму: „Сейчасъ выѣзжаю"—и подпись моего любимаго кузена. Все ожило во мнѣ, и дѣтство, и юность, и наши общіе родные, и наша старая дружба; эта короткая телеграмма яснѣе всякихъ словъ говорила о сердечномъ порывѣ, о неугасаемомъ родственномъ чувствѣ.

И я стала поджидать его, съ тревогой, съ волненіемъ, съ несказаннымъ нетерпѣніемъ. Я уже видѣла передъ собою его чрезвычайно красивое лицо, вѣроятно постарѣвшее, но навѣрно сохранившее въ чертахъ что-нибудь прежнее. Отъ волненія я не спала всю ночь. Настало утро, та-

кое чудное, морозное, ясное утро; я не могла усидѣть на мѣстѣ и все къ окнамъ подбѣгала. Наконецъ вижу: у воротъ остановились сани; изъ нихъ вышла высокая фигура, закутанная въ шубу, и черезъ обширный дворъ стала пробираться къ подъѣзду, смѣло шагая по глубокому снѣгу. Я стала у окна и, не отрывая глазъ слѣдила за укутанной фигурой. Звонокъ... отворили дверь... Но вмѣсто знакомаго, дорогого, но немолодаго лица — передо мною открылось юное, улыбающееся, но совершенно чуждое и ровно ничего не напоминающее мнѣ лице,—моего племянника, сына кузена Николая. Мы обнялись. Оказалось, что письмо мое, почему то, было только теперь получено, и тотчасъ по прочтенiи его Николай послалъ ко мнѣ своего сына, не взирая на канунъ Новаго Года! и только потому не самъ прiѣхалъ за мною, что доктора запретили ему выѣзжать зимою. Письмо брата, переданное мнѣ его сыномъ, было самое короткое, за то полное горячаго привѣта: онъ звалъ меня къ себѣ немедленно.

Жаль мнѣ было покидать патрiархальную Полтаву, жаль мнѣ было разставаться съ друзьями... но и туда тянуло: я совсѣмъ не знала семьи брата Николая, ни жены ни дѣтей, Въ ночь, подъ Новый годъ, выѣхала я съ племянникомъ изъ Полтавы, а въ полдень прибыли на станцiю, гдѣ насъ ждали лошади, высланныя за нами изъ деревни. Какъ давно не ѣздила я въ этихъ барскихъ, просторныхъ саняхъ, въ шубѣ и укутанная со всѣхъ сторонъ мѣхами, не ощущая холода, который мѣшаетъ иногда пользоваться вполнѣ прелестью зимней ѣзды. Первый день Новаго Года начинался прекрасно: ни малѣйшаго колебанiя въ воздухѣ, только снѣжная пыль поднимается отъ быстрой ѣзды. Солнце ярко освѣщало снѣжныя поля и весь этотъ роскошный зимнiй ландшафтъ, сверкающiй алмазами и казавшiйся мнѣ невыразимо прекраснымъ, подъ влiянiемъ озарявшаго меня внутренняго свѣта. Мы прiѣхали къ самому обѣду; насъ ожидали и за столъ не садились. Я вошла въ переднюю; но не успѣла переступить ея порога, какъ очутилась въ чьихъ-то крѣпкихъ объятiяхъ и слышала подъ самымъ ухомъ голосъ, полный слезъ; я видѣла передъ собою лицо, хотя знакомое, но невѣдомой мнѣ прежде библейской красоты: снѣжно бѣлые волосы, густые и легкiе какъ пухъ, обрамляли высокое чело и красивое, свѣжее, со строгими чертами лицо моего брата, совсѣмъ не постарѣвшаго (не будь сѣдины); только красота его приняла другой характеръ, она

сдѣлалась еще серьезнѣе, точно классическая какая-то стала; глаза его, огромные и серьезные, сдѣлались еще строже и какъ бы внушительнѣе, та же стройная фигура, только чуть-чуть плотнѣе, и все то же чудное, зототое сердце, сказывавшееся въ горячемъ привѣтѣ давно невиданной родственницѣ. Изъ его объятій перешла я къ женѣ и дочери, тутъ же столпились слуги. Среди всѣхъ ихъ братъ выглядѣлъ древнимъ патріархомъ.

Я очень легко сошлась со всею семьею: да и какъ было не сойтисѣ мнѣ съ ними, добрыми, любящими и баловавшими меня? И я осталась здѣсь до конца зимы, которая въ томъ году была необыкновенно суровая. Большой барскій домъ брата въ деревнѣ былъ кругомъ занесенъ снѣгомъ; службы и вовсе завалены снѣжными наносами. Бывали дни, когда въ хлѣвъ, занесенный снѣгомъ, нельзя было проникнуть иначе какъ сверху, продѣлавъ въ крышѣ отверстіе и оттуда спуская кормъ бѣдной скотинѣ. Не всегда и на почту можно было послать за журналами и корресподенціей; а мы всѣ такъ жадно ожидали ее. Я хорошо помню впечатлѣніе, которое тогда производилъ на меня домъ брата: точно корабль на океанѣ, снабженный всѣмъ необходимымъ для долгаго плаванія, т. е. удобствами, комфортомъ, роскошью, музыкальными инструментами, книгами и нотами, журналами, газетами и самымъ милымъ задушевнымъ обществомъ, по отрѣзанный отъ остальнаго міра.

Часто и подолгу заглядывалась я на брата: я боялась, что не успѣю запечатлѣть въ памяти моей каждую черту, каждую линію этого дорогого лица. Къ несчастью, не смотря на свою бодрую наружность, Николай былъ серіозно и даже опасно боленъ сердцемъ; иногда повторялись припадки, грозившіе непосредственной опасностью. И при мысли потерять его, только что возвращеннаго мнѣ судьбою, мнѣ становилось страшно. Онъ представлялъ собою живой протестъ „непротивленію злу": онъ, напротивъ, всѣми силами противился злу и боролся съ нимъ, готовый положить душу въ борьбѣ за него. Это было непрестанное, неумолчное, неусыпное противленіе злу, всякаго рода.

Особенно въ послѣднее время братъ видимо и самъ ускорялъ ходъ своей болѣзни вѣчной тревогой изъ-за обнаруженія какого нибудь злоупотребленія, изъ за вопіющей неправды, потворства явному злу и т. д. Не было никакой возможности унять его тревогу, урезонить или успокоить его. „Какъ это вамъ легко выговорить: какое намъ дѣло?

значитъ, всякій сколько-нибудь порядочный человѣкъ долженъ преспокойно отойти отъ зла и сотворить благо — въ виду собственнаго, личнаго покоя? по вашему, надо допускать, чтобы негодяи безпрепятственно и безнаказанно совершали мерзости и губили хорошихъ людей—лишь бы мы изъ-за нихъ не тревожились, а помоему мы всѣ должны всѣми силами вооружиться противъ зла и нещадно карать негодяевъ, не заботясь о томъ, какъ это на насъ отзовется и не думая о своемъ драгоцѣнномъ покоѣ."

Въ числѣ друзей Николая было нѣсколько Декабристовъ, и много умныхъ, хорошихъ, выдающихся личностей. Его послѣднимъ любимцемъ и героемъ былъ англійскій генералъ Бутъ (изъ арміи спасенія, литографированный портретъ котораго былъ пришпиленъ къ входной двери его кабинета).

О, какъ любила я его юношеское увлеченіе героями, идеями, добромъ и правдой! Но все это только ускоряло развитіе болѣзни его сердца, такъ что наконецъ доктора строго запретили ему читать что бы то ни было современное, исключая совсѣмъ безсодержательныхъ статей и разсказовъ. И онъ, бѣдный братъ! — скрѣпя сердце подчинился предписанію врачей, искоса и съ грустью поглядывая на получаемые съ почты пакеты газетъ и журналовъ, довольствовался пока чтеніемъ „Плодовъ просвѣщенія", вызывавшемъ на лицѣ его невольную улыбку; и онъ молча указывалъ только пальцемъ на „смѣшное мѣсто".

Прощаясь съ братомъ, передъ отъѣздомъ на Кавказъ, я говорила: до скораго свиданья!—но въ іюлѣ того же года не стало моего добраго друга и брата.

Понадобилось мнѣ въ Москву; прежде всего я поспѣшила къ С...ко; и — о разочарованіе! — я узнала, что онъ въ деревнѣ. За то я увидѣла нѣкоторыхъ изъ своихъ дѣтишекъ: какъ радостна была наша встрѣча! сколько перемѣнъ произошло съ тѣхъ поръ какъ мы разстались, сколько разсказовъ, сколько воспоминаній! Моя маленькая голубоглазая Маша, l'enfant terrible, освобожденная мною отъ крѣпостнаго права, какъ она и сестры ея говорили въ дѣтствѣ, — уже взрослая дѣвица, серьезная, озабоченая жизнью. Да, жизнь оказалась мачихой для моихъ бѣдныхъ птенчиковъ: изъ очень богатыхъ они сдѣлались очень бѣдными; и теперь, эти мои милыя, хорошія дѣвочки, выросшія въ роскоши, пошли смѣло по моимъ стопамъ: онѣ трудятся, съ чужими дѣтьми возятся и любятъ, и жалѣютъ ихъ, какъ и я ихъ любила и жалѣла, и не тяготятся взя-

тымъ на себя бременемъ, какъ и я не тяготилась моимъ. Я пріѣхала въ Москву за нѣсколько дней до смерти ихъ матери: мы простились съ нею со слезами. Леля вышла замужъ; я и въ мужѣ ея пріобрѣла друга.

Межъ тѣмъ дѣла призывали меня въ Петербургъ; въ числѣ другихъ старыхъ знакомыхъ жила тамъ одна старинная пріятельница моя, Юлія Ш. Мы разстались въ Ялтѣ и съ тѣхъ поръ не встрѣчались и не переписывались; но, передъ выѣздомъ изъ Кавказа я написала ей, въ прежнемъ дружескомъ тонѣ, сообщая о моемъ намѣреніи быть въ Петербургѣ. Юлія отвѣчала тотчасъ, дружески приглашая меня къ себѣ. Цѣлый мѣсяцъ провела я въ этомъ туманномъ Петербургѣ, гдѣ, при умѣньѣ, можно такъ хорошо устроить себѣ жизнь, какъ нигдѣ въ провинціи, и дѣла обдѣлать и себя пристроить. Я испытала, между прочимъ, удовольствіе проводить по нѣсколько часовъ ежедневно въ пріемныхъ великихъ міра, съ бумагою въ рукахъ, въ ожиданіи очереди и удачи. За то, какъ сладко отдыхала я подъ кровомъ моей доброй, милой Юліи!

Между дѣлами, поглощавшими всѣ мои дни въ Петербургѣ, меня не покидала мысль съѣздить „на девятую версту" и навѣстить мою бѣдную Лизу. Мнѣ все мечталось, что, авось, можетъ быть, мой голосъ или что-нибудь въ чертахъ моихъ, напомнятъ Лизѣ ея былое, счастливое время и она вдругъ очнется отъ долгаго сна, узнаетъ меня и вернется въ семью. Съ замираніемъ сердца вхожу въ общую залу „тихихъ", и спрашиваю о ней. „А вотъ она, тамъ, сидитъ на скамейкѣ, обхвативъ голову руками. И такъ, какъ видите—постоянно, ни на кого не смотритъ, ни съ кѣмъ не говоритъ." Я поспѣшила въ указанную сторону. Да, тамъ, сидѣлъ кто-то, въ женской блузѣ, широкой и неопрятной, съ головой, обритой какъ у арестанта, съ поджатыми подъ себя ногами, обхвативъ голову обѣими руками и закрывъ ими лицо. Я сѣла рядомъ съ *этимъ*. „Лиза, взгляни на меня, узнаешь ли ты?..." сказала я тихо, и нѣжно прикоснулась къ ней, близко наклонясь къ лицу ея, которое мнѣ хотѣлось разглядѣть. *Это* не шевельнулось, не дрогнуло, но что-то пробурчало про себя, недовольнымъ тономъ. Я продолжала сидѣть рядомъ, бесѣдуя съ другими, подходившими ко мнѣ больными, изъ которыхъ одна въ особенности заинтересовала меня своимъ бойкимъ свѣтскимъ разговоромъ, объясняясь равно хорошо по французски и по нѣмецки, удачно цитируя изъ читаннаго, толкуя Спинозу, Ренана и

др. Но, чѣмъ болѣе она увлекалась бесѣдой, тѣмъ сильнѣе проглядывало въ ея чертахъ болѣзненное волненіе; она начала горячиться, метаться по сторонамъ, сверкая взорами. Кончилось тѣмъ, что она запрыгала козломъ и ее принуждены были вывести. Я пробыла тамъ слишкомъ два часа, добившись одного. Лиза соскучилась приставаньемъ моимъ вдругъ вышла изъ своей апатіи и такъ сильно *двинула* меня отъ себя, что я еле на ногахъ устояла.

Вотъ что осталось отъ моей милой, любимой невѣстки, когда-то умной, образованной, энергичной и любящей! О, какъ отраденъ видъ настоящей смерти, показывающей намъ близкаго человѣка успокоившимся, отдыхающимъ, спящимъ— а не такимъ ужаснымъ, нравственнымъ трупомъ! Мнѣ было невыразимо грустно; и я вспомнила, что изъ двухъ, наиболѣе любимыхъ и близкихъ мнѣ, одна очерствѣла а другая заживо умерла. Стоитъ ли доискиваться, что сталось съ остальными?

ГЛАВА VI.

Возможно ли быть въ Петербургѣ и не посѣтить Іоанна Кронштадтскаго? Мнѣ давно хотѣлось видѣть этого святаго человѣка, слышать его, а по возможности, и говорить съ нимъ. И я отправилась въ Кронштадтъ на шестой недѣли Великаго поста. Ледъ еще держался, но вотъ-вотъ ожидадалась возможность пароходнаго сообщенія. А въ ожиданіи этого счастливаго событія, отъ Ораніембаумскаго вокзала въ Кронштадтъ мы поѣхали моремъ на плохенькихъ саночкахъ чухны. И самъ то чухна былъ плохенкій, плюгавенкій, безсловесный, какъ бы совсѣмъ тупой; а упрямый— какъ дюжина ословъ. Напрасны были бы старанія сѣдока убѣдить чухну въ чемъ бы то ни было: у него словно и ушей нѣтъ, не только слуха, такъ что лучше не терять словъ по пусту. Наконецъ притащились мы въ Кронштадтъ. Городъ хотя и не великъ, но все-таки гостинницы въ немъ есть; но такъ какъ я ѣхала сюда исключительно съ цѣлью видѣть и слышать отца Іоанна, то нѣкіи свѣдущіе люди посовѣтовали мнѣ остановиться у одной, необыкновенно благочестивой вдовы, въ домѣ которой и отецъ Іоаннъ часто бываетъ. Я велѣла везти меня прямо къ ней, тѣмъ болѣе что и домъ вдовы находился недалеко отъ Андреевскаго Собора.

Вездѣ, по дорогѣ къ собору и около указанной квартиры, попадались кучки народа, словно ожидавшаго. Оказалось, по справкамъ, что въ Кронштадтѣ, особенно постомъ, постоянно скучиваются такимъ образомъ люди по дорогѣ, гдѣ долженъ проходить или проѣзжать отецъ Іоаннъ; а такъ какъ онъ ѣздитъ часто, то въ церковь, то изъ церкви, а и въ городъ куда-нибудь—то, такъ сказать, „въ ожиданіи" приходится народу находиться почти постоянно.

Переѣздъ по льду, котораго и не видно подъ сугробами наноснаго снѣга, образовавшими самые отчаянные ухабы,—былъ просто мучительный, тѣмъ болѣе, что насъ пронизывалъ насквозь рѣзкій вѣтеръ, не смотря на наши шубы, платки и одѣяла, кутавшіе насъ. Я, какъ говорится, не чаяла доѣхать до этой обѣтованной, вдовьей квартиры, гдѣ должно быть такъ тепло, уютно и тихо, какъ въ кельѣ; я уже мечтала о блаженномъ моментѣ, когда я наконецъ брошусь на постель, все равно, мягкую или жесткую, лишь бы отдохнуть, согрѣться, а потомъ и къ вечернѣ пойти. Торопливо вхожу въ указанную комнату, да еще переспрашиваю: сюда-ли?

„Сюда, сюда, пожалуйте!"—отвѣчаютъ мнѣ цѣлымъ хоромъ. Но комната полна народа; въ ней двѣ кровати, на одной изъ которыхъ возлежитъ, совсѣмъ одѣтая, пухленькая, коротенькая женщина, лѣтъ подъ пятьдесятъ; а всѣ другія кругомъ нея на стульяхъ размѣстились. Я остановилась на порогѣ, недоумѣвая и не снимая даже шубы. Что-же такое? думалось мнѣ: спрашиваю комнату — меня вводятъ, а люди, наполняющіе ее, и не думаютъ расходиться, даже съ любопытствомъ осматриваютъ меня и не обращаютъ вниманіе на то, что я не снимаю шубы и не сажусь; ведутъ благочестивые разговоры, чай прихлебываютъ съ блюдечка, а на меня—нуль вниманія, какъ говорятъ въ провинціи. Зло меня взяло: что же это за безобразіе такое? и когда же мнѣ объяснено будетъ о моемъ помѣщеніи и о платѣ за оное? Когда и куда я наконецъ сброшу обледенѣлыя одежды мои?! Вездѣ сидятъ и лежатъ; нѣкоторые спятъ. Какой-то молодой человѣкъ, въ родѣ благообразной чуйки, тутъ же бабьи толки слушаетъ и самъ по бабьи болтаетъ. Передъ ликами святыхъ въ большомъ кіотѣ теплится нѣсколько лампадъ (масло изъ нихъ предлагаютъ купить желающимъ; тутъ же продаются пузырьки съ водою, освященною о. Іоанномъ, и портреты его разной величины, вмѣстѣ съ двумя сестрами и отдѣльно) На столѣ красуется ваза съ

фруктами Что за роскошь такая, мелькнуло у меня въ головѣ: неужели въ каждой комнатѣ полагается такая ваза? Оказалось, что да; но свѣжіе фрукты, „освященные батюшкой отцомъ Іоанномъ", предлагались благочестивой публикѣ за извѣстную плату, которую (какъ я потомъ узнала) самъ о. Іоаннъ строго отмѣнилъ, провѣдавъ, что въ подобныхъ вдовьихъ пріютахъ черезъ чуръ нагло эксплуатируютъ религіозный фанатизмъ наивныхъ богомольцевъ, навязывая имъ эти плоды, по 20 коп. за зерно винограда.

Я начинала терять терпѣніе, да и силы мнѣ измѣняли, слезы готовы были брызнуть изъ глазъ; но я сдержалась и только спросила: „гдѣ же, наконецъ, моя комната?"

— „Вотъ кровать, тутъ и спать будете". — Да гдѣ-же? — „Вотъ здѣсь!" — Я хочу лечь теперь же, сейчасъ, я устала! — „Что-жъ, ложитесь!" — спокойно отвѣчала женщина, какъ потомъ оказалось, сама хозяйка, благочестивая вдова; и больше ничего не сказала, и не сдвинулась съ мѣста, чтобы помочь мнѣ лечь.

А это было не легко, взявъ во вниманіе скучившуюся здѣсь пеструю публику, затруднявшую доступъ къ единственной свободной кровати. Насилу могла я добиться, что комната эта уже нанята полностью пухленькой женщиной, которая великодушно разрѣшила хозяйкѣ пустить въ нее и другихъ жильцевъ, заплачено же ею за владѣніе этой комнатой одни сутки—4 рубля! съ меня же, только за кровать на одну ночь, хозяйка взяла еще 50 коп., равно какъ и за право лежать здѣсь же на полу, на стульяхъ, на своихъ узлахъ—взяла она по 50 коп. съ каждой женщины, подобно мнѣ „пущенной" въ эту единственную чистую комнату; а такихъ, какъ я, было нѣсколько, какъ „дамъ", такъ и просто женщинъ.

Наконецъ я могла сбросить съ себя шубу и улеглась на кровати. Сосѣдняя комната была общая и въ ней помѣщались только „простые", платившіе по 25 коп. за ночлегъ. Съ ними еще менѣе церемонились, чѣмъ съ нами; но тамъ было веселѣе, публика была „сѣрая", всѣ быстро становились своими.

Но намъ, въ нашей, биткомъ набитой, но не общей комнатѣ, было не до сна; спать было рано, а къ вечерни идти уже почти время пришло. А въ ожиданіи перваго удара въ колоколъ, завязалась тутъ, кругомъ меня, бесѣда, самая душеспасительная, умилительная, въ которой только двое не принимали непосредственнаго участія: я да еще какая

то дама съ грустнымъ лицомъ. Мы обѣ лежали и слушали. Пухленькая женщина, главная владѣтельница квартиры, захлебываясь, разсказывала о своемъ горѣ и говорила, между прочимъ: „только на батюшку всю надежду возлагаю!“ Имѣетъ она въ Питерѣ прачешное заведеніе, и давателей у нея много, да одна бѣда: люди у нея не живутъ! не живутъ да и только!—Съ чего бы то имъ и не жить у васъ, матушка?—интересовалась какая то богомолка изъ благородныхъ. „Подите, и не разберу никакъ, зло ли у насъ какое или незадача моя. Вотъ помолюсь еще, попрошу батюшку. Всю ночь на колѣнахъ простою, слезами умоюсь...“ и она опять всхлипнула; за нею всхлипнули и другія. Наступило молчаніе. Я собиралась вздремнуть.—„Чаю не хотите ли?“—обратилась ко мнѣ хозяйка оффиціальнымъ тономъ, не то предлагая, не то въ компанію приглашая. Послѣднее вовсе не улыбалось мнѣ, а чаю сильно хотѣлось. Наудачу, я попросила порцію чаю съ хлѣбомъ; подали, но прежде заставили меня заплатить. Видно богомольцы-то здѣшніе жуликъ народъ! Но я обрадовалась возможности хоть чаю то напиться самостоятельно, и я рѣшилась напиться его какъ слѣдуетъ, памятуя, что ужина не полагается желающимъ говѣть. Какъ вдругъ ударили въ колоколъ; всѣ засуетились и меня затормошили; заторопились въ церковь и богомольцы и хозяйка съ домочадцами, надо было уходить поневолѣ, потому что домъ запирать собирались. Дѣлать было нечего, пришлось подчиниться заведенному порядку. Было шесть часовъ пополудни, когда мы вышли изъ дому; батюшка былъ уже въ церкви, какъ намъ сказали, хотя служба еще не начиналась. Я была отчасти довольна, что пришлось прійти заблаговременно, по крайней мѣрѣ можно было занять удобный уголокъ.

Между тѣмъ я разспрашивала пришедшихъ со мной богомолокъ: какъ же на счетъ исповѣди? Самъ ли отецъ Іоаннъ исповѣдуетъ или другому священнику поручаетъ?—„И, барынька, о. Іоаннъ отдѣльно никого не исповѣдываетъ здѣсь, развѣ на дому. А тутъ у него общая исповѣдь бываетъ“.— Какая это общая исповѣдь? — А вотъ погодите маленечко, сами увидите. И Боже ты мой, какія тутъ страсти будутъ! страшный судъ, да и только. До слезъ пронимаетъ, все нутро вывернетъ, вотъ что. Я ужъ, слава Богу, третій годъ сюда пріѣзжаю, а страсть!

„Я вѣрила, что на массу народа производятъ подавляющее или потрясающее впечатлѣніе слова отца Іоанна, я

готова была допустить всякое проявленіе умиленія и даже экстаза, но, чтобы у меня, не носящей на совѣсти никакого особеннаго грѣха, угнетающаго или томящаго мой духъ, чтобы у меня, повторяю, нутро вывернули словами или ревмя ревѣть меня заставили—этого я не могла допустить, и тѣмъ менѣе чѣмъ болѣе меня къ тому подготовляли. Я это сознавала совершенно искренно.

Мало-по-малу церковь стала наполняться; Андреевскій соборъ въ Кронштадтѣ вмѣщаетъ до 5000 человѣкъ. И вотъ наконецъ всѣ они сошлись, слились и сплотились въ одно цѣлое, воодушевленное единымъ духомъ, возбужденное, ожиданіемъ явленія обожаемаго пастыря своего, отца Іоанна!

Я стояла у входной двери, на самомъ отдаленномъ отъ алтаря мѣстѣ, но какъ разъ противъ царскихъ вратъ, съ которыхъ я не спускала глазъ. Испытывая паническій страхъ передъ толпою, я имѣю обыкновеніе избирать мѣсто не вдалекѣ отъ выхода, на случай большой тѣсноты и давки. Поэтому-то, имѣя возможность, въ самомъ началѣ, занять любое мѣсто передъ царскими вратами, я убоялась предстоящей духоты и обратилась вспять къ самому выходу.

И вотъ—отверзлись царскія врата: предъ нами стоялъ о. Іоаннъ Кронштадтскій. Толпа загудѣла почтительно глухо, заколыхалась, заволновалась; все, видимо, рвалось къ нему, любимцу народа и утѣшителю страждущихъ. Отецъ Іоаннъ заговорилъ, отрывисто, повелительно, отчетливо и нѣсколько крикливо: „Не шумѣть!... не волноваться!—успокоитесь!... вы въ церкви.“ Буквально во мгновеніе ока вся пятитысячная толпа замерла, не дохнула; воцарилась глубокая тишина. Воспользовавшись этимъ, о. Іоаннъ заговорилъ о предстоящей исповѣди: „Вы пришли сюда исповѣдоваться въ грѣхахъ вашихъ, да?... а приготовились ли вы къ исповѣди какъ слѣдуетъ? знаете ли вы, къ чему приступаете и сознали ли по настоящему грѣхи свои? Нѣтъ. Вы пришли ко мнѣ на исповѣдь, и на вопросъ мой: чѣмъ грѣшенъ? преспокойно отвѣчаете: всѣмъ, батюшка! Да развѣ это отвѣтъ? развѣ возможно грѣшить всѣмъ? Это доказываетъ, что, принося покаяніе во всѣхъ грѣхахъ, вы неоднаго не сознали какъ должно, не вдумались въ свою грѣховность, а просто, по привычкѣ, чтобы отдѣлаться—не отъ бремени грѣха, а отъ докуки покаянія—говорите, что всѣми грѣхами грѣшны. Если бы вы чувствовали тяжесть собственно грѣха вашего—вамъ не нужно было бы шептать его на ухо духовнику, чтобы люди не услыхали; вы бы

сами; громогласно и добровольно открыли свой грѣхъ передъ цѣлымъ свѣтомъ и во всеуслышаніе принесли бы покаяніе въ немъ. Вотъ къ какой исповѣди я хотѣлъ бы пріучить васъ, я былъ бы увѣренъ, что вы сознаете свои грѣхи и раскаиваетесь въ нихъ." Онъ умолкъ.

Толпа пришла въ волненіе, что то, не то стонъ, не то шепотъ, пробѣжало по ней, и вдругъ, кто то изъ толпы, глубоко проникшись словами отца Іоанна, созналъ, видно, свой главный грѣхъ, мучившій его, грѣхъ юности, быть можетъ, давно забытый и вдругъ теперь неожиданно выяснившійся передъ его духовными очами и уколовшій его совѣсть,—выкрикнулъ его не своимъ голосомъ, гласомъ веліимъ возопивъ: „грѣшенъ, батюшка, помолитесь за меня!" За этимъ первымъ, взмолившимся, грѣшникомъ, взмолился и другой, и третій, и десятый, каждый называя свой грѣхъ и каясь въ немъ всенародно. Вся толпа взбудоражилась, всполошилась, взвыла, застонала, захлебнулась слезами, испуганная сознаніемъ своей грѣховности, обезумѣвшая отъ горя. Тысячи рукъ простерлись къ нему; своему любимому пастырю, моля о заступничествѣ, о прощеніи, о пощадѣ. Изъ стѣсненныхъ грудей вырвались рыданія, изъ трепещущихъ сердецъ выливались несвязныя рѣчи. Одна молодая дѣвушка, напрасно увлекаемая окружающими, по видимому родными или близкими, съ воплемъ рвалась впередъ, высказывая что то и отбиваясь отъ сдерживавшихъ ее людей. Дамы и бабы, мужчины и мужики, наперерывъ исповѣдовались, перебивая другъ друга и наперерывъ умоляя батюшку помолиться за нихъ. Сколько времени продолжалось это, я не могла бы опредѣлить въ точности, думаю, что не болѣе десяти минутъ; но это было что-то ужасное, именно „нутро выворачивающее!" Мнѣ стало жутко, меня обуялъ ужасъ, передъ внезапнымъ сознаніемъ моей грѣховности; я стала вдумываться, вспоминать, судить себя безпощадно; я открыла въ себѣ грѣхи, дотолѣ невѣдомые мнѣ; и вдругъ я почувствовала, что изъ груди моей готовъ вырваться (если я не сдержу его) ужасный, раздирающій вопль и я выкрикну страшный грѣхъ.... какой? я почти сокрушалась, что не существовало этого страшнаго грѣха, который бы я съ такимъ восторгомъ повергла къ стоящему передъ нами, безъ словъ, безъ движенія, но внимающему—послѣдователю Христа.

О. Іоаннъ далъ толпѣ возможность высказаться и наплакаться, затѣмъ онъ, мало-по-малу, успокоилъ и утѣшилъ ее, благословя на предстоящее завтра утромъ, пріоб-

щеніе Св. Таинъ. Мы возвратились домой въ одиннадцатомъ часу; я было собралась ложиться спать на уплаченной кровати, но не тутъ-то было: всѣ богомолки, помѣщавшіяся въ нашей „господской“ комнатѣ, собрались вкупе, и, подъ вліяніемъ только что пережитыхъ впечатлѣній, изливали ихъ другъ передъ другомъ обильнымъ словоизверженіемъ или потоками слезъ. Рядомъ, въ „общей“ комнатѣ, дверь которой не закрывалась для болѣе удобнаго сношенія между богомольцами, разговоры были еще оживленнѣе, умиленіе еще сильнѣе: тамъ были и совсѣмъ простыя бабы.

Кто-то, должно быть фанатикъ-чуйка, выразилъ желаніе бодрствовать всю ночь; любезная хозяйка предложила читать сообща акаѳистъ; всѣ возликовали (кромѣ меня!).

Сама хозяйка стала у аналоя и истала читать вслухъ акаѳистъ Богородицѣ; благочестивая публика сгруппировалась около нея, нѣкоторые подпѣвали. Къ стыду моему, я должна сознаться, что я чуть не разрыдалась отъ досады: какъ-же тутъ, не только спать, но и лежать спокойно, когда все населеніе дома (собралась и прислуга обоего пола!) поетъ и завываетъ въ той же комнатѣ, а хозяйка громкимъ голосомъ отчеканиваетъ слова акаѳиста. Благочестивый чуйка стоялъ все время на колѣняхъ, не переставая усердно молиться вслухъ и пѣть. Молился онъ съ воздыханіемъ, со слезами въ голосѣ, такъ искренне, такъ „аппетитно“, что и я стала увлекаться молитвеннымъ настроеніемъ и воспрянула духомъ, забыла усталость и стала молиться вмѣстѣ съ прочими. Я и не замѣтила какъ пробила полночь, а затѣмъ часъ ночи. Въ которомъ же часу улеглись всѣ, и сколько спали въ эту ночь — не помню. Несомнѣнно одно, что въ 4 часа утра мы были разбужены одною изъ дѣвъ, сожительницъ благочестивой вдовы, которая торопила всѣхъ вставать, чтобы идти въ церковь. Я было пыталась заявить, что еше рано и что я позднѣе пойду; но на меня набросились: „нельзя, нельзя, мы всѣ уходимъ изъ дому и все запираемъ.“ Вотъ и плати за ночлегъ!

Но я успокоивала себя тѣмъ, что всѣ эти испытанія посылались мнѣ въ видѣ искуса, чтобы научитъ меня терпѣть и смиряться, безъ чего страшно приступить къ Св. Причащенію. И я безропотно повиновалась, и наскоро одѣвшись, пошла въ церковь вмѣстѣ съ другими. О. Іоаннъ уже пріѣхалъ; но къ народу еще не выходилъ и службы не начиналъ. Народу все прибывало и церковь быстро наполнялась; когда же началась обѣдня, то въ самую церковь

не было возможности пробраться и я, въ числѣ многихъ другихъ, оставалась въ притворѣ. О тѣснотѣ и говорить нечего, а духота была до того невыносимая, что здоровенным мужикамъ дѣлалось дурно. Послѣ „Достойной“ и у насъ въ притворѣ начали поговаривать о попыткахъ пробраться къ причастію, и нѣкоторые пошли на проломъ. Я была такъ испугана этою сплошною массою народа, ждавшаго очереди принять причастіе изъ рукъ самого о. Іоанна, что и думать не смѣла добиться этого и самой. Поэтому я хотя и вышла изъ притвора за другими, но робко остановилась у входной двери и безпомощно смотрѣла на колыханіе толпы; и усталость давала себя чувствовать. Гляжу—отверзлись Царскія врата и вышелъ о. Іоаннъ съ чашею въ рукахъ; все ринулось впередъ; но были заранѣе приняты строгія мѣры для сохраненія должнаго порядка; и самъ о. Іоаннъ по временамъ покрикивалъ на тѣхъ, кто слишкомъ нагло пробивалъ себѣ дорогу, безъ церемоніи напирая на другихъ.

Одновременно со средними вратами отверзлось и двое боковыхъ; отецъ Іоаннъ обратился къ народу: „Не давите другъ друга... пропустите тѣхъ, кто издалека пріѣхалъ.. не бойтесь, хватитъ причастія на всѣхъ... кого не причащу я—тѣхъ причастятъ другіе два священника... все равно, я готовилъ причастія на всѣ три чаши.“ Уже давно подходилъ народъ къ причастію; я не смѣла и надѣяться, что доберусь до цѣли; но, машинально движимая впередъ напиравшею на меня сзади толпою, я незамѣтно очутилась около причащаемыхъ. Тутъ давка была ужасная, не смотря на цѣпь солдатъ, и мѣры, принятыя полиціей; не взирая на близость и возможность, я, положительно, не имѣла духу лѣзть впередъ. Тогда подошла ко мнѣ одна изъ дѣвъ и увидя меня почти у цѣли, но не двигающейся съ мѣста, она воскликнула: „Чего жъ вы остановились? идите смѣло впередъ!“—и при этомъ помогла моему движенію впередъ. И вотъ—я причастилась!

Достигнувъ цѣли, я уже не заботилась ни о чемъ другомъ и отправилась на квартиру чай пить. О. Іоаннъ оставался еще въ церкви, удаляясь послѣ обѣдни въ ризницу для разбора полученныхъ на его имя писемъ и телеграммъ. Пробѣжавъ одну изъ нихъ, онъ сказалъ своему псаломщику что черезъ часъ ѣдетъ въ Петербургъ. Но прежде поѣхалъ по квартирамъ больныхъ и страждущихъ, пріѣхавшихъ въ Кронштадтъ издалека, собственно съ цѣлью видѣть о. Іоанна.

Послѣ обѣдни, когда всѣ вернулись изъ церкви и занялись на свободѣ чаепитіемъ въ „общей“, я услышала, между прочимъ, интересный разсказъ одной богомолки: шла она къ причастію, съ трудомъ пробивая себѣ дорогу сквозь толпу; рядомъ съ ней шла товарка ея. Вдругъ подойдя уже довольно близко, товарка подняла голову и увидѣвъ передъ собою отца Іоанна возопила: батюшка! помилуй! я украла деньги! (у товарки, шедшей рядомъ съ нею) и тутъ-же обратилась съ повинной къ бабѣ: прости меня, грѣшную, ради Господа Бога! вотъ твои деньги, возьми ихъ!... и она сунула ей въ руку только что украденную, во время давки, десятирублевку.

Передъ отъѣздомъ, благочестивой чуйкѣ вздумалось пѣть духовные гимны.—А вотъ я васъ утѣшу на прощанье духовнымъ пѣніемъ: рѣдкостные стихи! любезно предложила хозяйка, въ благодарность за то, что чуйка то и дѣло раскошеливался: то масла изъ лампады купитъ, то воды освященной, то фруктовъ. И собравъ своихъ дѣвъ (трехъ или четырехъ) хозяйка затянула съ ними какой-то унылый мотивъ. Я записывала рѣдкостные стихи, насколько могла уловить слова. Вотъ что онѣ пѣли:

Вы луга мои и рѣчки,
Рцыте вашему Творцу
Не видалъ ли онъ овечки,
Гдѣ найти ее могу?

. . . .

Услажденна ты собою
Хочешь ты меня забыть?

. . . .

Провожу я дни златые
Не вздыхая, не стеня,
Коль не будешь услажденна
Внутреннею тишиной
Будешь мною утружденна.....

. . . .

Единись скорѣй со мною
Тѣмъ спасешь ты жизнь свою.

. . . .

Но любя тебя сердечно
Я готовъ тебѣ простить.....

Вдругъ, среди всеобщаго умиленія, въ толпѣ внимающихъ и поющихъ, пронеслась радостная вѣсть: батюшка

пріѣхалъ!... Вошелъ въ комнату о. Іоаннъ; все кинулось къ нему: хватали его за руки, за полы одежды, падали на колѣни, выли, кричали, просили. А онъ, спокойно обходилъ этихъ, смиренно склонившихся предъ нимъ людей, кротко увѣщевая, успокоивая, раздавая деньги, ни на мигъ не теряя терпѣнія. Кинулась къ нему и пухленькая женщина, моля помочь ея горю: люди не живутъ! всхлипнула она. Батюшка наклонился къ ней, положилъ руку на голову ея, заглянулъ въ лицо этой 50-ти лѣтней женщины и слегка насмѣшливая улыбка скользнула по кроткому лицу его, когда онъ переспросилъ пухленькую богомолку: дѣти не живутъ?—Другая, совсѣмъ молодая женщина, схватила его руку и приложила къ своему уху: все жужжитъ у меня въ ухѣ, батюшка, дайте ручку, авось полегчаетъ! — И это не возмутило о. Іоанна, который не отнялъ руки, но что-то сказалъ вполголоса глупой женщинѣ, кажется посовѣтовалъ ей больше Богу молиться.... Онъ удалился, оставивъ послѣ себя какъ-бы свѣтлый слѣдъ; всѣ были тронуты. И вдругъ какъ-бы очнувшись послѣ сладкаго сновидѣнія, всѣ засуетились, зашумѣли и стали разъѣзжаться. Я вернулась въ Петербургъ.

ГЛАВА VII.

Прошло слишкомъ десять лѣтъ, послѣ моего отъѣзда изъ Москвы въ Тифлисъ, и еще болѣе — послѣ первой моей встрѣчи съ Чайковскимъ, воспоминаніе о которомъ особенно живо пробуждалось во мнѣ каждый разъ какъ я слышала или исполняла его музыкальныя произведенія. Это было воспоминаніе неуловимое и грустное, точно между нами осталось что то недосказанное и хотѣлось что то выяснить. Наше дружеское отношеніе прервалось неожиданной разлукой, словно дикимъ аккордомъ, какъ будто струна лопнула. Но другія отношенія, обязанности и привычки отвлекали меня настолько отъ этого прошлаго, что хотя я и собиралась сотни разъ, но ни одного раза не исполнила намѣренія написать Чайковскому. „А вотъ увидимся, обо всемъ переговоримъ, думалось мнѣ въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ; и я шла за увлекавшимъ меня строемъ или вихремъ жизни.

Такъ было и теперь, въ этотъ, во многихъ отношеніяхъ знаменательный для меня 1893 годъ, когда я порѣшила повидаться съ Чайковскимъ. Я жила въ Полтавѣ, опять-таки въ домѣ Машинаго брата, среди развалинъ прошлаго величія моего веселаго дѣда, около домовъ, принадлежавшихъ когда-то ему, но давно перешедшихъ въ чужія руки. Все кругомъ меня говорило о далекой старинѣ, о быломъ, невѣдомомъ мнѣ но дорогомъ по разсказамъ современниковъ: вотъ домикъ Котляревскаго, друга нашей семьи, т.-е. семьи дѣдушки, бѣдный, забытый домишко, крытый соломой, на который едва-ли кто обратилъ вниманіе, кромѣ меня, искавшей его между группами подгородныхъ домиковъ, и подолгу застаивавшейся на горѣ, за соборомъ, гдѣ когда-то была бесѣдка (а теперь другая!), думая свои думы, при видѣ этого, болѣе чѣмъ скромнаго жилища извѣстнаго человѣка. Внизу, синей лентой протекала Ворскла, а вправо, на Подольской горѣ, утопавшей въ зелени, я старалась припомнить изъ воспоминаній дѣтства, тотъ уголокъ земли гдѣ стоялъ дѣдушкинъ домъ, въ которомъ родилась мать моя. Но ничего не могла я вызвать изъ моихъ воспоминаній о слишкомъ раннемъ дѣтствѣ, когда мнѣ, еще не умѣвшей читать—а читать научили меня очень рано! мать показывала разныя картинки и между прочими видъ Полтавы со стороны Подольской горы, откуда и соборъ былъ виденъ, и всегда говорила, указывая на одну точку: здѣсь нашъ домъ стоялъ, и я тамъ родилась. И вотъ этой-то самой точки я никакъ не доискивалась! и все-таки ходила туда, останавливаясь на каждомъ шагу и все надѣясь: авось вспомню—но не вспоминала а только любовалась этой картиной, привлекавшей меня.

Здѣсь, въ Полтавѣ, все было мнѣ родное и близкое: и старые пріятели, и новые знакомцы, и родные и потомки дорогихъ людей. Самая патріархальность и простота нравовъ, самый, ненавистный мнѣ всюду провинціализмъ—пріобрѣтали въ моихъ глазахъ, на этой родной почвѣ, какую-то наивную, первобытную прелесть. Словомъ, меня никуда не тянуло отсюда, и думать о далекихъ друзьяхъ я могла здѣсь безъ тоски. Но дѣла, это темная сторона жизни, по неволѣ заставляютъ оторваться отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ, и скакать, стремительно скакать, въ вагонѣ, на пароходѣ, переживая дорожнія невзгоды, перенося усталость и отсутствіе всѣхъ домашнихъ предметовъ, столь необходимыхъ намъ; сталкиваясь подчасъ съ враждебными

элементами, которыми преисполнены вагоны и пароходы, гдѣ каждый, болѣе или менѣе, чувствуетъ особенно сильно, что онъ не дома и долженъ подчиняться всему. Но за то бываютъ въ вагонахъ и на пароходахъ хорошія встрѣчи.

Однажды, вначалѣ октября злополучнаго 1893 года выѣхала я изъ Полтавы; въ вагонѣ, на диванѣ противъ меня, сидѣла дама, изъ интеллигентныхъ и великосвѣтскихъ, какъ я сразу смѣкнула. Когда мы съ нею пересѣли на пароходъ и размѣстили багажъ, я расположилась съ книгами и тетрадями у стола въ дамской каютѣ; у того-же стола, также съ книгами, помѣстилась и спутница моя. Долго мы занимались молча, наконецъ за чаемъ разговорились. Намъ предстояло оставаться вмѣстѣ до Кіева.

Слово за слово, рѣчь зашла о Полтавской выставкѣ картинъ; дама разсказывала о ней, называя нѣкоторыя картины, особенно заинтересовавшія ее; я — только глазами хлопала, какъ говорится, не имѣя ни малѣйшаго представленія объ этой выставкѣ, мимо которой проходила ежедневно, не намѣреваясь даже заглянуть во внутрь деревянной ограды, окружавшей передвижную выставку на Петровской площади, положительно въ двухъ шагахъ отъ дома, гдѣ я жила. Куда же мнѣ, посѣщавшей картинныя галереи цѣлой Италіи, видѣвшей картины лучшихъ мастеровъ и въ Мюнхенѣ, и въ другихъ городахъ Европы—снизойти до какой-то передвижной выставки въ Полтавѣ! Но дама была крайне заинтересована сюжетомъ одной картины художника Мясоѣдова и убѣдительно просила меня побывать на выставкѣ и узнать все, касающееся сюжета этой картины, сообщивъ ей по данному мнѣ адресу. (Я узнала впослѣдствіе, что картина изображала чтеніе Крейцеровой Сонаты въ Полтавѣ) Я обѣщала и твердо вознамѣрилась исполнить данное слово. Но, вернувшись въ Полтаву черезъ нѣсколько дней, я, хотя и не раздумала пойти на выставку, но все откладывала со дня на день. Въ половинѣ октября, одна изъ знакомыхъ зашла къ намъ и стала уговаривать идти вмѣстѣ на выставку; погода была прекрасная, отговариваться было трудно, и я согласилась идти въ компаніи на выставку. Я не знала выставленныхъ картинъ и каталога не читала. Передо мной открыли дверь, я вошла первая..... и, чуть не съ крикомъ (если-бы я имѣла привычку вскрикивать) откинулась назадъ.—Что съ вами?—спросили меня. „Чайковскій!“ прошептала я, подойдя къ портрету его, на которомъ онъ былъ изображенъ какъ живой во весь ростъ,

съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто губы его произносили слова а не были безмолвно сжаты. Это неожиданное появленіе предо мной Чайковскаго, точно шедшаго мнѣ навстрѣчу, произвело на меня впечатлѣніе призрака, вышедшаго изъ мрака прошлаго, чтобы напоминать о себѣ. Будь это вечеромъ, и не при такой обстановкѣ это было бы понятнѣе; но днемъ, въ какомъ то балаганѣ, безъ всякихъ эффектовъ и даже не эффектно, испугаться обыкновеннаго портрета, потому только, что онъ изображаетъ знакомаго—было по меньшей мѣрѣ странно. Но еще страннѣе, что впродолженіе цѣлаго дня я не могла отдѣлаться отъ гнетущаго впечатлѣнія и какого то тоскливаго ощущенія. На другой день, когда я открыла газету, первая попавшаяся мнѣ на глаза статья была о Чайковскомъ и объ оваціяхъ, сдѣланныхъ ему въ Петербургѣ. Спустя нѣсколько дней приходитъ изъ клуба К. и въ числѣ важныхъ новостей сообщаетъ о смерти какого то извѣстнаго лица. „Хотѣлъ запомнить его имя, чтобы вамъ сообщить а теперь хоть убейте не помню кто!“—Не Чайковскій-ли? почему то спросила я, хотя никакихъ данныхъ для этого не было и я не знала о предшествовавшей его смерти болѣзни. „Онъ, онъ самый!“ воскликнулъ К. но почему это вы сразу угадали? у насъ въ клубѣ всѣ поражены неожиданною смертью Чайковскаго. — Да, почему я не задумываясь угадала, что именно онъ умеръ? я и сама не съумѣла бы объяснить это. Со многими, какъ напр. со Стороженко, я дружна полжизни моей, я привыкла считать его другомъ и быть другомъ ему; мы часто сталкивались въ разные періоды жизни, при различной обстановкѣ; и уважать и любить его привыкла я издавна. А Чайковскій? мы были знакомы всего два — три мѣсяца, и никакихъ, собственно говоря, серьезныхъ, опредѣленныхъ дружескихъ отношеній между нами не было, не успѣло установиться; а между тѣмъ, повторяю, я никогда не забывала Чайковскаго, и постоянно стремилась повидаться съ нимъ еще разъ въ жизни, и все откладывала. Вотъ то-то и дѣло, что не слѣдуетъ откладыватъ въ долгій ящикъ!

VIII.

Во времна приснопамятныхъ 60-хъ годовъ, когда въ Россіи шевелилось такъ много дремавшихъ силъ, даже и въ Полтавѣ отозвалось это общее пробужденіе, и тутъ закопошились граждажне, какъ бы протирая глаза отъ долгаго сна. Движеніе это проявилось на національной почвѣ и было окрещено кѣмъ-то меткимъ именемъ хохломаніи. Молодежь обоихъ половъ вдругъ облеклась въ мужицкое платье, чтобы, такъ сказать, подойти поближе къ народу, который почему-то сталъ такъ особенно любезенъ и дорогъ сердцу этой „дѣйствовавшей“ молодежи; но какъ и слѣдовало ожидать, всѣ эти барскіе „подходы“ и попытки къ сближенію, вызвали только въ простомъ народѣ довольно презрительную усмѣшечку, въ которой сказалось полнѣйшее недовѣріе ко всѣмъ этимъ дворянскимъ затѣямъ. Такъ однажды, въ богатомъ селѣ на ярмаркѣ, появилась кучка учащейся молодежи изъ мѣстныхъ панскихъ семей и аристократическихъ барыщень — наряженныхъ въ настоящій малороссійскій костюмъ (очень дорого стоившій каждому изъ нихъ); всѣ эти ряженые разбрелись по селу, около ярморочныхъ балагановъ, съ цѣлью дѣйствовать. И вотъ, для начала, одинъ изъ юныхъ героевъ уговорилъ продавца въ балаганѣ, уступить ему на часокъ свое мѣсто за прилавкомъ, на что получилъ согласіе и принялъ подходящую случаю позу. Конечно, имѣлось въ виду сближеніе съ народомъ,—ужъ гдѣ тамъ торговать?— и съ этою цѣлью сталъ баричъ умныя рѣчи вести, пересыпая ихъ шуточками и прибауточками, просто балагурилъ, Бабамъ это по душѣ было и онѣ откликнулись дружнымъ хихиканьемъ, отвѣчая шутками на шутки, и принимая все это дѣло какъ бы за балаганное представленіе. Барина-то всѣ знали и польщены были его „вниманіемъ“, такъ по крайней мѣрѣ, поняли онѣ его пребываніе за прилавкомъ. Но когда одна изъ женщинъ, пришедшая на ярмарку изъ другого села съ исключительною цѣлью закупить кое чего для дома, ничего не вѣдая о выдумкахъ молодыхъ пановъ — обратилась къ продавцу (не подозрѣвая, что это переодѣтый панъ) съ требованіемъ нужнаго ей товара, а тотъ, наугадъ, подалъ ей не то, сказавъ невозможно высокую цѣну, просто по незнанію; вѣдь думалось-то благурить съ народомъ, а не торговать взаправду — то баба пресерьезно ругнула его, совсѣмъ по мужицки, по

хохлацки: экую, молъ, цѣну заломилъ, такой-сякой. Тогда народникъ, забывъ и великія цѣли и важную роль свою, пришелъ въ неописанное негодованіе и прикрикнулъ на бабу: „Ахъ ты, браниться со мной! не видишь, дура, съ кѣмъ говоришь!“ на что баба, ни мало не смутясь, спокойно извинилась, замѣтивъ въ свое оправданіе, что она не знала, что за прилавкомъ баричъ сидитъ, а думала, это свой братъ хохолъ.

А ряженыя барышни съ ряжеными кавалерами своими сидѣли на заваленкахъ и шикарно грызли подсолнечныя сѣмечки, ловко сплевывая ихъ и бесѣдуя между собою на малороссійскомъ діалектѣ. Подсаживались къ нимъ и настоящіе парни, при-чемъ выходили экивоки, заставлявшіе краснѣть ряженыхъ барышень. Въ заключеніе отжившей маніи, члены патріотическаго кружка вздумали устроить погребеніе малороссійской мощи; съ этою цѣлью они организовали торжественную процессію, долженствовавшую изобразить погребеніе „идеи“, наглядно представленной дубомъ, какъ наиболѣе дававшимъ понятіе о силѣ. Опуская въ могилу свое дѣтище, т. е. дубовый обрубокъ, члены патріоты говорили приличные обстоятельству спичи и наивно воображали, что они стоятъ за Малороссію.

Полтава—сонное царство; спитъ ея торговля, спятъ ея улицы, ея общественная жизнь, ея цивилизація. Но во всѣ времена бывали тутъ люди, шевелившіе это общество, будившіе его дремавшія силы и толкавшіе ихъ впередъ, различными путями и средствами.

Когда хохломанія отжила свое время, то на опустѣвшее мѣсто ея стали появляться разныя другія силы, выдвигались на первый планъ лица, около которыхъ быстро группировались лучшіе члены общества, образовывая кружки, соединенные одними интересами, одними взглядами. Много ихъ перебывало здѣсь. Прошумѣло было и нигилистическое движеніе, захватившее сливки здѣшняго общества; я была еще слишкомъ неразумна тогда, и не могла вникать въ смыслъ какого бы то ни было движенія.

Пронесся и этотъ вихрь, по счастью, безслѣдно; налетѣло еще нѣсколько, менѣе значительныхъ и даже не всѣми замѣченныхъ.

За послѣдніе годы, (конца 80 и начала 90) направленіе различныхъ здѣшнихъ кружковъ стало принимать все болѣе и болѣе опредѣленныя формы, и наконецъ выдвинулось впередъ подъ наименованіемъ „толстовщины“. Находясь

въ Полтавѣ, я наслушалась самыхъ разнообразныхъ толковъ объ этомъ своеобразномъ обществѣ. Мнѣ хотѣлось самой убѣдиться въ значеніи его и выяснить себѣ, что такое за люди, именуемые толстовцами? мало ли что говорятъ о нихъ, а вдругъ это совсѣмъ не то?

Толстовцы... люди не какъ всѣ... странные какіе-то, особенные. Должно быть въ родѣ нигилистовъ, во всякомъ случаѣ—чудаки, это ужъ по всему видно и несомнѣнно

— Такъ, познакомьтесь съ ними и убѣдитесь сами, что они изъ себя представляютъ,—совѣтовали мнѣ тѣ изъ знакомыхъ, которымъ было кое-что извѣстно о толстовцахъ, о странностяхъ и чудачествахъ этого отдѣльнаго общества среди общества нормальнаго.

„Но гдѣ же я могу познакомиться съ ними?" спрашивала я, въ высшей степени заинтересованная нѣкоторыми подробностями ихъ жизни и правилами, которыми они руководились.

— Какъ гдѣ? прямо къ нимъ и идите.

„Ну, ужъ это совсѣмъ не годится: не звѣри же они заморскіе, чтобы на нихъ идти глядѣть".

— Что тутъ толковать много,—вмѣшался въ разговоръ пріятель мой К.—дѣло-то совсѣмъ простое: зайдите въ мастерскую Ф., одного изъ главныхъ членовъ и крупныхъ представителей толстовщины; онъ столяръ по ремеслу, вамъ, положимъ, пяльцы нужны. Пожалуй я и самъ пойду, будто-бы для того, чтобы пяльцы заказать для жены, и попрошу его зайти сюда за моделью. Вы дадите ему свои? Вотъ и все. А тамъ какъ знаете.

К., не откладывая, отправился — это было по близу отъ его квартиры—и скоро вернулся съ самимъ Ф.

Это былъ человѣкъ лѣтъ 30, высокаго роста, въ армякѣ поверхъ ситцевой рубахи, такъ какъ дѣло было лѣтомъ. Лицо у него было хорошее, совсѣмъ не мрачное, какъ я воображала, и, такъ сказать, не принятое вмѣстѣ съ костюмомъ рабочаго, а веселое, открытое, улыбающееся, обрамленное русыми кудрями, слегка вившимися. Глаза его—искренно, привѣтливо и дружески взглянули на меня, когда онъ при входѣ протянулъ мнѣ руку. Онъ весь былъ такъ правдиво простъ, что я не могла не сказать ему такъ же правдиво и просто, глядя ему въ глаза: „Хотя мы съ вами и различно смотримъ на вещи, но если не станемъ мѣшать другъ другу глядѣть на міръ по своему, то навѣрно будемъ друзьями". И Ф. принялъ мои слова именно такъ,

какъ я хотѣла, чтобы они были приняты, т. е. не такъ какъ пустую фразу.

— Что-жъ — будемте друзьями, я очень радъ!—поспѣшилъ онъ отвѣтить весело и вмѣстѣ съ тѣмъ тепло, крѣпко пожавъ мнѣ руку, какъ бы для заключенія этого союза дружбы.

И дѣйствительно, мы тогда же подружились, съ первой этой встрѣчи попавъ, такъ сказать, въ настоящій тонъ и уже не измѣняя его. И не было никакого желанія перемѣнять этотъ хорошій тонъ (не bon ton, однакожъ) на другой какой нибудь, лучшій, не чувствовалось ни потребности, ни необходимости рыться въ чужой душѣ, въ которой и безъ того все было ясно, откровенно. Мой новый другъ не проповѣдовалъ никакихъ истинъ и никогда не покушался, въ бесѣдахъ своихъ, навязать другому свой, личный взглядъ или осудить въ собесѣдникѣ то, что не подходило къ его міровоззрѣнію. Онъ ничего не скрывалъ и не таилъ въ себѣ, и бесѣдуя—онъ весь высказывался, точно и опредѣленно, не оставляя въ собесѣдникѣ ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ его обществѣ каждый долженъ былъ ощущать то же, что ощутила я: братскую любовь къ человѣку и непоколебимое довѣріе къ нему.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Не смотря на установившееся прочное отношеніе дружбы между нами, мы никогда не допрашивали другъ друга, не заглядывали въ душу одинъ другому и знали, что то, что нужно, скажется и безъ вызова.

Послѣ первой встрѣчи съ Ф. у К. я стала заходить сама въ мастерскую моего новаго друга и незамѣтно просиживала тамъ часъ-другой, среди стружекъ и досокъ, знакомясь ежедневно съ новыми типами. Ни одинъ изъ нихъ не походилъ на Ф., но всѣ, отличаясь одинъ отъ другого въ частностяхъ, были сходны между собою въ общемъ; согласіе между членами кружка было полное, равно какъ и солидарность.

Прежде всего, разумѣется, я познакомилась съ женою Ф., хотя и гражданскою, но настоящею подругой своего мужа, съ которымъ, однако же, она не вполнѣ и не во всемъ сходилась. Напр. Ф. не допускалъ никакихъ нѣжностей, никакихъ изліяній, вообще, никакихъ проявленій слабости; жена же его, наоборотъ, была именно ко всему этому склонна и крайне женственна по натурѣ. Она сама, какъ бы съ сожалѣніемъ, сознавалась мнѣ, что иногда ей необ-

ходима бываетъ ласка, и непремѣнно мягкая, женская ласка подруги или матери, „а *они* не допускаютъ этого, смѣются“ прибавляла она съ грустью, указывая въ сторону мужа и его товарищей.

Да, „они“ много не допускали, уклоняясь иногда отъ логики и впадая въ фальшъ, непріятно дѣйствующую на тѣхъ, кто желалъ видѣть въ нихъ серьезныхъ борцовъ, идущихъ прямымъ путемъ къ опредѣленной цѣли, не останавливаясь передъ мелочами жизни и не придавая имъ особеннаго значенія. А они именно останавливались по пути передъ пустяками, которымъ придавали незаслуженное значеніе. Часто приходилось мнѣ убѣждаться въ этомъ.

Ф. давно и много говорилъ мнѣ объ одномъ общемъ ихъ пріятелѣ А., повидимому игравшемъ роль въ ихъ кружкѣ. Его мнѣніемъ дорожили, ссылались на его авторитетъ и относились къ нему въ разговорахъ, съ особеннымъ уваженіемъ. Однажды, войдя по обыкновенію утромъ въ мастерскую, я застала у верстаковъ обычныхъ работниковъ изъ учащейся мѣстной молодежи. Самоваръ, давно погасшій, но еще не убранный съ длиннаго стола, на половину заслонялъ отъ глазъ моихъ незнакомаго человѣка лѣтъ 40, съ лысиной и лицомъ краснымъ отчасти отъ загара, а отчасти, можетъ быть, и отъ только что выпитаго чаю, (чай здѣсь пили часто и охотно); на незнакомцѣ была синяя рубаха. Онъ сидѣлъ, подперевъ голову рукою. Ф. познакомилъ насъ: „Вотъ Митрофанъ Васильевичъ, котораго мы ждали“, сказалъ онъ, указывая на незнакомца, около котораго я стояла, А. былъ совершенный контрастъ съ Ф.: мрачный, несообщительный, повидимому, крайне недовольный, онъ производилъ впечатлѣніе мизантропа. А. молча протянулъ мнѣ руку, какъ бы повинуясь непріятной необходимости и затѣмъ снова принялъ свою позу у самовара.

„Давно пріѣхали?“ спросила я, чтобы сказать что-нибудь но не придавая значенія вопросу.

— Я пришелъ, а не пріѣхалъ, — внушительно подчеркнулъ онъ, не глядя на меня. Жилъ онъ въ 60-ти верстахъ отъ города. Я съ недоумѣніемъ посмотрѣла на Ф.: что, молъ, это означаетъ? на что онъ улыбнулся въ отвѣтъ, какъ бы выражая неопредѣленнымъ жестомъ: ужъ не взыщите, онъ у насъ такой....

Тутъ случилось нѣчто, удивившее, впрочемъ, одну меня: новоприбывшій мрачный дѣятель вдругъ высморкался въ руку, совсѣмъ по-мужицки и рукою же отеръ носъ. Совер-

шивъ это по всѣмъ правиламъ опростѣнія, А. принялъ прежнюю позу, уже не обращая ни на кого вниманія А въ мастерской собралось довольно много народу, изъ членовъ здѣшняго кружка: кто по дѣлу зашелъ, кто для свиданія съ пріѣзжимъ. Между прочими былъ тутъ одинъ еврей-учитель Б., котораго всѣ звали только по имени, а не по фамиліи. Онъ никогда не возвышалъ голоса, даже во время интересовавшихъ его наиболѣе бесѣдъ или диспутовъ; не говорилъ много, но все сказанное имъ, бывало дѣльно, вѣско, основательно. Большую часть времени онъ проводилъ углубясь въ чтеніе какой-нибудь новой книги или, уткнувъ носъ, по близорукости, въ свой любимый талмудъ. Онъ былъ еще молодъ, но на кругленькой головкѣ его почти вовсе не было волосъ, только одна прядь, черная какъ смоль, выходившая съ затылка, тщетно пыталась прикрыть эту обнаженную голову. На лицѣ его было всегдашнее выраженіе дѣтской доброты и улыбка его была совсѣмъ какъ у ребенка, когда онъ глядѣлъ на васъ своими невинными, добродушными глазами и, пожимая вашу руку, почти дѣтски, маленькою рукою. Это былъ безобиднѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, умный, ученый и серьезный. Б. производилъ отрадное впечатлѣніе.

Много велось здѣсь хорошихъ бесѣдъ на разныя темы, не исключая и философскихъ, нечего и говорить, что никогда здѣсь не осуждали и не злословили. Но каково же было мое изумленіе, когда, при рѣшеніи какого-то особенно важнаго ученаго вопроса, очень кстати и очень дѣльно (хотя для меня совершенно неожиданно!) вставила свое слово присутствовавшая при этомъ женщина, въ платьѣ крестьянки, качавшая въ корзинѣ грудное дитя. Я замѣтила ее при входѣ въ мастерскую и, принявъ ее за служанку ф., обратила вниманіе на ея неряшливый костюмъ. Въ особенности грязна была ея грубая холщевая сорочка. И вдругъ эта замарашка вмѣшивается въ такіе разговоры, какіе велись въ ту минуту, и говоритъ такимъ хорошимъ языкомъ, съ такимъ знаніемъ дѣла, такъ разумно, такъ понятно. Я обратилась за расъясненіемъ къ сосѣду: кто, молъ, такая эта женщина

— Она бывшая институтка, а теперь опростилась. Она духовная сестра Д.

„А!... а ребенокъ чей!"

— Это ихъ ребенокъ.

Вотъ какъ! у нихъ духовная сестра равняется нашей любовницѣ, понятно,—подумала я. Нечего сказать, стоило

для этого переодѣваться и обростать грязью? Только вотъ грязь-то эта при чемъ и неряшество? Неужели необходимо сморкаться въ руку и потомъ этою же неумытою рукою за хлѣбъ браться? Эти опростившіеся новаторы и настоящихъ простыхъ перещеголяли. которые моютъ руки, садясь за столъ.

Черезъ Ф. я перезнакомилась почти со всѣми, бывавшими у нихъ; видѣла тутъ нѣсколькихъ духовныхъ сестеръ, совсѣмъ простыхъ и изъ привиллегированныхъ классовъ, но опростившихся; первыя были замѣтно чище. Только жена Ф. была естественна, всегда чисто и ненеряшливо одѣта; она совсѣмъ не ломалась, но за то усиленно старалась сломить свою слишкомъ мягкую натуру, надъ которой часто подшучивалъ ея дорогой Исаакъ. Онъ часто подшучивалъ и при мнѣ надъ своею милой Аней; но какъ это безобидно у него выходило! А ей было больно, она такъ усердно старалась сойтись съ нимъ во всемъ, она такъ добросовѣстно ломала себя и такъ неустанно работала въ теченіе цѣлаго дня, не гнушаясь никакимъ трудомъ по хозяйству, возясь съ дѣтьми и успѣвая даже на сторонѣ давать уроки бѣднымъ; кромѣ того она находила всегда немного свободнаго времени для участія въ бесѣдахъ и чтеніяхъ кружка, члены котораго любили сходиться у нихъ по вечерамъ.

Изъ неопростившихся женщинъ бывали немногія; сколько мнѣ извѣстно, не болѣе двухъ — трехъ. Одну изъ нихъ я близко знала, это была Ольга С., жена земскаго врача и губернаторскаго доктора, онъ же и толстовецъ былъ. Оба они, поэтому, принадлежали къ лучшему обществу и не могли продѣлывать многаго, по толстовски. Было время, когда и О. С. шла съ мужемъ рука объ руку, по одной дорогѣ, одинаково сочувствуя новымъ вѣяньямъ, подчиняясь его взглядамъ и раздѣляя вкусы. И вотъ, послѣ 10-ти лѣтней общей жизни въ любви и согласіи вышелъ между ними полный разладъ. Мужъ сталъ какимъ-то новымъ, чуждымъ ей человѣкомъ — толстовцемъ, круто повернулъ всю прежнюю жизнь и потребовалъ, чтобы и все въ домѣ стало по новому, нося иныя наименованія въ родѣ: альтруизмъ, пуританизмъ, коммунизмъ, вегетаріанизмъ. Жена попробовала было подчиняться новымъ порядкамъ, исполнять новыя требованія и провести въ свою жизнь, кромѣ всего остальнаго, еще стоицизмъ; она сдѣлала что могла: одѣвалась гораздо проще— но все-таки по модѣ и къ лицу, съ увлеченіемъ читала все новое, и горячо отнеслась къ новымъ идеямъ, воспринятымъ

ея мужемъ. Но когда и этого всего оказалось недостаточно и потребовалось еще большаго, т.-е. полнаго преобразованія и опрощенія — то недавняя щеголиха и красавица (она и теперь еще не могла назваться нещеголихой по своему и не красивой) встала на дыбы: ей, привыкшей къ шелковымъ чулкамъ — ходить босикомъ, ей — мыть полы и сморкаться въ руку.... это было немыслимо, это было выше силъ. „А Анна можетъ?“ не разъ укорялъ ея мужъ. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. И пошелъ разладъ. Ольга скоро убѣдилась, что всѣ трескучія фразы, раздававшіяся въ стѣнахъ ихъ уютной квартиры — оставались только фразами, и что громкія слова не примѣнялись ни къ какому дѣлу; почувствовалась фальшь и рознь и оба, мужъ и жена додумались даже и до той горькой истины, что они ошиблись другъ въ другѣ; и оба почувствовали себя глубоко несчастными. Явились на сцену, какъ вороны на полѣ битвы, духовныя сестры утѣшительницы, что еще болѣе обострило взаимныя отношенія супруговъ. Женщина, какъ всегда, переносила свое горе мучительнѣе и страдала глубже, мужчина, какъ Донъ-Жуанъ, искалъ родную душу.... Сколько разъ приходилось мнѣ выслушивать обоихъ, которымъ я одинаково сочувствовала, равно жалѣя каждаго изъ нихъ; какъ я бранила толстовщину, разъединившую этихъ, симпатичныхъ мнѣ людей. Оба Ф., друзья ихъ, чрезвычайно горячо отнеслись къ этому семейному разладу, котораго не скрывали отъ нихъ, какъ и отъ меня; мы были, нѣкоторымъ образомъ, миссіонерами.... проповѣдывавшими въ пустынѣ.

Была еще одна семья, съ которой познакомилась я у Ф.: мужъ, жена и дѣвочка дочь. Глава семьи, З. былъ толстовецъ, слесарь по ремеслу; жена его — простая и добрая отъ природы, а не по принципу. Отецъ ея былъ гдѣ-то капельмейстеромъ; она, единственная дочь и при томъ балованная, не захотѣла учиться, а родители не стали принуждать ее. Когда умерли отецъ съ матерью—надо было работать, чтобы жить, да еще черную работу исполнять.

Потомъ вышла замужъ за бѣднаго и опять пришлось работать, такъ что учиться-то не пришлось. Зато свою дочку сейчасъ учить начала, какъ только въ возрастъ пришла. И жили они втроемъ душа въ душу, раю не надо. Какъ вдругъ, мужъ зачудилъ, толстовцемъ сталъ, т. е., начитавшись новыхъ книгъ, наслушавшись новыхъ словъ, онъ и самъ заразился бродившими тогда идеями и сталъ отрицать все то, что онъ признавалъ и такъ недавно и такъ горячо

Это налетѣло въ родѣ вихря и закружило бѣднягу. Вотъ какъ разсказывала мнѣ о томъ жена его:

„Видите ли, дорогая, выдумали они тамъ какую-то новую вѣру, и того и другого не стали признавать, и мясо то ѣсть перестали, въ армяки да въ сарафаны понаряжались, и въ церковь ужъ не ходятъ. И мой туда же, за ними. Вѣдь вѣрующимъ былъ, молился-то какъ! и вдругъ все по боку! Чаю со сливками пить не слѣдуетъ, баловство; Заводить часы— тоже не нужно, лишняя, молъ, роскошь, по солнцу справляться буду, и спряталъ часы свои въ комодъ. Ну чтожъ и я въ угоду ему не стала мяса есть: пусть по твоему будетъ! и часы его не заводила, развѣ когда, грѣшнымъ дѣломъ, втихомолку ихъ заведу, что бы знать время, когда хлѣбы ставишь — никакъ нельзя безъ часовъ! Но ужъ на счетъ святого-то я строга: я тебя не трогаю и ты меня не тронь; ты въ церковь не ходишь — дѣло твое; а ужъ я съ дочкой буду ходить, какъ ходила, и тебѣ мѣшаться не позволю. И вотъ пошло у насъ насъ такъ наперекоръ одинъ другому; обидно-то мнѣ, что онъ глупости то свои повторяетъ при дѣвочкѣ нашей; вѣдь далеко ли до грѣха?“...

Онъ и мнѣ разсказывалъ, какъ онъ закалить себя старается, чтобы не поддаваться никакой боли, никакому страданію, не давать надъ собою воли никакому ощущенію, легко и стоически переносить все, по спартански, вродѣ того школьника, которому лисица выѣла внутренности во время классовъ и онъ не пискнулъ, чтобы не выдать себя. И вѣдь искренно старался онъ закалить себя. Но однако не могъ не ощутить боли, когда вскорости ему повредило два пальца на машинѣ.

Сначала всѣ члены городскаго кружка и примыкавшіе къ нему, жили артелью, согласно и дружно, въ потѣ лица, добывая хлѣбъ насущный, помогая ближнимъ и удаляясь отъ зла. Анна Львовна Ф. готовила незатейливый вегетаріанскій обѣдъ, ей помогали, иногда смѣняя ее, приходящія женщины; почти всегда интеллигентныя, не пріискавшія себѣ еще постоянныхъ занятій, но желавшія работать въ ожиданіи лучшаго. За нихъ единодушно и ревностно хлопотали всѣ другіе и почти всегда дѣло находилось. Потомъ, мало по малу, число живущихъ вмѣстѣ стало убывать: кому нибудь нашлась работа, гдѣ нибудь въ уѣздной глуши, кто отправился въ деревню косить, пахать, или другое что дѣлать, такъ какъ въ въ городѣ и безъ того было много рабочихъ рукъ, или подходящей работы не находилось. Нѣкоторые,

по какимъ-нибудь соображеніямъ, перебрались на другія квартиры. Такъ что семья осталась одна.

Въ послѣднее время мнѣ начало казаться, что Анна Львовна какъ будто раздражительной сдѣлалась и чѣмъ больше я слѣдила за ней, тѣмъ очевиднѣе это было. Я замѣчала, что она словно тяготится вѣчною сутолокой, въ которой она жила съ утра до ночи, что она утомлена постоянной ломкой, происходящей внутри ея. Она до тѣхъ поръ вполнѣ уравновѣшенная, какъ будто начинала терять равновѣсіе, и даже—о диво! иногда плакала.

Вскорости мнѣ пришлось уѣхать по дѣламъ изъ Полтавы и возвратилась я только черезъ два мѣсяца. Прежде всѣхъ я зашла въ мастерскую Ф. всю семью я застала за столомъ, т. е. мужа и дѣтей, а съ ними молодую дѣвушку, ихъ близкую знакомую, гимназистку или фельдшерицу, пришедшую, вѣроятно, помочь по хозяйству. Не слышно было ни разговоровъ, ни веселаго смѣха, доносившихся до меня прежде издалека.

— А гдѣ же Анна Львовна?—спросила я.

„Она тамъ!“ указала дѣвица на дверь въ кухню.

— Мама тамъ лежитъ!—подтвердилъ кто-то изъ дѣтей.

— Отчего же она нейдетъ? вѣдь слышала же, что я пришла.

„Пойдите къ ней сами“, сказалъ Ф. непривычно уныло, и мотнулъ головой въ ту сторону.

Я пошла въ кухню; тамъ на лавкѣ, лежала Анна Львовна, которая даже не шевельнулась при входѣ моемъ, между тѣмъ какъ глаза ея были открыты и она видѣла меня.

— Милая, здравствуйте! что это съ вами? больны вы или что-нибудь случилось безъ меня тутъ? Отчего вы не вышли ко мнѣ, по прежнему? — Закидала я ее вопросами. Но она только странно повела на меня глазами, точно совсѣмъ чужая; но даже и совсѣмъ чужихъ встрѣчала иначе привѣтливая Анна Львовна. И такъ я ничего и не добилась отъ нея, ни слова: бѣдная женщина замѣтно тяготилась моимъ присутствіемъ и наконецъ, слегка отстранивъ меня рукою, она повернулась лицомъ къ стѣнѣ. Чуть не до слезъ разстроенная я вошла въ мастерскую: —Что все это значитъ?—спросила я.

Ф., никогда не унывавшій, какъ - то съежился, видимо подавленный горемъ или заботой и только процѣдилъ что-то сквозь зубы, и пошелъ въ кухню, гдѣ я его нашла, когда, уходя изъ мастерской, я заглянула туда. Сцена те-

перь измѣнилась: Анна Львовна уже забилась за печь, словно убѣгая отъ кого-то, и горько рыдала, говоря что-то ублажавшему ее мужу. Онъ проводилъ меня въ сѣни.

— Что это?—повторила я вопросъ.

„Вотъ, какъ видите, я ничего и самъ не понимаю. Вотъ мѣсяцъ слишкомъ какъ это длится. Теперь еще лучше!"

— А что же раньше-то было?

Онъ на это не отвѣтилъ, а какъ-то безнадежно махнулъ рукой. По лицу его, всегда спокойному, пробѣжало что-то въ родѣ судороги: точь въ точь когда человѣкъ готовъ расплакаться. Но Ф. не поддался минутной слабости и, не объяснивъ ничего, простился со мною и просилъ зайти, когда мнѣ досугъ будетъ. Однако мнѣ не пришлось уже зайти, такъ какъ дня черезъ два я совсѣмъ выѣхала изъ Полтавы.

Сидя въ вагонѣ, подъ впечатлѣніемъ только что видѣннаго, я на свободѣ размышляла: вотъ и плоды просвѣщенія! вотъ они, естественные результаты ненужной ломки и старанія закалить себя. Вотъ тутъ и не противься злу! А вѣдь молодая, недавно бодрая и здоровая женщина—лежитъ теперь надорванная, надломленная, нравственно больная, и, можетъ быть, терпитъ невѣдомую муку. Вѣдь плакала-же она, и металась... Еще неизвѣстно, что будетъ дальше!

ГЛАВА IX.

1894—1895.

Полтава и Пятигорскъ! Малороссія и Кавказъ! сонное царство и курортъ, какая противоположность! Но я предпочитаю первое изъ двухъ, потому, потому что... О, бѣдные наши россійскіе курорты, сколько въ нихъ тайныхъ и явныхъ сокровищъ и какъ печально, мизерно обставлены всѣ эти дары Господни, не смотря на выдаваемыя для разработки ихъ крупныя суммы и на усердное желаніе многихъ сдѣлать тутъ что-нибудь на подобіе европейскихъ курортовъ, бадеортовъ. Мы, русскіе, оказываемся бѣдными богачами въ сравненіи съ богатыми бѣдняками иностранцами. Все у насъ есть, и богатства природы, и богатства минераловъ, и просторъ полей и благораствореніе воздуховъ, все у насъ въ рукахъ, только распорядиться-то имъ мы не умѣемъ, за дѣло взяться нѣтъ сноровки, не ладится оно у

насъ, а какъ бѣдѣ помочь—мы не знаемъ. Провели желѣзную дорогу, соединили группы водъ между собою, приблизили ихъ къ главнымъ центрамъ — а толку все-таки нѣтъ, порядка также нѣтъ. Вотъ примѣръ: поздно ночью (лѣтомъ, во время сезона) бьютъ въ набатъ, пожаръ!.. Загорѣлось зданіе казенной гостинницы, въ самомъ центрѣ Пятигорска. Всѣми овладѣлъ паническій страхъ, больные или просто пріѣзжіе повскакивали съ постелей, выбѣжали на улицу; ахаютъ, охаютъ передъ пожаромъ и дивятся, почему его никто не тушитъ? Да, почему? Потому что коммисаръ уѣхалъ въ гости, не сказавъ куда, и увезъ въ карманѣ ключъ отъ воды! все бы сгорѣло, если бы не тишина въ воздухѣ стояла.

Говорятъ, что кавказскія воды переходятъ въ руки французовъ на 50 лѣтъ. Наши вопіютъ: вотъ до какого срама дожили! свои ничего не съумѣли сдѣлать, такъ чужихъ надо звать на помощь! — И прекрасно, — возражаю я на это:— очень рада за кавказскія воды, по крайней мѣрѣ толкъ будетъ.—Какъ вамъ не стыдно такъ говорить! Какая вы патріотка!—накидываются на меня. Но я этимъ не смущаюсь и продолжаю: я не беру обратно своихъ словъ, потому что всякая истинная патріотка должна согласиться со мною. Я, какъ настоящая мать, изъ двухъ женщинъ, пришедшихъ на судъ къ Соломону, говорю: если я не могу сдѣлать добра своему ребенку, пусть другой сдѣлаетъ. Лишь бы ему хорошо было.

Въ Пятигорскѣ поразительно хороша панорама Эльбруса съ длинною цѣпью снѣжныхъ горъ, видимыхъ въ ясную погоду и производящихъ тѣмъ болѣе впечатлѣнія, что съ противоположной стороны зеленѣетъ Машукъ, а дальше сѣро-лиловый Бештау, съ зубцами своими, рѣзко выдѣляется на фонѣ синяго неба своимъ силуэтомъ. И не досадно - ли, что всюду, куда ни взглянешь, видны слѣды небреженія, запустѣнія, халатности. Чего бы не выстроили иностранцы на этомъ самомъ Машукѣ! Какой-нибудь грандіозный hôtel воздвигли бы со всѣми удобствами и приманками для туристовъ, лакомыхъ на сюрпризы. А у насъ поставили было на самой вершинѣ что-то въ видѣ дома, а теперь уже и этого нѣтъ, растаскали, что - ли, зданіе - то, а осталось на мѣстѣ томъ нѣчто въ родѣ развалинъ, видное снизу. И дорога-то, проведенная къ вершинѣ Машука, пользуется дурной славой, вслѣдствіе неоднократныхъ нападеній на туристовъ, если не вполнѣ горцевъ, то, навѣрное, жуликовъ. Говорятъ, говорятъ объ этомъ, а никто не потрудится про-

вѣрить, насколько справедливы эти толки и сдѣлать удобнымъ неудобное.

Сколько есть интересныхъ пунктовъ въ ближайшихъ окрестностяхъ и даже на окраинахъ Пятигорска, изъ которыхъ нѣмцы извлекли бы громадную выгоду, умѣло воспользовавшись ихъ историческимъ значеніемъ. Не странно-ли, напримѣръ, что очень немногимъ извѣстенъ домъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ? а что бы стоило обставить его по театральнѣе, такъ сказать, выдвинуть его на видъ, и публика массами стекалась бы туда, поглядѣть на опустѣвшее жилище любимаго поэта. Гротъ Лермонтова, Эолова арфа, такъ ли обставили бы ихъ за-границей? Забавнѣе всего, что сами пріѣзжіе розыскиваютъ достопримѣчательности здѣшней мѣстности. Напримѣръ, гдѣ была дуэль? Этого никто не знаетъ въ точности, и вотъ кто-то изъ пріѣзжихъ, по какимъ-то признакамъ, на основаніи чьихъ-то указаній, отыскалъ несомнѣнные слѣды того мѣста гдѣ былъ убитъ Лермонтовъ. И такъ здѣсь все, не разработано, не отдѣлано, не приведено въ порядокъ, не привлекаетъ взоровъ, какъ это бываетъ за границей въ тамошнихъ курортахъ, гдѣ выдумываютъ интересъ для пріѣзжающихъ, если его нѣтъ, изобрѣтутъ событіе, чтобы воздвигнуть оригинальный памятникъ или придерутся къ случаю и сочинятъ какую-нибудь аллегорію. А здѣшняя грязь во время ненастья, невылазная, невозможная грязь, и такая-же пыль во время жары?.. А недостатокъ воды въ ваннахъ, несмотря на богатые источники, чѣмъ это объяснить? Обиднѣе, всего, что больному, запасшемуся билетами для ваннъ, предлагаютъ ждать очереди, иногда мѣсяцъ; но какъ можетъ ждать тотъ, кто пріѣхалъ на извѣстный срокъ и съ извѣстною суммой? Такъ и все здѣсь: за все подавай деньги да еще какія! а взамѣнъ получишь только то, что захотятъ тебѣ дать. И вдобавокъ безправіе здѣсь полное, ужасающее, пріѣзжему негдѣ искать правды; тутъ и колодцевъ такихъ нѣтъ, гдѣ она обыкновенно кроется. А какія удовольствія представляютъ „гостю" взамѣнъ его сезоннаго билета? Есть театръ въ зданіи Центральной гостинницы, на каждый сезонъ труппы пріѣзжаютъ. Драмы даютъ, оперы поютъ подъ аккомпаниментъ пьянино; но длится это недолго; или выборъ пьесъ не нравится или артистовъ не одобряетъ публика, или же въ концѣ концовъ антреприза лопнетъ. И на сценѣ появляются разсказчики, куплетисты, хоры въ національныхъ костюмахъ и фокусники. За послѣднее время вошли въ моду представленія на армянскомъ языкѣ. Затѣмъ и, въ

театрѣ, и въ разныхъ залахъ, начинаются концерты, самые разнообразные: поютъ, играютъ на всевозможныхъ инструментахъ артисты и артистки всѣхъ возрастовъ и націй и въ томъ числѣ дѣти, обыкновенно не выходящія изъ извѣстнаго возраста: какъ пріѣзжалъ 10 или 6-лѣтнимъ пьянистъ или скрипачъ три года тому назадъ, такимъ точно онъ и на четвертый и на пятый пріѣзжаетъ, только реклама усиливается. А когда уже до тошноты пріѣдятся всѣ эти концерты, то начинаютъ скучать, невыразимо и мучительно, чего я никогда не замѣчала на заграничныхъ водахъ, гдѣ все приспособлено для развлеченія пріѣзжающей публики, такъ какъ и въ программу лѣченія входитъ поддержаніе въ больномъ хорошаго настроенія духа. У насъ же этого нѣтъ: содрали съ него—а тамъ, какъ знаешь. Послѣ всего этого, какъ не пожелать нашествія иноплеменниковъ, особенно такихъ милыхъ, какъ французы? Мигомъ оживятъ „воды“, и тогда запляшутъ лѣсъ и горы и лѣчиться-то будутъ охотнѣе.

О Желѣзноводскѣ и Эссентукахъ, можно сказать все то же, что и о Пятигорскѣ, только нѣтъ тамъ ни такихъ снѣжныхъ горъ ни поэтическихъ памятниковъ какъ въ Пятигорскѣ. А Кисловодскъ?

Прежде всего въ Кисловодскѣ роскошный паркъ. А затѣмъ? Тополевая аллея замѣчательная. А затѣмъ? Окрестности. А Нарзанъ, царь этой группы, ея украшеніе, сила, гдѣ онъ? говорятъ, будто съ нимъ произошло нѣчто, чего никто опредѣлить не можетъ или высказать не рѣшается. Нѣтъ его, т. е. есть да не такой; улетучился ли онъ, скрылся ли куда неизвѣстно. Сперва, будто бы, вырвался онъ, кипучій, неугомонный Нарзанъ, изъ нѣдръ земли (какъ уже дознано учеными вслѣдствіе *непредвидѣнныхъ* причинъ), наводнилъ все, что было по близости, разлившись кругомъ; затѣмъ явились на сцену ученые мужи, спеціально приглашенные для поимки бѣжавшаго Нарзана и обузданія его; долго бились они и наконецъ словно бы поймали, водворивъ на прежнемъ мѣстѣ жительства, къ великому торжеству всего мѣстнаго населенія; даже орденъ поднесли герою, побѣдителю непокорнаго Нарзана. И вдругъ, въ одинъ прекрасный день, публика убѣждается, что на мѣстѣ пикантнаго Нарзана—какая-то безвкусная водица, лишенная газа! Это ужъ совсѣмъ обидно. Мигомъ разнеслась по группамъ печальная вѣсть: нѣтъ Нарзана, а то, что мы принимаемъ за него—дальній родственникъ его, имѣющій съ нимъ фамильное сходство. Но какъ же безъ Нарзана-то быть? И начались новыя из-

слѣдованія и работы, подъ руководствомъ уже новыхъ ученыхъ; то и дѣло—кто-то и что-то все измѣряетъ, пробуетъ, разсматриваетъ, и по временамъ на поверхности бассейна по прежнему появляются пузырьки, напоминающіе прежній газъ; а потомъ опять ничего. Кругомъ бассейна, во всякое время дня, тѣснится публика, жадно слѣдящая за эволюціями газа, ожидая возвращенія своего Нарзана.

Глядя на всѣхъ этихъ людей, окружающихъ бассейнъ съ опущенными головами — мнѣ всегда казалось, что я не въ Кисловодскѣ, въ галлереѣ Нарзана, а въ Кіевѣ, въ Выдубецкомъ монастырѣ; и стою я у перилъ бесѣдки, надъ Днѣпромъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, будто - бы, низвергли славянскихъ идоловъ съ этой высоты въ волны Днѣпра. И такъ же, какъ теперь, стояли тогда люди съ опущенными головами, тоскливо глядя на ровную поверхность рѣки, этого Днѣпра, поглотившаго ихъ боговъ и безпомощно взывали къ главному изъ нихъ, Перуну: выдыбай, выдыбай, Перуне! Стоя у Нарзана, мерещилась мнѣ та же картина изъ прошлаго, и представлялося мнѣ, что вся эта пестрая курортная толпа одушевлена единымъ желаніемъ, единой надеждой и втайне взываетъ: выдыбай, выдыбай, Нарзане! Увѣнчаются ли ожиданія нынѣшнихъ Россіянъ — покажетъ намъ время.

Хороша и здѣсь природа, мѣстность гористая, масса зелени всюду и по временамъ слышится шумъ воды, образующей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ парка красивые каскады. Залюбуешься иной разъ, задумаешься.... да нельзя задумываться подолгу надъ красотами природы и безмятежно вдыхать въ себя ароматы здѣшняго горнаго воздуха: отовсюду обдаетъ васъ ароматами иного рода, какъ напр. запахомъ разныхъ дезинфекціонныхъ средствъ, примѣняемыхъ безъ разбора и безъ толку. Только и слышишь при встрѣчѣ съ знакомыми: „Я удрала изъ дому пораньше, потому что на квартирѣ у насъ дезинфекцію производятъ".—А мы убѣжали изъ дому именно потому, что у насъ вовсе никакой дезинфекціи не бываетъ и мы не знаемъ куда дѣваться отъ различныхъ натуральныхъ запаховъ.

Очень немного представляется здѣсь развлеченій для пріѣзжихъ, если не ставить въ счетъ концертовъ всякихъ неизвѣстныхъ міру представителей артистическаго міра и всякаго рода представленій въ армянскомъ вкусѣ и на армянскомъ языкѣ, имѣющихъ здѣсь — спѣшу замѣтить и свое значеніе и умѣстность, а почему? потому что съ каждымъ годомъ процентъ русскихъ въ Кисловодскѣ становится незначительнѣе въ сравненіи съ возрастающей и быстро на-

двигающейся массой армянскаго населенія, пускающаго корни на здѣшней почвѣ и, пожалуй, готовящейся положить основаніе армянскаго царства. Что-жъ? мы и тутъ спорить и прекословить не будемъ.

Въ числѣ заурядныхъ развлеченій первое мѣсто занимаютъ всевозможныя экскурсіи верхомъ и пѣшкомъ и поѣздки въ экипажахъ по окрестностямъ; тутъ уже пожива извозчикамъ, проводникамъ и нанимающимъ верховыхъ лошадей: таксы нѣтъ, держи карманъ пошире, деньги сами идутъ. Такъ и говорится здѣсь: съ пріѣзжихъ—одна цѣна, со своихъ (мѣстныхъ) другая. А затѣмъ извольте веселиться какъ знаете. И вотъ собираются компаніями, болѣе или менѣе подходящими, парочками, болѣе или менѣе влюбленными, цѣлыми семьями, отдѣльными группами, какъ случится. И пойдутъ сборы

„Вы куда сегодня?" спрашиваютъ другъ друга пріѣзжіе.

— Мы ѣдемъ на „Коварство" (замокъ Коварства и Любви).

„А мы сговорились на водопадъ или въ „Долину очарованія".

— Хорошо бы въ „Римъ" съѣздить!

„Нѣтъ, мы порѣшили на Бермамутъ" и т. д.

Какія заманчивыя и многообѣщающія названія! Какъ не полюбоваться хотя бы „Долиной очарованія?"

На „Коварствѣ" же ничего не уцѣлѣло (если что и было), кромѣ безформенной груды камней въ видѣ развалины на сравнительно большой высотѣ и смутной легенды о совершившейся тамъ когда-то трагедіи изъ-за любви, но одно наименованіе, данное развалинамъ (шутка сказать! Замокъ Коварства и Любви!) привлекаетъ туда многочисленныхъ посѣтителей, которые съ величайшими усиліями вскарабкиваются на скалу, гдѣ торчатъ обломки бывшаго замка и обязательно погружаютъ взоры въ глубь долины, куда, будто бы, кто-то бросился съ высоты замка изъ-за любви къ кому-то и вслѣдствіе коварства кого-то; затѣмъ, вполнѣ удовлетворенные, возвращаются обратно въ Кисловодскъ, съ пріятнымъ сознаніемъ исполненнаго долга, и, сойдясь у Нарзана съ знакомыми, восторженно передаютъ впечатлѣнія.

Но не всегда оканчиваются эти поѣздки благополучно; зачастую приходится слышать восклицанія въ родѣ слѣдующихъ: насъ лошади понесли, тому руку повредило при паденіи, тотъ сильно ушибся, и т. п. И не мудрено: ближайшее начальство относится здѣсь къ дорогамъ такъ небрежно, что всякаго свѣжаго человѣка, тѣмъ болѣе того, кто побы-

валъ заграницей, до глубины души возмущаетъ такое легкое отношеніе, не только къ удобствамъ пріѣзжающей публики, но даже и къ безопасности ея. Нигдѣ менѣе здѣшняго люди не ограждены отъ ушибовъ, увѣчій и даже самой ужасной смерти — вслѣдствіе плохихъ дорогъ и безщабашныхъ извозчиковъ.

Фаворитизмъ здѣсь въ полной силѣ; родство, свойство и кумовство играютъ большую роль и даютъ себя чувствовать на каждомъ шагу: чуть хозяева въ родствѣ или въ дружбѣ съ мѣстными властями или тузами — берегись пріѣзжій, остановившійся у нихъ въ домѣ (за дорогую цѣну!): курсовые воры безнаказанно оберутъ его, воздухъ въ его квартирѣ будетъ зараженъ нечистотами, а обратишься къ хозяину—онъ не дослышитъ, къ полиціи — она не шевельнется, чтобы отъискать воровъ, къ санитарамъ—они слишкомъ заняты „курсомъ". Куда же обращаться въ случаѣ надобности? Никуда не обращайтесь, никому нѣтъ до васъ дѣла, вы имъ чужой, сегодня здѣсь а завтра поминай какъ звали. Они же всѣ, мѣстные жители, связаны между собою самыми нѣжными узами, у нихъ одни интересы и разбираться изъ-за пришельца не станутъ.

Впрочемъ и въ здѣшней жизни выдаются интересные моменты, бываютъ и тутъ событія, заставляющія пріѣзжихъ стряхнуть съ себя тяготѣющую надъ ними скуку. Напримѣръ, пріѣздъ высокопоставленныхъ личностей, какихъ-нибудь именитыхъ гостей. Такъ, прошедшій сезонъ озарился прибытіемъ Эмира Бухарскаго со всей свитой, съ восточной роскошью и пестротой халатовъ. Ну, какъ водится, встрѣчали и привѣтствовали, даже букеты ему подносили (дамы!), слѣдили съ живѣйшимъ интересомъ за каждымъ его шагомъ, сплетничали, судили и вскорости по отъѣздѣ Эмира совершенно забыли о немъ, чтобы заняться Киргизскою княгиней и ея національными нарядами. А потомъ опять то же и то же, что было въ прошломъ году и много лѣтъ назадъ, что пріѣлось всѣмъ до тошноты.

Наконецъ наступаетъ осень, публика начинаетъ быстро убывать и вдругъ, не успѣешь опомниться, на всѣхъ группахъ становится такъ пусто какъ было до открытія сезона. Мѣстные жители сводятъ счеты, сравниваютъ этотъ сезонъ съ прошлыми; кто доволенъ а кто и опечаленъ. Затѣмъ все приходитъ въ обычный порядокъ и погружается въ свою сѣренькую жизнь—питая надежды на будущее.

ГЛАВА X.

Опять я въ Москвѣ, послѣ стольких лѣтъ. Сколько перемѣнъ произошло съ тѣхъ поръ и во мнѣ и въ цѣломъ мірѣ кругомъ меня: не перечесть.

И вотъ они снова, всѣ эти старыя мѣста, знакомыя улицы, гдѣ все напоминаетъ о чемъ-нибудь или о комъ-нибудь. О, какъ тяжело мнѣ проходить мимо этого дома, куда я когда-то вошла съ такимъ трепетомъ, съ такою тревогой и гдѣ такъ хорошо прожила слишкомъ три года! Умерли его владѣльцы, лишившись всего своего состоянія, испытавъ много горя; дѣти ихъ разбрелись въ разныя стороны, настрадавшись, натерпѣвшись всего; самый домъ перешелъ въ чужія руки. Я пришла къ нему, какъ приходятъ на кладбище, гдѣ погребены близкіе люди; и остановилась у открытыхъ настежъ воротъ, припоминая, переживая все минувшее: вотъ комнаты, гдѣ шла моя жизнь среди дѣтей, ставшихъ близкими мнѣ; вотъ и крошечный, знакомый садикъ; вотъ конура дворника Тимофея, въ которой главное мѣсто занималъ его самоваръ; вотъ флигель, въ которомъ жилъ Чайковскій, окна его комнаты... и ничего, никого ужъ нѣтъ, все умерло и погребено. И Тимофея даже нѣтъ больше въ городѣ.

Леля въ Москвѣ съ мужемъ своимъ: наши отношенія остались такими же теплыми, какими были и въ то время; съ мужемъ ея я очень скоро подружилась, при первой же встрѣчѣ, года три назадъ. Съ теченіемъ времени мы сходились все болѣе и болѣе, находя другъ въ другѣ очень много общаго.

С..., женившійся еще при мнѣ, озабоченъ дѣлами, службой, семьей и не отъ міра сего. Впрочемъ, нѣтъ, неправда, онъ такъ же отъ міра сего, какъ и въ былые дни, когда у него выпадетъ свободная отъ заботъ, отъ службы и дѣлъ минута; но и эти рѣдкія минуты онъ не беретъ для себя, а отдаетъ ихъ всецѣло—тому же міру. Словно отошелъ онъ отъ насъ куда то вдаль; но, подойдя къ нему, убѣждаешься, что онъ все тотъ же.

Здѣсь, въ той средѣ, которую я называю своею, всѣ поглощены борьбою во всѣхъ видахъ: кто борется за существованіе, кто—за свою самостоятельность, кто борется изъ любви къ искусству, кто—изъ горькой необходимости. Всѣ живутъ, а не коптятъ небо, каждый имѣетъ свою цѣль и добивается ея. Вечеромъ сходятся для отдыха отъ трудовъ, отъ заботъ, отъ борьбы. Или въ театръ спѣшатъ, отвести

душу. И вдругъ—стали налетать вѣсти съ юга, о здоровьѣ Государя. Стало быть, это не простая болѣзнь, если ежедневно стали появляться печатные бюллетени, передъ которыми москвичи останавливались, внимательно перечитывая ихъ и сличая съ прежними. Началось мучительное ожиданіе кризиса, улучшенія, народъ молился Богу, общество сосредоточенно ждало, переживая это томительное чувство каждый по своему. И вотъ, какъ громъ грянула послѣдняя вѣсть—о кончинѣ!

Не до театровъ стало, всѣхъ поглотила мысль объ этой, казавшейся всѣмъ неожиданной, смерти. И многіе подумали: зачѣмъ именно онъ, миролюбивый, добрый, милостивый—а не кто нибудь другой? Но онъ умеръ, фактъ свершился—и каждый на время отодви́нулъ свою личную заботу, забылся, ожидалъ.

Однажды, уже въ январѣ, мнѣ пришла въ голову блажь: какъ бы познакомиться съ Л. Н. Толстымъ. Зная достаточно хорошо послѣдователей его, я до сихъ поръ не имѣла еще случая повидать его самого. Мнѣ сказали, что онъ принимаетъ всѣхъ и каждаго безразлично ежедневно около 7-ми часовъ вечера, въ своемъ домѣ въ Хамовникахъ. Но это не то, чего я хотѣла, тамъ увидишь его поглощеннымъ и озабоченнымъ среди толпы, ищущей его совѣта, его слова, а мнѣ бы важно было увидать его менѣе отвлеченнымъ общими интересами и міровыми вопросами, болѣе покойнымъ, такъ сказать, чтобы составить болѣе или менѣе точное и безпристрастное понятіе объ этомъ выдающемся человѣкѣ.

И я написала ему, что—я, другъ его друзей, такого-то и такого-то, давно желаю познакомиться съ нимъ, Л. Н., но не знаю, когда прійти къ нему, чтобы не помѣшать его занятіямъ или бесѣдѣ съ другими, болѣе близкими или болѣе знакомыми людьми (меня онъ зналъ немного изъ писемъ его полтавскихъ друзей и даже однажды очень лестно отозвался о моихъ писаніяхъ въ письмѣ къ Ф.); поэтому я просила его назначить часъ, наиболѣе для него удобный,—и отправила письмо по городской почтѣ. Прошло два дня, но отвѣта никакого не было. Я не придала этому никакого значенія и уже рѣшилась отправиться къ нему на домъ на слѣдующій же день, въ пріемные часы. А пока мы съ Сашей рѣшились поработать хорошенько вечеромъ. Былъ уже одиннадцатый часъ (вечера) вначалѣ; мы обѣ писали. Вдругъ послышался стукъ въ дверь. Не ожидая никого рѣшительно, я даже не сказала обычнаго: войдите! и пошла

сама отворить. Передо мной стоялъ старикъ довольно высокаго роста, въ шапочкѣ гороховаго цвѣта которую онъ снялъ при встрѣчѣ со мной: „Здѣсь г-жа М.?“ спросилъ онъ.

— Это я сама, что Вамъ угодно?—сказала я незнакомцу. „Я Толстой“ отрекомендовался посѣтитель, въ которомъ я не узнала того, чьи портреты такъ знакомы всѣмъ намъ, съ лицомъ озабоченнымъ, и съ суровымъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ бровей, закрывающихъ глаза. Вотъ эти-то глаза и поразили меня прежде всего: это были свѣтлые (не по цвѣту, а по свѣту, исходящему изъ нихъ), добрые, любящіе глаза, ласкающіе бѣдняка, обиженнаго, ободряющіе просящаго и грѣющіе несчастнаго. Я не взволновалась, не встревожилась его нежданнымъ появленіемъ въ моей квартирѣ, я была тронута до глубины души этою незаслуженною любезностью. И когда Толстой прибавилъ утонченно любезно и чрезвычайно искренно: „извините, что не пришелъ раньше, право не могъ“, я обѣими руками схватила его руку и сказала горячо, что и не требовала отъ него этого, что я бы и сама пришла, только хотѣла знать, когда онъ меньше занятъ.

Толстой былъ въ своей темной рабочей блузѣ, нѣсколько изорванной на локтѣ; движенія его были крайне нервны,—какъ и у Іоанна Кронштадскаго!—онъ какъ будто не могъ сидѣть спокойно и порывисто хваталъ все, что ему ни попадалось подъ руку: возьметъ книгу, перелистуетъ и броситъ, потомъ точно такъ же другую и третью, и въ то же время, не перерываясь говоритъ, распрашиваетъ, разсказываетъ. Отъ него же узнала я, между прочимъ, что Анна Львовна Ф. выздоровѣла. Онъ дѣлалъ замѣчанія, высказывалъ мнѣнія, далъ нѣсколько полезныхъ указаній, кое что одобрилъ (маленькій дѣтскій разсказъ мой *Воришка Ваня*); и все, что ни говорилъ онъ, прямо относилось къ дѣлу, ни слова лишняго, во всемъ проявлялось одно горячее, нелицемѣрное желаніе оказать пользу, исполнить просимое. Съ нимъ приходилъ одинъ „товарищъ“, который, впрочемъ, тотчасъ же зашелъ къ кому-то, жившему въ нашихъ комнатахъ. Прощаясь, Толстой просилъ заходить къ нему, лучше всего во время его завтрака, въ 1-мъ часу.

Такъ это-то Толстой?—сказала я по уходѣ его:—С... правъ, онъ чрезвычайно образно говоритъ, и когда говоритъ—въ немъ есть что то обаятельное. Да, именно обаятельное. Онъ любитъ людей, онъ несомнѣнно старается сдѣлать для нихъ какъ можно больше; но зачѣмъ же онъ не послѣдователенъ въ своихъ поступкахъ и проповѣдуя

главнѣйшимъ образомъ несопротивленіе злу—зачѣмъ онъ первый учитъ противиться ему и самъ противится иногда? А все таки онъ хорошій, онъ пробудилъ въ насъ совѣсть...

Нѣсколько дней спустя, я собралась къ нему, утромъ, какъ онъ просилъ, въ часъ завтрака. Но, вѣроятно, въ этотъ день дѣла помѣшали ему завтракать въ обычный часъ, такъ какъ выскочившіе лакеи категорически заявили, что графъ занятъ и въ эти часы никого не принимаетъ.

— Попробуйте передать ему мою визитную карточку,— сказала я, вручая свою карточку одному изъ лакеевъ, въ бѣломъ передникѣ, по видимому, прибиравшему въ комнатахъ. Онъ побѣжалъ исполнить мое порученіе и скоро вернулся съ отвѣтомъ.

— Пожалуйте, приказали просить!—и онъ провелъ въ маленькую комнату, не то будуаръ, не то кабинетъ, вся она была полна мебели, картинъ, книгъ, бездѣлушекъ, дѣлавшихъ ее похожею на мастерскую художника, и въ то-же время очень уютную. Но это не была собственно комната, въ которой занимался Левъ Николаевичъ (я это знала заранѣе), хотя тутъ былъ его бронзовый бюстъ и нѣсколько его портретовъ, отдѣльно или съ кѣмъ нибудь изъ членовъ семьи. На одномъ столѣ лежало неоконченное женское рукодѣлье и тутъ же раскрытая французская книга, съ штемпелемъ библіотеки Ясной Поляны. Ничто здѣсь не говорило о характерѣ и вкусахъ Толстого, отвергавшаго поэзію, искусства и художества, потому что здѣсь было именно все, свидѣтельствовавшее о любви къ поэзіи, искусствамъ и художествамъ. Вѣроятно сюда приходитъ онъ побесѣдовать, почитать съ женою, съ дочерьми, или съ кѣмъ нибудь изъ свѣтскихъ друзей или родныхъ, а своихъ „лохматыхъ“ (какъ графиня называетъ послѣдователей мужа) принимаетъ въ особыхъ комнатахъ, гдѣ и рабочій кабинетъ его, тутъ же, въ первомъ этажѣ; тогда какъ семья его помѣщается на верху, гдѣ и столовая, гостиная, зала и др. комнаты. Разница между двумя этажами была такая же, почти, какъ между образомъ жизни обитателей ихъ. Впрочемъ, Толстой, хотя и жилъ по-новому, но и отъ стараго не совсѣмъ отрѣшился, по той простой причинѣ, что онъ искренно и горячо любилъ свою семью, не смотря на Крейцерову Сонату. Хотя онъ уже нѣсколько лѣтъ не употреблялъ въ пищу мясного и признавалъ себя за яраго вегетаріанца, но та пища, которая появлялась на его столѣ (артишоки, спаржа, цвѣтная капуста и т. п.), далеко не походила на ту, которую молча и сознательно употребляли

его послѣдователи. Изъ тѣхъ немногихъ, которые приходили ко мнѣ, здѣсь, въ Москвѣ, никто не пилъ чаю, хотя почти всегда они заставали насъ за самоваромъ. Хотя они и у себя также не употребляли чаю, но всегда угощали имъ всѣхъ, приходившихъ къ нимъ. Но о толстовцахъ послѣ; а теперь вернемся въ комнату, въ которой я ожидала Льва Николаевича. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ подолѣе не приходилъ, такъ заинтересовалъ меня этотъ cabinet d' attente!

Но вотъ и Толстой, скорѣй вбѣжалъ, чѣмъ вошелъ. Все въ такой же рабочей блузѣ, только посвѣтлѣе цвѣтомъ и безъ продранныхъ локтей; видно, что оторвался отъ спѣшной работы, онъ весь былъ движеніе, торопливость; онъ порывисто подавалъ руку, закидывалъ вопросами, но все такъ же участливо къ чужому дѣлу къ чужому интересу: „Ну что? какой результатъ? дали они вамъ работу?“ — Ничего нѣтъ, пока сказали.

Толстой заволновался и точно такъ же какъ и, въ первый визитъ его ко мнѣ, такъ теперь онъ взялъ мою руку обѣими своими: „Да, да, трудно это... но я постараюсь. Повѣрьте мнѣ, что это не фраза; мы такъ привыкли всѣ къ пустымъ обѣщаніямъ, что не вѣримъ уже ни какимъ. Но, право, я сдѣлаю все!“ и говоря это, невыразимо задушевнымъ, убѣдительнымъ тономъ, онъ глядѣлъ на меня глазами, въ которыхъ было столько доброты и столько любви къ ближнему, что я, какъ и въ первый разъ, почувствовала себя глубоко тронутой и обмѣнявшись съ нимъ еще нѣсколькими фразами, я поспѣшила оставить его, попросивъ только дать мнѣ книгъ для чтенія. Л. Н. опять засуетился, извиняясь недосугомъ и выбѣжалъ, приславъ мнѣ книгъ съ дочерью (М. Л.), которая подтвердила, что отецъ ужасно занятъ въ настоящую минуту и любезно проводила меня до самой передней.

Нѣсколько разъ послѣ того встрѣчала я Толстого, шагающаго по Пречистенкѣ своею здоровою, твердою походкой.

Въ послѣдній разъ я встрѣтилась съ нимъ около Тверской. Это было вскорѣ по смерти сына его Вани, такъ сильно поразившей мать, жену Л. Н., что она сама захворала, потомъ уѣхала въ Кіевъ и теперь, недавно, вернулась. Обмѣнявшись со мной нѣсколькими словами, Толстой сказалъ „Я теперь весь поглощенъ моимъ семейнымъ горемъ“. Я спросила о здоровьѣ жены.

„Ахъ, она, бѣдная, тяжело переноситъ горе, постоянно плачетъ, никакъ не могу успокоить ее. Смотрѣть на нее больно“.

Все это сказалъ онъ вполнѣ искренно, онъ, авторъ Крейцеровой Сонаты! Значитъ, для себя онъ допускаетъ роскошь семьи, родного очага, котораго онъ естественный глава? Зачѣмъ же своимъ ученьемъ, отрицающимъ все это, лишилъ онъ своихъ послѣдователей лучшаго блага въ жизни, давъ имъ взамѣнъ какой-то призракъ? Вѣдь любилъ же онъ откровенно своего законнаго сына Ваню, скорбѣлъ же онъ о его смерти, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно? Для чего же и тутъ онъ нашелъ нужнымъ поломаться, когда въ виду родныхъ и друзей, собравшихся въ его домѣ для послѣдняго обряда, для отпѣванія его сына, когда и самъ онъ поникъ головой передъ постигшимъ его несчастіемъ, зачѣмъ онъ такъ рѣзко отстранилъ руку священника, хотѣвшаго, по обряду православной церкви, подать зажженную свѣчу ему первому, какъ главѣ семьи? Не лучше ли было бы, покорно и просто взять свѣчу.

Вотъ откуда истекаетъ та фальшъ, которая поражаетъ насъ въ жизни и поступкахъ лучшихъ изъ его последователей. Если онъ, Толстой, грѣшитъ непослѣдовательностью, то какъ же имъ, толстовцамъ, быть послѣдовательными?

Одинъ изъ здѣшнихъ толстовцевъ, чаще другихъ посѣщавшій насъ, былъ нѣкто П., другъ Ф. Говорятъ, что недавно онъ жилъ въ своемъ помѣстьѣ съ молодой, любимой женой; у нихъ было все для полезной и пріятной дѣятельности и для счастливой семейной жизни; они имѣли свою больницу, свою школу, гдѣ они вмѣстѣ работали; да и другого дѣла было не мало. И вдругъ...

Наружность П. была красивая, какая-то библейская; матовый цвѣтъ лица, обрамленнаго темными волосами и длинная борода, придавали ему какой-то особенно серьезный, строгій характеръ отшельника. Выраженіе лица его было задумчивое или страдальческое, настоящая мука видна была въ глазахъ его, и потому такъ охотно вѣрилось, когда онъ говорилъ: „Я ужасно мучусь, видя это, или: думая объ этомъ, какъ не мучиться?"

Онъ часто посѣщалъ заключенныхъ въ тюрьмахъ и приходя къ намъ оттуда казался еще болѣе измученнымъ и унылымъ. А когда, однажды, я выразила сожалѣніе объ участи всѣхъ заключенныхъ, П., противъ обыкновенія, пришелъ въ неописанное волненіе и заговорилъ:

„Нѣтъ, напротивъ, это хорошо, что людей сажаютъ въ тюрьмы. тамъ они становятся несравненно лучше".

И онъ носилъ имъ книги, бѣлье, съѣстное. Въ этомъ, по

видимому, заключалась его миссія. Кромѣ того у него была, кажется, и другая работа; онъ много писалъ, переписывалъ, и высказывалъ иногда сокрушеніе, что у него не хватаетъ времени почитать. Съ Толстымъ онъ былъ очень близокъ. О женѣ и о прошломъ не упоминалъ, но жена была одна въ помѣстьѣ и онъ къ ней не собирался. Говорили, что они совсѣмъ разошлись.

П, какъ и всѣ *они*, очень наивно и такъ же убѣдительно утверждалъ (по Прудону и Толстому), что всякій имѣетъ право взять у другого, что ему нужно, и не дать нужнаго нельзя. — А если и мнѣ это нужно? — Но на этотъ вопросъ, постоянно задаваемый, какъ то не находилось точнаго, прямого отвѣта, а повторялись общія мѣста. П. любилъ музыку, особенно такую, какъ Шопена (вѣроятно, напоминавшую ему что то), и часто просилъ меня съиграть ему извѣстные мотивы, особенно нравящіеся ему. Онъ никогда не говорилъ много, не смѣялся; видъ онъ имѣлъ большею частью мрачный, но не напускной и дѣйствительно производилъ впечатлѣніе страдающаго.

Другой, заходившій иногда къ намъ, былъ Т., И. М , въ полномъ смыслѣ слова „лохматый", по выраженію графини Толстой. Онъ, какъ и всѣ другіе, бывавшіе у насъ, не пилъ чаю, а если заставалъ насъ за самоваромъ, то соглашался выпить стаканъ горячей воды съ сахаромъ, закусивъ булкой. Онъ изъ крестьянъ Полтавской губ , совсѣмъ не старается быть чѣмъ нибудь инымъ, а не тѣмъ, чѣмъ сдѣлала его природа, т. е. простымъ, умнымъ и добрымъ человѣкомъ. Какъ всѣ—Т. искренній, безхитростный человѣкъ, не говорливый, но иногда, охотно разсказывающій; не прочь и пошутить и выслушать шутку. Всегда и во всякое время готовъ оказать услугу или помошь ближнему и такъ радъ если это ему удастся! Я замѣтила въ немъ большую охоту учиться, и въ свободные часы онъ изучаетъ языки.

Заходила иногда, по порученію П, одна бѣдненько одѣтая и болѣзненнаго виду молодая женщина, которую звали всѣ Марія Васильевна. Она долѣе другихъ засиживалась у насъ, увлекаясь разговоромъ и видимо находила въ этомъ отраду. Жилось ей, очевидно, плохо, одиночество или сиротство давило ее, она жила трудомъ. Но ни на что она не жаловалась и не раздражалась. А когда мнѣ случалось негодовать на чью нибудь несправедливость или возмущаться, М. В. кротко уговаривала: „Зачѣмъ? оставьте это; вы ничего не исправите, а вамъ много повредятъ. Да и грѣшно негодовать, осуждать. Кто знаетъ, не близокъ ли часъ смерти?...

Однажды, когда она постучала въ дверь, я играла Баркаролу Чайковскаго. При входѣ ея я, конечно, встала изъ-за рояля на встрѣчу ей. „Ахъ, пожалуйста, продолжайте! вѣдь это Баркарола Ч.? я такъ люблю ее и рѣдко слышу; да и музыку вообще. А между тѣмъ, какъ успокоительно дѣйствуетъ она на нервы“!

Также по порученію П заходили ко мнѣ двѣ *дамы*, одна даже въ перчаткахъ и довольно современно одѣтая, но блѣдная, грустная, изнуренная или болѣзненная. И она, какъ многіе изъ толстовцевъ, носила на лицѣ и на всей худощавой особѣ тотъ же отпечатокъ подавленности, недовольства, муки. Видно, что среда въ которой всѣ они живутъ, не радуетъ, не веселитъ, и всякій вступающій въ нее выноситъ на себѣ особую печать неизгладимой скорби. Вообще здѣшніе толстовцы, на мой взглядъ, серьезнѣе тѣхъ, что я встрѣтила въ провинціи, гдѣ только и слышалось стремленіе къ землѣ и забота о ней. Здѣсь болѣе ощущается стремленіе къ идеѣ, къ личности, къ міру, къ человѣчеству; дѣланнаго меньше, но гораздо больше скорби. Не слыхала я здѣсь такихъ рѣчей, коими поражалъ меня въ Полтавѣ А., получившій самъ прекрасное образованіе и вдругъ вознегодовавшій на него: „Я многому учился, но нахожу, что это было потерянное время и теперь стараюсь забыть все, что зналъ. Къ чему это знаніе ведетъ, кому оно нужно? я земледѣлецъ и кромѣ земли мнѣ ничего не нужно. Все остальное вздоръ“.

Въ заключеніе опишу мое знакомство съ Б., самымъ крупнымъ представителемъ здѣшняго кружка толстовцевъ, человѣкомъ популярнымъ и очень близкимъ съ Толстымъ. Давно совѣтовали мнѣ познакомиться съ нимъ, и самъ Толстой, и П. и Т.. но у меня была спѣшная работа и мнѣ никакъ нельзя было оторваться отъ нея, не окончивъ ее вполнѣ. Но вотъ наконецъ дописанъ послѣдній листъ, работа сдана и я получила свободу располагать своимъ временемъ; я не медля воспользовалась этимъ, чтобы пойти къ Б. съ письмомъ Льва Николаевича. Было уже начало іюня, жара вдругъ налегла на Москву, да такъ придавила, что трудно было дышать при поднявшейся пыли, стоявшей облакомъ въ воздухѣ. Я нашла домъ и позвонила. Мнѣ отворилъ молодой человѣкъ, какъ бы сказать, малый, парень, или въ родѣ того; небольшого роста, рыжеватенькій, въ синей рубахѣ и такихъ же штанахъ; на босу ногу. Шея была небрежно обвязана, не то тряпочкой не то платочкомъ. Я спросила Б. Малый добродушно улыбнулся.

— Я и есть Б., пожалуйте,—и онъ ввелъ меня въ домъ.

— Вы, вѣроятно, удивляетесь, что я такъ, босикомъ? жарко...—„Нѣтъ. я не удивляюсь...“ начала было я.

— Нашимъ безобразіямъ?—весело перебилъ Б. „Вообще не удивляюсь ничему, потому что привыкла къ разнымъ вкусамъ людскимъ. А теперь, даже и не замѣтила“. Б. что-то жевалъ. „Вы, кажется, закусывали?“ спросила я.—Да, завтракали. Не хотите ли и вы?

„Благодарю, я уже завтракала, но вы, пожалуйста, кончайте завтракъ, потому что я не могу говорить о дѣлѣ съ людьми, которые голодны. А я здѣсь подожду“.

— Ну, такъ я пойду.

Я осталась въ его „кабинетѣ“. Это названіе такъ же мало подходило къ этой крошечной, лишенной всѣхъ кабинетныхъ принадлежностей комнаткѣ, какъ и фигура малаго въ рубахѣ и на босу ногу—къ интеллигентному, образованному и даже свѣтскому Б. Но не въ томъ дѣло. На столѣ, самомъ простомъ, были навалены книги, (между ними много произведеній Толстого); нѣкоторыя были открыты, другія заложены бумажкой; безпорядокъ былъ большой, но вполнѣ естественный, неизбѣжный, когда кипитъ работа и нужно перечитывать, провѣрять, просматривать, дѣлать справки, и каждая книга необходима, и ее должно имѣть непремѣнно подъ рукою. Около стола—корзина съ ненужными бумагами и письмами. Въ промежуткѣ между окнами стоялъ еще какой-то старинный столикъ, въ родѣ конторки, съ наклеенными ярлыками. Два—три простыхъ стула, у печки пара ботинокъ, очевидно снятыхъ Б. для работы. Ничего больше. Какая разница между этой и той маленькой комнаткой, гдѣ я также ждала хозяина, и которая такъ эстетически была убрана разными бездѣлушками, полна художественныхъ произведеній и уставлена покойною, современною мебелью! Въ комнату постоянно входили за чѣмъ нибудь нужнымъ разныя личности, повидимому жившіе здѣсь (голоса завтракавшихъ доходили до меня). Одна барышня, должно быть гимназистка, радостно собирала вещи, стягивая ихъ ремнями, торопливо одѣвалась спѣша на поѣздъ: должно быть въ деревню куда нибудь уѣзжала на лѣто, отдохнуть къ роднымъ или на выгодное мѣсто, куда нибудь, гдѣ не было пыли, духоты.

Наконецъ рысцою вошелъ позавтракавшій Б. и прямо приступилъ къ дѣлу. Но дѣловой вопросъ былъ быстро рѣшенъ и мы заговорили о постороннихъ предметахъ. Идя сюда, я имѣла въ виду одно свое дѣло, но когда, между

прочимъ, рѣчь зашла о бѣдной трудящейся молодежи, не находящей работы на лѣтніе мѣсяцы и напрасно осаждающей всѣхъ, могущихъ дать имъ ее, — я вдругъ вспомнила про одного изъ многихъ.

„А вотъ скажите, что дѣлать тому, кто наконецъ добился выгоднаго мѣста и занятій по вкусу, но не можетъ выѣхать, за неимѣніемъ денегъ, не только на дорогу, но и на приличное платье, безъ котораго немыслимо явиться въ порядочный домъ для воспитанія юношества?“

— Написать, чтобъ выслали денегъ на дорогу.

„Въ томъ-то и дѣло, что мѣсто далекое, пишутъ, чтобы пріѣзжать немедленно на свои деньги, или у знакомыхъ занять, а тамъ, по пріѣздѣ отдадутъ. И дѣйствительно отдадутъ, но теперь-то, въ силу не помню какихъ-то обстоятельствъ, не могутъ выслать; пройдетъ нѣсколько дней и тогда можно будетъ; но время-то дорого, просятъ не терять его. У насъ набралось нѣсколько, да еще столько же не хватаетъ, рублей 20 надо. Не найдется ли у васъ? воспитатель-то отдастъ, у него кое какая пенсія есть послѣ отца, на которую онъ и живетъ со старушкой бабушкой. Въ случаѣ чего, у него можно будетъ взять въ обезпеченіе и пенсіонную книжку. Онъ не откажетъ дать ее“.

Б. задумался. — У меня то ничего теперь нѣтъ, но я спрошу у нашихъ. Только вотъ что, по принципу я не даю никогда взаймы; если вы, напримѣръ, возьмете у меня денегъ на нужды свои и потомъ отдадите мнѣ ихъ изъ послѣдняго, лишь бы отъ долга избавиться, и можетъ быть, задолжаете для этого — то какая же помощь будетъ это? Надо такъ помогать, что-бы человѣку вышла изъ этого дѣйствительная польза, чтобы оказанная помощь спасла, а не вновь запутала. Я поговорю и съ Львомъ Николаевичемъ, и думаю, что устрою это какъ нибудь; тогда пришлю прямо къ вамъ, а вы уже передайте сами тому лицу и скажите, что это не взаймы ему дается, а совсѣмъ; для того, чтобы мысль объ отдачѣ не тяготила его. А если когда нибудь у этого господина заведется лишняя копѣйка и мнѣ понадобятся деньги, я прямо попрошу его дать мнѣ на мою нужду. Вотъ и все.

Я стала было благодарить его за нашего „protégé“, но онъ совсѣмъ просто отклонилъ мою благодарность словами:

— Я всегда даю „безъ отдачи“, если могу дать, и не краснѣя прошу у другаго когда мнѣ бываетъ нужно.

На слѣдующій день Т. прибѣжалъ съ недостающими 20 р., радостный, торжествующій, ликующій, точно самъ выигралъ большую сумму.